

А. В. КОСАРЧУК

*В Ковдоре -
от первого колтышка*

А. В. Носарчук

В Ковдоре — от первого колышка

А. В. Носарчук

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

двором СМУ и Череповице. Это тоже трест «Ковдорстрой», много не обращая внимания. Некоторым казалось и тому, что можно бы показать страну в Ковдор, но только не в Москву: там Череповица, а там — полуразрушенные бараки.

Переговоры шли долго, с перерывами. Успехом, наконец, завершились за две недели и столами в Ниноере, согласился показать и посмотреть, что же это там такое на Череповице? Начальник станции выстроил наездников, и нас увезли на 19 километров.

Большая делегация пошла осматривать место строительства, а оставшимся гостям из вагона не выгружаться. До поселка около двух километров. Пока мы ходили, осматривали, торговались, вагоны при провозе стояли на пути. Некоторые согласились быть выгруженными, но большинство высказало это в открытую. В вагоне

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

ЮБИЛЕИ ЭТАПЫ БОЛЬШОЙ

С довольно большой разведаний, отделов треста, Ксендзовский обогрел на улицу, сказал. А коллективу треста, клубу, чтобы жить в бараке, бухгалтер не уверенный, деньги выколачивать, разработать проект здания на это брат, пусть выполнят, киньку за это время найдем. Два ком.

И закрутилось, заверте, новинка капитальный ремонт, сравняли площадку до она была перед началом до нее здание с залом на 450 метров, рядом друг с другом действовало на новейшей аппаратуре. Построили котельную на два водогрейных котла. Встал косяк, всем хватало, к

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

Первого июня 1953 года небольшая группа строителей во главе с Петром Васильевичем Голубевым, только что назначенным начальником нового строительного управления, прибыла в район строительства будущего Ковдора. Новое подразделение тогда единственного территориального треста на Кольском полуострове в приказе именовалось так: «Ковдорское управление».

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

История Ковдора началась с первого колышка. В 1953 году в Ковдоре был построен первый дом. Это был дом для строителей. Он был построен из кирпича. В то время в Ковдоре не было ни одного дома. Строители жили в палатках. Но они поставили этот дом. И с тех пор начался рост Ковдора. Сначала строились бараки, потом дома. Теперь в Ковдоре много домов. И люди живут здесь. Они работают на заводе. Они учатся в школе. Они играют в футбол. Ковдор стал городом. И это все началось с первого колышка.

● Рассказ-газета. Стр. 2

А. КОСАРЧУК

Год пуска

К началу 1962 года были уже на выходе новые мощности Череповецкого металлургического завода, рассчитанные на ковдорский железный концентрат. Все, что предстояло, все, что нужно было сделать и строителям и заказчику, было в основном сформулировано в вышеуказанном постановлении Мурманского Совнархоза.

Кроме самих ковдорских строителей на площадке работало еще четырнадцать субподрядных организаций. Этим же постановлением предписывалось направить в Ковдор с разных строек и монтажных организаций области более тысяч рабочих. А с промышленных предприятий — обучить и направить для пополнения коллектива комбината 200 рабочих и специалистов из числа инженерно-технических работников. Куроптскому леспрохозу поручалось произвести вырубку леса и очистку площади под хвостохранилище отходов обогащения железной руды.

Но нужно же было куда-то принимать и расселять прибывающих рабочих и специалистов. И в одном из приложений к постановлению Совнархоза устанавливались жесткие сроки ввода в эксплуатацию целого ряда объектов. В

Далее

Публику города с лет Ковдор старше. Отделать продолжат люди. Да кто, вырастет ра нашем к полярск очерки, Дост КИСС пример Севера

авле- желок овдорт- шего

пер- при- ш

А жизнь в той прогрессивных 1953 года

126 от 12 июня

Личной проверкой

бы и завед

что

РАССКАЗ-ГАЗЕТА. СТР. 6
А. КОСАРЧУК
Приветствие. Началу см. в номерах № 18 и 20

РАССКАЗ-ГАЗЕТА. СТР. 7
Приветствие. Началу см. в номерах № 18 и 20

РАССКАЗ-ГАЗЕТА. СТР. 8
Приветствие. Началу см. в номерах № 18 и 20

● Рассказ-газета. Стр. 6. А. КОСАРЧУК

Первые годы после пуска

И в последние дни за что нельзя было взяться руками. Силкатный кирпич и тот чернел. Бывало, около фабрики жметелся два человека, останавятся, глянут друг на друга и молчат. Идет молодая женщина с подвешенным на плече ведром, по лицу во всех

ЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

венных наград, тех, кто достоин вечно жить в нашей памяти. Практически у нас нет документальных источников об этом. Кроме отде-

К 35-летию Ковдор

выступление А. В. Косарчука, редакция предложением продолжить начатый разговор как населенному пункту. Но история не уходит в глубь веков, и наше понимание прошлого, потому что там зарождались истоки сегодняшнего. За каждым делом — своя история. Рассказом о тех, кто строил и строит, о людях, прославлявших и прославляющих Ковдор. Для этого нужны свидетельства очевидцев, снимки и рисунки, стихи и проза. Это наше понимание истории, говорил Н. С. Горбачев, будет углубляться и развиваться. История, конкретные факты строительства

◆ РАССКАЗ-ГАЗЕТА. СТР. 1 ◆

ПЕРВЫЙ номер «Рудного Ковдора» за 1978 год открывался статьей начальника учебного комбината треста «Ковдорстрой» А. В. Косарчука «ДАТА РОЖДЕНИЯ: 1 ИЮНЯ 1953 ГОДА». Живы в памяти и дальнейшие события — горисполком принял решение о праздновании 25-летия со дня основания Ковдора. А газета регулярно информировала читателей о ходе подготовки и проведения первого в жизни города юбилея. Нашли одобрение читателей и публикации воспоминаний А. В. Косарчука о годах становления города. Они интересны не только очевидцам тех событий, но, и в первую очередь, молодым. Многие странички воспоминаний первостроителя стали отправной точкой для поиска юных следопытов.

Выполняя просьбу читателей, с этого номера газеты возвращаемся к публикации воспоминаний почетного гражданина Ковдора Александра Васильевича Косарчука. Они посвящены тем годам, когда уже было образовано управление «Ковдорстрой» и Ковдорское рудоуправление.

ГОД ЗА ГОДОМ

1957 год занимает особое место в истории Ковдора. Этот год можно считать переломным, годом нового этапа в строительстве, становлении и развитии Ковдора как населенного пункта.

◆ РАССКАЗ-ГАЗЕТА СТР. 18 ◆
А. КОСАРЧУК

Продолжение следует

Хочется сказать несколько теплых слов еще об одном человеке — Анне Петровне Пономаренко. Она тоже много сделала в Ковдоре. В коллективе с 1956 года. С 1958 по 1960 годы Анна Петровна возглавляла бригаду. Человек скромный, трудолюбивый, но при этом

РАССКАЗ-ГАЗЕТА. СТР. 18
А. КОСАРЧУК
Первый год
... время становления коллектива. ... трудностей. Это Голубев, ... трагическая история. ... газету. ... что ... благополучие. ... доступность и ...

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
КОВДОРСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА»

МУНИЦИПАЛЬНОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«КОВДОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

А. В. Косарчук

*В Ковдоре -
от первого колтыка*

*Воспоминания Почётного гражданина
города Ковдора, ветерана труда
треста «Ковдорстрой»*

Центр современной литературы и книги на Васильевском
Санкт-Петербург

2023

63.3(2Рос-4Мурм-2Ковдор)

К71

Косарчук, Александр Васильевич.

В Ковдоре - от первого колышка: воспоминания Почётного гражданина города Ковдора, ветерана труда треста «Ковдорстрой» / А. В. Косарчук. - Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2023. - 171 с.

Благодаря активному содействию редактора газеты «Рудный Ковдор» Я. М. Махлина, воспоминания А. В. Косарчука опубликованы на страницах многотиражки Ковдорского ГОКа в конце 1970-х - начале 1980-х гг. Видное место отведено им и в книге «Ковдор. Большая история маленького города», изданной в 2018 г. Однако тогда были представлены лишь фрагменты, в полном объёме бесценный исторический материал до читателя так и не дошёл. На этот раз предлагается авторская версия мемуаров первостроителя, дополненная новыми фотографиями и документами из его личного архива. Желаем всем заинтересованным приятного и глубокого погружения в нелёгкое, но славное прошлое нашего города, 70-летнему юбилею которого посвящён этот проект.

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
одной замечательной ковдорчанки*

Над книгой работали:

Бисаева Е. А., главный хранитель фондов
МАУК «Ковдорский краеведческий музей»
Дроздович М. С., обучающаяся 11 «Б» класса
МБОУ СОШ № 1 г. Ковдора
Князев Н. С., председатель ЛИТО «Самовар»
Петин В. П., создатель сайта «Ковдор - открытый город»
Чистякова Т. Ю., библиотекарь
центральной библиотеки МБУК ЦБС

Знак информационной продукции **16+**

ISBN 978-5-94422-168-1

© МБУК ЦБС, 2023

© МАУК ККМ, 2023

© Косарчук И. А., 2023

Оригинал-макет подготовлен в издательстве
“Центр современной литературы и книги на Васильевском”
Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 10/1
www.litcenterspb.com www.artlitmix.com
Тел. (921) 934-79-05

ЧАСТЬ 1

*Страница,
не вошедшая в летопись*

Я. М. Махлин

Так получилось, что в конце семидесятых - начале восьмидесятых годов «Рудный Ковдор» много и охотно печатал материалы, связанные с историей основания города. Помнится, именно этот исторический уклон поработал на авторитет газеты. Я тогда для себя так определил повышенный интерес читателей к теме: город молодой, возник на пустом месте, вот людей и тянет к корням.

Хотя и удивляло, что крайне скупы сведения о первостроителях железнодорожной ветки от Пинозера. Её вскорости после торжественного открытия (дата пуска - 22 июня 1941 года) разобрали. Нет, вру, воспоминания одного из чекистов, впоследствии бойца партизанского отряда, сражавшегося в этих же местах, читал. Он ещё рассказывал, что служил в охране лагеря заключённых. Подальше от греха, мы его представили читателям как шофёра, помогавшего геологам ...

Сейчас можно и пожать плечами по поводу боязливых газетчиков из многотиражки. Но, поверьте, другого пути опубликовать десять лет тому назад эту историю бывшего охранника не было. Да и тогдашний читатель эту недосказанность понимал. Мне и сейчас не стыдно за публикацию.

А потом, когда «Рудный Ковдор» попытался стать инициатором создания в городе общества огородников - старожилы в качестве аргумента за эту идею ссылались на распаханную вокруг бывших бараков землю. Дескать, довоенные строители выращивали овощи... Может, и не для себя, а для охраны да начальства, а выращивали, это точно.

До сих пор на слуху разговоры вокруг пятого из пятёрки первых Почётных граждан города Ковдора Александра Васильевича Косарчука. Дескать, и первостроитель он, дескать, имел кое-какие заслуги. Но - потом! А прежде ведь сидел, а дыма без огня не бывает!

Ну не будет же человек носить на груди справку, что в 1958 году Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор спецколлегии Верховного суда Грузинской ССР в отношении Косарчука Александра Васильевича, 1912 года рождения, осужденного по статье 58-10 (без указания части) УК ГрССР, и дело прекращено за отсутствием в действиях Косарчука состава преступления... Да и кто поверил бы такой справке. Не каждого из такого рода благополучных сомневающихся убедишь и орденом «Знак Почета», которым он был награждён в числе строителей первой очереди Ковдорского ГОКа.

Кадровые читатели «Рудного Ковдора», должно быть, не забыли, как из номера в номер газета печатала воспоминания Александра Васильевича. «Первый год», затем «Год пуска» и другие. Благодаря А. В. Косарчуку не останутся безымянными для потомков имена многих первостроителей, рабочих «строительного цеха комбината» - треста «Ковдорстрой».

Мне рассказывали, что предложение А. В. Косарчука на последней районной партийной конференции о создании в Ковдоре памятника жертвам сталинщины вызвало горячее одобрение делегатов. Жаль, районная газета «Знамя пятилетки» уделила этому важному предложению минимум площади, не сочла его значимым для района.

Читатели «Рудного Ковдора» в большинстве своём знали автора исторических очерков в газете только как ветерана треста «Ковдорстрой». А ведь Александру Васильевичу до того, как попал в наши края, выпали отнюдь не простые переживания, тяжёлая судьба. Она мало чем отличается от судеб тех безымянных для нас пока узников лагеря в районе старого Ковдора, строителей железной дороги.

Свою автобиографию Александр Васильевич написал по моей просьбе. Ну а тем товарищам, которые скажут: сколько можно, вот уже и в многотиражных газетах о сталинщине печатают... - что ответить? Можете не читать, разве кто заставляет. А на досуге сопоставьте сэкономленные при этом минуты с теми 1900 днями, которые Александр Васильевич провёл за решёткой и колючей проволокой. И это ему ещё повезло. А сколько вообще оттуда не вернулось живыми.

*Я. Махлин,
редактор «Рудного Ковдора»
в 1973-1982 гг.*

Пока готовим к печати вторую тетрадь воспоминаний почетного гражданина города Ковдора Алексея Ивановича Сухачева, предлагаем читателям оживить в памяти рассказы другого почетного гражданина нашего города — Александра Васильевича Косарчука. Он их и сократил, и дополнил. Да, многие страницы были опубликованы в ковдорской газете, в «Рудном Ковдоре», но ведь более десяти лет прошло. Сознательная часть населения района наполовину помолодела.

Нужно ли знать историю своей малой родины — это уже не риторический вопрос. Необходимо! Достаточно вокруг примеров, к чему ведет беспомыслие, нахальная уверенность в том, что до нас был потоп и ничего другого.

*Памятник жертвам
политических репрессий в селе Ёна.
Установлен в 2013 г.*

Публикуя воспоминания первопроходцев и первостроителей — а эту линию мы планируем вести ближайšie год-два — редакция преследует в чисто утилитарные цели: просьба к читателям уточнить, дополнить. Ведь человеческая память все же не самый совершенный инструмент. И еще надеемся, что пример заслуженных ветеранов подвигнет и их товарищей на подвиг. Здесь уж воистину — один ум хорошо, а чем больше — тем лучше.

Итак, создадим общими усилиями историю самого молодого в области района. Обсудим, отшлифуем — и пожалуйста — книга грядущих поколений готова! Ее останется только издать отдельной книгой.

Заранее спасибо за участие.

Я. МАХЛИН.

Александр Васильевич Косарчук.

Автобиография.

Родился я 17 марта 1917 года в селе Любарка Базарского района Житомирской области, в семье крестьянина-середняка. Отец на общественных началах был сельским дьячком, а точнее руководителем церковного хора. По призванию, без всяких доплат.

С началом коллективизации начали терзать отца: в колхоз не принимали, а как служителя культа лишили права голоса. Это значило, что семья на особом положении. К примеру, детям дальше сельской четырёхклассной школы учиться было нельзя. Или мне нужно официально, через районную газету, отказаться от своих родителей. Что и было решено на семейном совете.

Вскоре вся семья объявляется кулацкой и облагается непосильным налогом. А так как стоимости имущества, оставшегося к тому времени не хватало на покрытие налога, то всё описывается, забирается, продаётся, а семья принудительно высылается из дома. Мы переезжали к сестре моей мачехи (отец, мачеха, я, младший брат и две маленькие сестрёнки) в соседнюю деревню. Никаких средств к существованию. Мачеха с детьми остаётся, а мы с отцом идём на заработки, мне тринадцать лет. Целые дни работаем поперечной пилой на лесоразработках. Конечно же, отец оберегал мои силёнки, таскал пилу практически один. Вскоре он тяжело заболел. Мы вынуждены были вернуться к семье. Через два дня я снова ушёл в надежде где-то устроиться. На дворе был 1932 год.

Призывы к сплошной коллективизации

Некоторое время работал на лошадке в белорусском совхозе, на Припяти. Прослышал о страшном голоде на Украине летом 1933 года, потянуло посмотреть на своих, как они там. Но я опоздал: отец, мачеха и сестрёнки умерли, а младший брат Володя куда-то исчез. Старших братьев, Петра и Степана, и их семей в нашем родном селе тоже не оказалось. Не у кого толком и расспросить то было.

Раскулачивание

Так я оказался в потоке сотен тысяч украинских детей-беспризорников, кочевавших по стране. Кочевали летом до Ленинграда, где своими глазами видел и знаменитый «Сытный рынок», и настоящую шумную биржу труда.

Беспризорники кочуют к югу

Холода заставляли откочёвывать на юг. В конце 1933 года оказался в Тбилиси. При очередной облаве на нашу братию в паровозном депо изловили меня. Сортировали, кого в детскую колонию, кого в детприёмник. Хотя я был необыкновенно грязным и оборванным, произвёл своими ответами на украинском языке благоприятное впечатление. Потом об этом узнал от человека в чине нынешнего полковника, начальника пожарной охраны Закавказской железной дороги - Баграта Илларионовича Гогияшвили.

Этот умный, добрый, строгий и сдержанный человек сделал для меня так много, что буду его помнить до последнего вздоха. Взяли меня воспитанником в пожарную команду. Был учеником в гараже команды мотористов пожарного поезда, авиамехаником. А в январе месяце 1937 года стал инструктором-лётчиком Тбилисского аэроклуба.

Будни аэроклуба

С первых дней - подконтрольная учёба, учёба, учёба. До сих пор не верю, как мог произойти такой головокружительный скачок всего-то за три с небольшим года. Хотя и по сокращённым довоенным программам. И всё это заботами моего второго отца - Баграта Илларионовича. Никаких протекций для меня, нигде никаких исключений - всё труд, труд. Наверное, и я кое-что стоил, потому-то на выпускном вечере в республиканском ДК, где присутствовали представители ЦК и Совмина Грузии, я единственный удостоился золотых часов за успешное окончание училища.

С января 1937 года я уже сам обучал лётному делу группу молодых рабочих предприятий Тбилиси. Тогда на аэроклубы возлагалась ответственная задача - в короткий срок подготовить сто тысяч лётчиков. Страна готовилась к войне и нужен был резерв военных кадров.

Нашей школе, носившей имя Берия, уделялось немало внимания: приёмы в ЦК, Совмине и, однажды, у самого «хозяина» республики.

Молодёжь, на самолёт!

На пожарном поезде со мной вместе работал уже пожилой человек, Владимир Тверетинов. В очередную годовщину смерти В. И. Ленина он пришёл сменивать меня на дежурстве и принёс с собой номер республиканской газеты «Заря востока» (она и теперь носит это название), вышедший в январе 1924 года. Почитай, говорит, а потом верни обязательно (он шефствовал надо мной). Мы кое-что прочитали вместе, он прокомментировал. Л. Д. Троцкий тогда отдыхал на Кавказе и, получив известие о смерти Ленина, тут же выехал. Проезжая через Тбилиси, поместил свою статью-передовицу в местной газете, где были такие слова: «Ленин ушёл от нас. Найдётся ли в партии достойный человек, который сможет заменить его?»

Рассчитывая внимательно прочитать и вернуть газету Тверетинову, я положил её на дно своего баульчика. И забыл. А вскоре я уже занимал комнатку в здании аэроклуба и с Тверетиновым не встречался.

В марте месяце 1937 года ко мне (в перерыве между теоретическими занятиями) зашёл мой друг - пилот-инструктор Саша Лобжанидзе и попросил конверт. Не найдя его на месте, я вспомнил, что конверты когда-то были в чемоданчике. Вытащил из-под кровати и, перебирая бумаги, наткнулся на газету Тверетинова. Показал её Саше. Тот вырвал её из моих рук, впился глазами и забыл про всё на свете. Раздался звонок на занятия. Уходя, Саша попросил дочитать газету, пообещав обязательно вернуть утром. В классе газету увидел замполит школы, взял ненадолго. А на следующий день меня вызвал в НКВД наш куратор Асланов.

Три дня я ходил к нему на «беседу» (с протоколом) мирную, а в итоге получил от него наставление: все бумаги пересмотреть, и все старые сжечь, чтобы никто не видел. Мне он сказал: «Ни с кем из знакомых о наших беседах не рас-

пространяйся, время теперь, сам знаешь, не очень хорошее». И подбодрил добрыми дружескими словами.

Я спокойно продолжал работать. А числа 25 апреля ко мне подошёл комсорг школы, бывший мой инструктор Саша Амосов (потом Герой Советского Союза) и сказал: замполит вычеркнул тебя из списка дежурных пилотов по аэродрому в майские дни ... А через несколько дней узнаю, что велено исключить меня из комсомола. Этого не произошло. Но 29 апреля два энкаведешника подняли меня с постели и, наскоро посмотрев моё скромное имущество и забрав все бумаги (хотя все старые по совету Асланова я успел сжечь), увезли меня в НКВД.

Картина А. Калиникова «Чекисты»

Два с половиной месяца пребывал в следственной тюрьме (в здании НКВД) образца и содержания 1937 года, без единой прогулки. 17 июля Спецколлегия Верховного суда Грузии определила: «5 лет лагерей с последующим поражением в правах на 2 года, по статье 58-10 за антисоветскую агитацию (через нелегальную литературу)».

Проезжая этапом неизвестно куда, в необорудованном даже нарами товарняке, я выбросил через решётку прощальную записку моим друзьям, привязав её к четвертушке хозяйственного мыла, выданного нам на дорогу. Выбросил записку, когда поезд проходил мимо нашего аэродрома (теперь это территория Руставского металлургического завода).

Кошмарный переезд в глубоком трюме парохода из Баку в Красноводск в августовскую жару. Не в лучших условиях недельное путешествие до Ташкентской пересылки. Потом хлопковые поля с утра до вечера со всеми прелестями Ежовского режима для «политических».

В 1938 году меня в вагон-зеке, с двухнедельной остановкой в Сызрани, перебрасывают в Котлас. В Котласе оказался в лагере, где выполняли погрузо-разгрузочные работы «вагон-баржа» (далее железной дороги не было) для обеспечения Северных лагерей всем необходимым. Условия здесь были лучше, хотя и тяжкая работа грузчика.

Там узнал, что я должен был следовать на Воркуту. Там, в авиаотряде, работали лётчики-заключённые на У-2, выполняя местные рейсы. Воркута тогда была связана только водой через Архангельск.

Пока меня везли до Котласа, один из лётчиков-зеков решил бежать на своём «кукурузнике». Горючего у него хватило только до отрогов Урала. Где он и плюхнулся в кусты, ободрав машину и собственную физиономию, и оказался снова в «родном» Воркутинском лагере, уже за решёткой, в шахте, с продлённым сроком. Поэтому меня дальше и не повезли. Впредь на тех линиях летали только вольнонаёмные.

*Строительство
железной дороги Котлас - Воркута*

Потом - тачка с грунтом на строительстве железной дороги Котлас-Воркута постепенно продвигалась вместе с рельсами всё дальше до конечной цели. Война вот-вот начнётся и на эту стройку не жалели ничего: ни денег, ни материалов, ну и, конечно же, людей. Воркутинский уголь мог заменить в случае беды Донбасский. Это в общем-то и случилось.

Бытовавшее образное выражение, что «под каждой шпалой лежит человек» - не голословно. От Котласа до Воркуты около 1100 километров, а на каждом километре 1300 шпал. Да станционные пути, да мосты и трубы, да посёлки, депо и прочее обустройство станций. Вот и считайте...

Сторожевая лагерная вышка

Освободился в 1942 году, проработав до этого год помощником участкового геодезиста с облегчённым режимом. В войну режим был значительно легче, а жизнь зеков лучше со стороны кухни.

Справка об освобождении служила паспортом. Хотя и выезжать за пределы стройки права не имел. Действовал «довесок» - два года поражения в правах. Практически ссылка на этот срок, а фактически и больше.

Проходили мы и военную комиссию, кое-кого из нас забирали на фронт. Я дважды договаривался с военкомом, приехавшим из Печоры, «комиссовать» нас на фронт. Дважды на поезде удирал. Нужно-то было добраться только до военкомата, и ты уже недосягаем для администрации стройки. Но оба раза меня лагерная охрана снимала в пути и возвращала назад. Специалистам (я уже был участковым геодезистом, фигурой на стройке немаловажной) полагалась броня, т.к. стройка считалась особо важной.

Потом дали паспорт со статьёй 39-й в нём: запрет проживания в столицах и областных городах. Но в отпуск ездить можно.

Рос и по службе: к концу войны стал руководителем отдела карьерного хозяйства. На железнодорожных стройках, особенно на Севере в заболоченной местности, карьерное хозяйство очень важный участок: на 130-километровом отрезке нашего управления было пять железнодорожных карьеров с десятком паровозов, сотнями вагонов, экскаваторами и прочим хозяйством. В 1947 году женился на приехавшей по направлению из Владимирского медицинского техникума Екатерине Ивановне Галкиной.

По приказу Министерства на нашей стройке формировалось подразделение для ускоренного строительства 35-ти километров железной дороги со всем обустройством в лесах севера Кировской области, для крупного лесозаготовительного лагеря НКВД.

Представлялось право - независимо от занимаемой должности - желающих включить в этот коллектив. Возможность покинуть край, где столько пережил и уехать в среднюю полосу (хотя и не очень) была единственной. Со статьёй 39-й в паспорте милиция не прописывала в большинстве районных городов.

Уехали мы с полугодичной дочерью и жили в оборудованном товарном вагоне. Но зато в прекрасной климатической зоне. Единственное, что омрачало жизнь - опять рабочие-заключённые.

По окончании задания снова передислокация, уже в Красноярск, на закрытую стройку. Там два объекта - железная и автомобильная дороги (здесь я старший инженер производственно-технического отдела). И снова после выполнения основного задания весь коллектив едет на Дальний Восток, в бухту Нагаево. А главного инженера и меня оставляют для завершения дел. Через некоторое время ему удастся присоединиться к своим (он ранее работал на Сахалине, в Охе). А мы с женой договорились туда не ехать, вырваться домой, на Владимирщину. У меня в паспорте уже прописка Кировской области, а главное - Красноярска, да ещё и штамп о работе на «почтовом ящике».

Ещё через некоторое время добиваюсь откомандирования в распоряжение своего главка - ГУЖДС (главное управление лагерей железнодорожного строительства НКВД), в - Главпромстрой НКВД.

В Москве получаю направление на новую железнодорожную стройку № 509 в Кировск. Предстоит строительство железной дороги-магистрали у Апатитов, а точнее от Титана (между Кировском и Апатитами) до Поноя, с веткой на Йо-каньгу. Она прежде всего проектировалась, как стратегического значения дорога, связанная с началом периода «холодной войны».

Сделано было немало. Жили уже в своём посёлке - Октябрьском, насыпь проложили до 137 километров от Титана.

После смерти Сталина, в 1953 году, среди других подобных крупных строек страны была законсервирована и наша. А я получил приглашение в трест «Кольстрой» на должность старшего прораба в новое Ковдорское СМУ. Здесь был первым на стройке старшим прорабом, директором КПП, главным диспетчером, директором УКК, председателем профкома треста...

В октябре месяце 1958 года был принят в ряды КПСС, а в ноябре этого же года получил справку из Верховного суда СССР о реабилитации...

А. В. Косарчук, ветеран труда.

1942

Старости эти писались в 25-летие Новобра
в 1978 году. Не всю правду, ~~но не в годы~~
можно было писать, как в фашистского
освоения Новобрачного Земляного
мессорондиста ~~вместе с другими~~

Работать приходилось на территории Рудниковой
было ~~запрещено~~, ^{то же} ~~основные~~ ~~как~~
~~назывались~~ ~~по~~ ~~на~~ ~~т~~ ~~е~~ ~~м~~. Это
они также учредили охрану ~~в~~ ~~о~~ ~~с~~ ~~л~~ ~~о~~ ~~ж~~ ~~н~~ ~~н~~
подручными ~~и~~ ~~к~~ ~~о~~ ~~б~~ ~~з~~ ~~о~~ ~~р~~ ~~о~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~
~~по~~ ~~т~~ ~~р~~ ~~е~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~н~~
перепод и лопат ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
повышали из ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
нож пороши пласти ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
ею ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
76х ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
и ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
та ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~

Сам лагерь ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
тн ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
нр ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
сб ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
сб ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
сб ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~

рука ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
А ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
бы ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
в ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
в ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
и ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
и ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
и ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
и ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
и ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
и ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~

199 г

Большинство земельных быт
активизированы, работы см. в
рубрике на месте, это и были
основные признаки того, по чему
рубрики были ликвидированы.

(Далее продолжается запись
~~со страниц 199 г (разрешение на р.м.)~~
Рисунки)

Справка Арбитражного Суда СССР о реабилитации
Иван Николаевича Мещеряков в Повдоре, через
16 лет после освобождения из лагеря
(поиск справки прилагаются)

Всем полным читателем, в начале своих
зачеток по истории Повдора я говорил
много жальна дорога на Повдор до войны,
открылась ~~также~~ не широким местными
путьми заключенных. Так же как и на
острове Ижме в Печорском Железном
дороге. Многие из них оказались в
близлежащих могилах, на которые уже
остатки земли и заросли их мест
~~остатки~~ лесов в кладбищах, около
бывших лагерей: от Печоро-Землянского.

Висагиназ в 1984 году на Повдор -
около районной парикмахерской поворота
и предложил соорудить на территории
бывшего Спешного Повдора - обелиск в память
о Печоро-Землянском Повдоре вблизи своих
близлежащих ~~территории~~ восточной части
города и находящихся от наших дней. Сотни
моги близлежащих могилах в основном
время, остались около бывших лагерей.

Предложение одобрено было правдой,
вплоть до Т.И.И. Меркурьевым по выводу
нечего решать по х.х.х.х.х.

На 2006го деле известна ~~тогда~~ ~~один~~
из ~~близлежащих~~ ~~заседаний~~ ~~Нового~~ ~~Соввета~~
районного ~~Соввета~~ ~~на~~ ~~маршрутах~~ ~~двух~~
дней. Вопрос будет рассматриваться
на одном из ближайших заседаний
Повдорского районного Соввета ~~на~~
делегативов

2.11.09 Мещеряков

Копия

ВЕРХОВНЫЙ СУД

Судовая Коллегия
Кавказского округа Республики

ноября 1988 г.

№/ДСП-292-58

СПРАВКА

Дана в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 октября 1958 года приговор снацколлегии Верховного Суда Грузинской ССР от 17 июля 1957 года в отношении КОСАРЧУКА Александра Васильевича, 1917 года рождения, осужденного по ст. 58-10 /без указания части/ УК Гр. ССР, отменен и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

По данным уголовного дела, Косарчук А.В., до ареста работал пилотом-инструктором Тбилисского аэроклуба.

Имя Председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР-

/А.Сунатаев/

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 1

Ф. И. О. Косарчук Александр

1917

Косарчук Александр
Васильевич
г. Ковдор
Архангельской области

Председатель горрайисполкома

Как незаконно репрессированный имеет право по месту жительства на внеочередное бытовое, медицинское, торговое обслуживание (на товары достаточного ассортимента); приобретение проездных билетов на все виды транспорта; бесплатный проезд на городском пассажирском транспорте (кроме такси), а в сельской местности в пределах административного района на автобусах общего пользования, а также право бесплатного отпуска лекарств по рецептам врачей по месту обслуживания.

Основание. Решение Мурманского облисполкома от 27 июня 1990 г. «Об установлении льгот гражданам, незаконно репрессированным в период 30-40-х и начале 50-х годов».

Личная подпись

[Handwritten signature]

МТПИ Зак. 3060.

План лагеря в Ковдоре составил по памяти водитель автомашины в предвоенные годы В. В. Кашевский.

На схеме:

- 1. Лесоповал.*
 - 2. Казармы пограничников.*
 - 3. Склады геологов.*
 - 4. Посёлок геологов.*
 - 5. Сотка Рудная.*
 - 6. Автогараж лагеря заключённых.*
 - 7. Заправочная склада горюче-смазочных материалов.*
 - 8. Склады продовольствия и спецодежды.*
 - 9. Домики охраны лагеря.*
 - 10. Конюшня лагеря.*
 - 11. Озеро Ковдора.*
 - 12. Проходная лагеря.*
 - 13. Лагерь.*
 - 14. Кладбище, где хоронили заключённых.*
 - 15. Площадка для загрузки грузов при вывозке по железной дороге.*
 - 16. Нововыстроенные бараки-двухэтажки.*
- - - - Шоссейная дорога.*
- = = - Дорога-лежнёвка.*

ЧАСТЬ 2

*Дата рождения:
1 июня 1953 года*

«В ноябре прошлого года мне позвонила, учитель математики из семнадцатой школы Альбина Николаевна Каверина и сказала, что при школе создаётся музей истории Ковдора.

Альбина Николаевна и ребята старших классов дважды были гостями у нас, в учебном комбинате, и подолгу. Задавали вопросы, я отвечал, затем сам продолжительно рассказывал. На столе слегка шумел магнитофон, иногда щёлкал затвор фотоаппарата. Я дал им некоторые фотографии, сохранившиеся у меня, рассказал, к кому можно ещё обратиться из тех, кто пришёл в Ковдор в числе первых строителей, и обещал дать копии некоторых документов, относящихся к приходу первых строителей в Ковдор, что потом и сделал.

После звонка Альбины Николаевны я вдруг вспомнил, а ведь 1 июня 1978 года исполнится 25 лет Ковдору, как населённому пункту, и что это первый юбилей в истории нашего города.

А началось всё так. В мае 1953 года по тресту «Кольстрой» (тогда единственному территориальному тресту на Кольском полуострове) вышел приказ об организации в Ковдоре строительного управления - СУ «Спецстрой», на которое возлагалось строительство горно-обогатительного комбината и посёлка Ковдор. Начальником этого управления назначался опытный строитель и хороший организатор Пётр Васильевич Голубев.

25 мая Голубев прибыл в Куропту, где уже существовал леспромхоз, подведомственный тресту «Кольстрой». Участок, строивший леспромхоз, подчинялся Африкандскому строительному управлению, он теперь переходил в подчинение образовавшегося Ковдорского управления, становился его первым базовым подразделением.

Привожу текст первого приказа, изданного П. В. Голубевым по прибытии в Куропту:

«Приказ по специализированному управлению СУ «Спецстрой».

Параграф первый: сего числа вступил в обязанности и. о. начальника специализированного управления «Спецстрой». Основание: Приказ по тресту от 25 мая 1953 года № 213-к.

Начальник СУ «Спецстрой» Голубев».

Сборник, в который А. В. Косарчук клеивал газетные публикации со своими воспоминаниями о строительстве Ковдора

Первые бараки Ковдора

Сформировав часть своего штаба, Пётр Васильевич с группой рабочих 1 июня 1953 года прибыл в Ковдор, а точнее - в Старый Ковдор. Там было три (примеч. исправлено на «четыре») полуразрушенных барака и несколько маленьких в таком же состоянии домиков.

Этот день и стал началом строительства Ковдора и возникновением на Кольском полуострове нового населённого пункта. Было бы неверным считать этот день и началом освоения Ковдора. Ещё в довоенное время здесь провели большую работу геологи. За ними в то же довоенное время строители-железнодорожники, которые уложили железнодорожный путь на значительном протяжении. В войну рельсы были сняты на оборонные объекты. Кстати, после снятия в войну рельсов железнодорожное полотно служило для пограничников гужевой дорогой от посёлка Ёна до Ковдора.

Но и геологи, и железнодорожные строители были здесь временные. А наши строители 1 июня 1953 года пришли в Ковдор строить комбинат и посёлок, образовав сразу постоянный населённый пункт. Вот почему на картах и в других официальных документах возникновение Ковдора как населённого пункта датируется 1953 годом.

В середине 1953 года поезда ходили до 112 километра, где была временная станция, а на нынешней станции Ковдор уже работали железнодорожные строители.

Первым строителям Ковдора не пришлось жить в палатках, так как геологи и железнодорожные строители оставили после себя упоминавшийся выше Старый Ковдор. И хотя бараки и домики были в очень плохом состоянии, но они всё же были базой. Хоть какая то крыша была. И началась деловая жизнь формировавшегося коллектива».

ЧАСТЬ 3

Первый год

Я прибыл в Ковдор в середине июля 1953 года, когда коллектив строителей уже насчитывал около 200 (*примеч. исправлено на «70»*) человек. Назначили меня старшим прорабом - первым старшим прорабом в Ковдоре.

Строения в Старом Ковдоре оказались для первых строителей хорошей базой. Но всё равно трудностей в начальный период хватало: не было ни транспорта, ни телефонной связи, ни торговли, ни инструментов и материалов. Практически не было ничего.

И, вспоминая сегодня о наших трудностях периода становления коллектива, хочется вспомнить Виктора Васильевича Максакова и бывшего начальника Пинозерского мостопоезда Ивана Николаевича Шапкина, которые оказывали нам помощь, чем могли. Ох, как дорога была нам эта помощь!

Когда я приехал в Ковдор, Пётр Васильевич Голубев, начальник СУ «Спецстрой» Ковдора, встретил меня радушно и сказал, что наконец-то у него появился помощник на производстве, и он теперь может спокойно ездить в трест и «выбивать» всё, что нам нужно. Уехал он на следующий же день, вернулся мрачный, отозвал меня в сторону:

- Ко всем нашим бедам прибавилась ещё одна, с которой не знаю, как мы и справимся.

В тресте ему сказали, что из Горького в Ковдор выехали в двух вагонах 72 рабочих по оргнабору. Выехали вместе с семьями, есть и дети. Вагоны придут в Пинозеро, а поселить людей негде. Единственный выход - это чтобы я срочно выехал в Пинозеро, побывал на 19 километре железной дороги Пинозеро - Ковдор. Там, в полутора километрах за заливом Червас-Губа есть бараки бывшего посёлка лесозаготовителей и железнодорожных строителей. Там же остался и продовольственный ларёк мостопоезда. Об этом Голубеву сказал начальник мостопоезда И. Н. Шапкин. Но в каком состоянии эти бараки, никто не знает.

П. В. Голубев

Я должен побывать там, осмотреть всё, а затем поехать в Кандалакшу, взять в строительном управлении 20 рабочих и до приезда людей из Горького восстановить что можно. Выхода другого нет.

Где брать всё то, что нужно для поселения более 100 человек, Голубев ничего не сказал. И, когда давал мне задания, старался не смотреть на меня, а всё разглядывал носки своих ботинок, хотя они были чистые.

В тот же день я уезжал из Ковдора. Провожая меня, Пётр Васильевич посмотрел мне в глаза и сказал, что мы, мужчины, должны всегда быть готовыми к преодолению трудностей. В тресте, в отделе кадров он ознакомился с моим личным делом, знает, что я испытал в жизни немало, а предстоящее мне поручение со всеми сложностями будет полезным в моём жизненном опыте на будущее.

Поезд Пинозеро - Ковдор ходил тогда раз в сутки и назывался он товарно-пассажирским. К паровозу цеплялись три деревянных (*примеч. зачёркнуто!*) пассажирских вагона, со сплошными вторыми полками - как нары. Освещались вагоны свечками. К составу подцеплялись все товарные вагоны, которые нужно было подобрать в пути на станциях. Расписания как такового не было. В Куропте стояли, как правило, 2-3 часа, в Ёне 3-5 часов. И так далее. В общем от Ковдора до Пинозера поезд шёл более полусуток.

В Пинозере я первым делом со страхом огляделся, нет ли на путях вагонов из Горького? Затем спросил у дежурного по станции и, убедившись, что люди ещё не прибыли, наскоро поел и отправился пешком на 19 километр. А шагать по шпалам до барачков Червас-Губы надо было действительно двадцать километров.

На месте всё в основном оказалось так, как говорил мне Пётр Васильевич. Бараки без окон, без дверей, полуразрушенные печи, сорванные полы. Всё пошло на дрова. Ведь посёлок был ничейный.

Вернулся я так же по шпалам в Пинозеро. Вагоны из Горького всё ещё не прибыли. На следующий день в «Кандалакшстрое» я подобрал (уговорил) 18 рабочих и на машине, гружённой инструментами, постельными принадлежностями и некоторыми материалами, к вечеру добрался до моста у залива Червас-Губа. На разбитой временной дороге автомобиль чувствовал себя ещё хуже, чем пешеход, шагающий по шпалам.

Разгрузив машину и пожелав шофёру счастливо добраться домой, мы на плечах и на лодках переправили весь скарб в посёлок, если его можно было так назвать. Когда рабочие увидели, куда я их привёл, настроение у них испортилось, но роптать на меня никто не стал, так как ещё в Кандалакше я им почти правдиво рассказал, куда они едут. У меня же настроение поднималось: первая и самая главная задача выполнена, люди для восстановления посёлка на месте.

А с восстановлением надо было поторопиться. Вот-вот придут 100 человек, да ещё с детьми. На следующий же день приступили, нужно сказать, дружно и организованно. Люди оказались добросовестными и знающими своё дело. Но они поставили мне условие, что через месяц уедут в Ковдор.

С одних барачков снимали остатки оконных переплётов, двери, доски для полов, разбирали печи и комплектовали те, что были в лучшем состоянии. Но для ремонта печей требовалась глина. Лесники сказали, что глина есть в двух кило-

метрах от железнодорожного моста в сторону Ковдора. И вот на лодке до моста, а дальше пешком по болоту отправились мы по указанному адресу. И нашли то, что называлось глиной. Копали, в мешках на плечах тащили до моста. А сколько один человек может пронести два километра по болоту? Но и эта сложность наладилась.

Дело в том, что строительство комбината и посёлка невозможно было без постоянной электроэнергии. А источник её - в Кандалакше, на ГЭС-3 Нивского каскада. Предстояло форсировать строительство линии электропередачи на Ковдор. Работа эта уже велась от Кандалакши до разъезда Червас (10 километр). Тянула линию субподрядная организация «Ленэлектросетьстрой», а генподрядчиком было то же Африкандское СМУ, что и по Куроптскому леспромхозу. Теперь функции генподрядчика переходили к нам.

А это означало, что по всей трассе будущей линии электропередачи нужно вырубить просеку, убрать лес, вырыть под каждую опору по четыре ямки для подножников, как правило, в скальном грунте, сделать подъезды для тракторов (дорог не было) и выполнять другие многочисленные функции генподрядчика. Ленэлектростроевцы трудились в темпе, поджимали нас, и надо было торопиться с предоставлением фронта работ.

Тогда все специалисты заказчика, строители и монтажники считали, что если и удастся линию электропередач построить без автодороги, то эксплуатация без неё будет невозможной. В процессе эксплуатации линии возможны различного рода аварии, а как ремонтным группам в кратчайшее время добраться с материалами до места? Ведь в отдельных местах линия электропередачи уходит от железной дороги до 7 километров.

Автодорога вдоль трассы электропередачи была запроектирована, но не нашлось организации, которая взялась бы построить её. И тогда было принято следующее решение.

На всём протяжении от Пинозера до Ковдора собственными силами привести в проезжее состояние временную автодорогу, которую вынужденно пробили строители железной дороги ещё до войны, пока не уложили рельсы. Предстояло навести множество малых деревянных мостов, улучшить, спрямить, а кое-где вновь пробить отдельные участки дороги, построить девятипролётный мост через залив Червас-Губа и два перехода через речку Нижняя Ковдора на 83 и 107 километрах. И всё это собственными силами. Поэтому-то я с выездом в Червас-Губу и назначался старшим прорабом дорожного строительства:

«Приказ по специализированному управлению СУ «Спецстрой» № 29. 29 июля 1953 года, пос. Ковдор.

Параграф 3. КОСАРЧУКА Александра Васильевича зачислить в качестве старшего прораба участка дор. строительства с Нивы-III до Ковдора с 24 июля 1953 года, с окладом по штатному расписанию.

Начальник СУ «Спецстрой» Голубев».

Ещё раз хочу оговориться, что свой рассказ веду по памяти, кое-что уточнил с ветеранами треста «Ковдорстрой» В. С. Дергуновой, В. И. Шмелёвой, Ю. И. Пашичевым, Г. Ф. Горшковой, А. Г. Гришуковым и бывшим строителем, ныне старшим лесником Ковдорского лесничества С. П. Погудиным. О некоторых событиях и датах, возможно, говорю неточно. Надеюсь, что читатели «Рудного Ковдора» дополнят меня, исправят, если я где ошибся.

Итак, предстояло восстановить бараки, чтобы было, где разместить пополнение из Горького. Где взять кровати, матрасы, инструменты и многое другое, что необходимо для жизни и работы коллектива в 100 человек?

Пётр Васильевич Голубев, провожая меня из Ковдора, ничего не обещал, да и нечего было обещать. Одна надежда на трест. Но этот вопрос со снабженцами треста не обсуждался. Следовательно, если и решится, то не сразу. А вагоны - на подходе.

Мысль: где? где? где? - не покидала. И вдруг вспомнил, что на станции Титан (между Апатитами и Кировском) есть большая материальная база бывшего строительного управления, откуда я перешёл на работу в трест «Кольстрой». Строительство там законсервировали, кадры разъезжались кто куда, а материальные ценности пока оставались. И я решил, что поеду не в трест «Кольстрой», а туда, в Титан, к своим бывшим товарищам по работе - они-то должны понять и помочь мне.

Расчёт мой оказался верным: через четыре дня был отгружен вагон со всем необходимым. Удалось раздобыть даже больше, чем я рассчитывал. Поблагодарив товарищей за помощь, я ехал обратно в вагоне с имуществом и ликовал. Ликовал, что пока у меня на удивление всё получается. В Пинозере от моего хорошего настроения враз не осталось и следа. Третий день два четырёхосных товарных вагона с вербованными стояли на путях. Никто к ним не подходил, никто ими не интересовался. Оставшись без всякой информации, а большинство - и без средств к существованию, люди были настолько возбуждены и озлоблены, что диспетчер треста «Кольстрой» Караваяв, постоянно находившийся в Пинозере, неизвестно куда укрылся, бросив диспетчерскую. А жильцы близлежащих домов сидели в своих квартирах, боясь даже выходить на улицу.

Забегая вперед, скажу, что часть прибывших рабочих оказалась из бывших уголовников. В их числе и женщины, освобождённые в этом же, 1953 году, из мест заключения по амнистии. Что мне оставалось делать? Тоже спрятаться и не подходить к ним, как это сделал Караваяв? Но ведь это - мой будущий коллектив, я этих людей ждал, должен был их устроить, накормить и обеспечить работой.

Немного сориентировавшись у дежурного по станции, я подошёл к вагонам. Поздоровавшись, спросил, кто старший. Не успел оглянуться, как оказался в плотном кольце. Сразу же посыпались вопросы, а кто я такой. Не ввязываясь в дискуссию, я попросил всех взрослых выйти из вагонов и отойти в сторону от пути. Когда люди немного успокоились, я им честно рассказал всё, о чём написал выше. Поднялся шум, крики, угрозы, заголосила женщина. Старшие вагонов ретировались в толпу. Выбрав в этой неразберихе двух молодых здоровых ребят, на первый взгляд тех, кто сможет унять этот галдёж, я снова вступил в переговоры.

Все требовали немедленной отправки в трест «Кольстрой», от имени которого Горьковский оргнабор заключал трудовые договоры. За дни стоянки в Пинозере люди уже узнали, что трест находится в Мончегорске. На мои доводы, что вагоны адресованы в Пинозеро, что Ковдорское СМУ и Червас-Губа - это тоже трест «Кольстрой», никто не обращал внимания. Некоторые склонялись к тому, что можно бы поехать сразу в Ковдор, но только не в какую-то там Червас-Губу, да ещё в полуразрушенные бараки.

Переговоры шли долго, с переменным успехом. Наконец, измученные за дни дороги и стоянки в Пинозере, люди согласились поехать и посмотреть, что же это там такое за Червас-Губа? Дежурный по станции моментально нашёл паровоз, и нас увезли на 19 километр. Большая делегация пошла осматривать место жительства, а оставшимся наказали из вагонов не выгружаться. До посёлка было около двух километров. Пока мы ходили, осматривали, торговались, вагоны при паровозе стояли на пути. Некоторые согласны были выгружаться, но побаивались высказать это в открытую. Большинство, а точнее так называемые лидеры, не согласились выгружаться. Машинист потребовал немедленного возврата в Пинозеро, так как паровоз больше двух часов перекрывал движение другим поездам.

Уехали в Пинозеро. Там снова продолжались изнурительные переговоры. Всё же, в очередной раз, вернувшись на 19 километр, все выгрузились. Мне потом рассказывал машинист паровоза, что ему было приказано: как только последний человек выйдет из вагона - немедленно убираться с 19 километра.

Я ему тогда не признался, что это была моя просьба к начальнику станции Пинозеро дать такое распоряжение машинисту... Паровоз с вагонами уходил в Пинозеро, люди смотрели им вслед, понимая, что возврата туда уже не будет.

Но вернёмся в Ковдор. Здесь шло интенсивное восстановление барakov (их было четыре) и нескольких домиков, часть из которых стоит и поныне. Люди прибывали почти каждый день группами и в одиночку. Они сразу, без оформления, становились на рабочие места. Просто ещё не было работника по кадрам. И комиссию перед поступлением не проходили - негде. Трудовые книжки складывал себе в портфель Пётр Васильевич Голубев. Население возрастало, а в посёлке - ни пекарни, ни магазина, ни столовой, ни бани. Вообще ничего, кроме крыши над головой, да и то дырявой. Ведь бараки многие годы стояли бесхозными.

На месте нынешней станции Ковдор работали железнодорожные строители - рабочие Пинозерского мостопоезда. В вагонах размещались и магазин, и столовая, и пекарня. Но они были рассчитаны лишь на рабочих мостопоезда. Формально нам не отказывали пользоваться столовой и магазином, но ... после железнодорожников. К тому же, от Старого Ковдора до станции было около пяти километров вокруг озера. По сегодняшним ориентирам - это бывшая лесобиржа леспромхоза, борт карьера рудника «Железный», лесоцех и далее на станцию. Можно было проехать и на машине. Но, во-первых, их не хватало и для перевозки грузов. Да и дорога была в таком состоянии, что выгоднее пешком, чем ехать.

Все эти сложности и трудные вопросы предстояло решить, и решить все сразу и быстро, второстепенных среди них не было. А тут (с одной стороны - на радость, а с другой - как назло) пополнение, в основном молодёжь. Молодым всякие там пекарни, бани и прочее было нипочем. Им давай клуб, давай танцы. И нужно сказать, что Голубев хорошо это понимал. Наперёд скажу, что уже первого октября клуб был готов. Вскоре и наша зависимость от торговых точек на станции Ковдор отпала, хотя и не совсем.

Здание магазина в Старом Ковдоре стоит и сейчас. А первым продавцом в нём была Екатерина Илларионовна Зеленова, проработавшая в торговле Ковдора более 23 лет. Сейчас она на заслуженном отдыхе, живёт в Рязани.

В тот год, год основания города, головной базой стал Старый Ковдор, вместил он 200 человек, магазин, столовую, пекарню, клуб с киноустановкой, баню, управление (контору) строительства, другие службы и начальную школу, так как семейных с детьми было уже немало. И они тоже всё прибывали.

Параллельно на будущей промплощадке (там сейчас находятся управления ОРСа, УПТК и КПП) строились четыре сборных каркасно-засыпных дома (барака), которые поставлялись готовыми деталями с Петрозаводского завода домостроения. Сборка этих домов производилась быстро и не требовала рабочих высокой квалификации. Достаточно иметь в бригаде из 15 человек 3 - 4 квалифицированных плотника.

Первые бараки Старого Ковдора. 117 км.

Улица Ленина. 117 км. 1954 г.

В таком здании, которых и сейчас в Ковдоре немало, - 16 комнат по 20 и четыре по 9 квадратных метра. В бараке можно было разместить и общежитие на 80 человек, либо поселить 20 семей. По нормам того времени. Для ускорения сборки барачков привлекалась субподрядная организация «Индустрой».

Рассчитывалось, что и в постоянном посёлке, как тогда говорилось, за озером (в нынешнем городе) удастся собрать несколько барачков. К исходу 1953 года коллектив строителей в Ковдоре предполагалось увеличить до 550-600 человек, в Куропте - до 80-90, и на периферии - Червас-Губе и Шуми-городке - до 60 человек. А всего в пределах 700-750 человек.

Одновременно управление строило бетонно-растворный узел, карьеры песка и гравия, складские помещения, конюшню, пилораму. Подошли механизмы,

Переход через озеро Ковдоре

нужно было создавать службу механизации и многое, многое другое. И всё это делать одновременно.

В сентябре 1953 года появился пешеходный переход через озеро. Он был наплавной, из брёвен, узкий, вдвоём не разойтись, но благодаря ему значительно сократилось расстояние от посёлка до промплощадки.

На промплощадке, кроме четырех барakov, строились мастерские по ремонту механизмов, электростанция, другие объекты и закладывался фундамент под здание управления комбината. Строились бараки и в постоянном посёлке. Первым из них был заселён барак № 8 на углу улиц Кирова и Горняков. Он снесён совсем недавно. Вскоре его участь постигнет и остальные бараки. В связи с этим такие предложения. Следопыты из школы № 17 собирают материалы для будущего музея города. А почему бы этот музей не разместить в одном из барakov, подлежащих сносу? Ведь тут само здание может служить красноречивым экспонатом!

К осени 1953 года было создано всё необходимое для жизни и работы коллектива. Только в Ковдоре работало более 20 бригад. Сформировался аппарат управления, производственные службы, общественные организации. Первым секретарем партийного бюро стал инспектор по кадрам Пётр Дмитриевич Власов. 20 августа в Ковдор прибыл и был назначен главным инженером управления Михаил Степанович Попов.

Как и в любом другом формирующемся коллективе, у нас хватало разного рода курьёзных случаев. При воспоминании одни вызывают улыбку, а о других и сейчас говорить неприятно. Я уже писал, что клуб был готов к первому октября. Молодёжь, не считаясь со временем, делала всё, чтобы он был готов как можно скорее. Все ждали этого дня с великим нетерпением. Ведь негде было даже собраться вместе, не то что спеть и потанцевать. И вот всё готово, всё покрашено, всё блестит, и мастер И. С. Южаков, довольный похвалой П. В. Голубева, что работа сделана добротнo, закрывает входную дверь на ключ. Для пушей уверенности снаружи ещё досками крест-накрест забил.

Но кто-то сорвал доски, открыл замок и на непросохшем полу устроил танцы. Виновника не нашли. П. В. Голубев был человеком строгим, подобного безобразия простить не мог. И вот издается приказ по управлению «Спецстрой», текст которого по-своему любопытен.

«2 октября 1953 г. № 82. п. Ковдор.

Несмотря на категорическое распоряжение мастеру ЮЖАКОВУ И. С., что после окраски клуба двери закрыть и зашить досками, прекратив доступ людей до просушки пола, последний распоряжение не выполнил, охрану не обеспечил, в результате группой людей по непросохшему полу были устроены танцы, в силу чего окраска была совершенно нарушена и пришла в полную негодность. Приказываю: затраты работы и стоимость материала по окраске полов клуба со всеми начислениями в сумме 1.148 руб. 63 коп. (в старых деньгах—ред.) отнести за счет мастера ЮЖАКОВА для погашения нанесенных убытков. Бухгалтерия произвести удержание. Приказ объявить по управлению.

Начальник СУ «Спецстрой» Голубев».

Клуб вскоре был открыт и молодёжь (да и не только молодёжь) получила возможность проводить досуг.

Вспоминается и ещё один случай с клубом. Комментировать его не буду, а только приведу опять же текст короткого приказа:

***25 декабря 1953 года. № 170. пос. Ковдор.
Команданту поселка Ковдор тов. Мирякову В. приказываю
немедленно освободить кинобудку для помещения в нее кино-
аппарата. За самовольное занятие кинобудки т. Мирякову
объявить выговор. Об исполнении доложить к концу дня
25 XII-53 г.
Начальник СУ «Спецстрой» Голубев».**

Я говорил о молодёжи. Действительно, молодёжи было много, и парней, и девушек. И, естественное дело, начали образовываться молодые семьи. Для того, чтобы зарегистрировать брак, нужно было ехать в деревню Ёна. Ведь на всю округу - Ковдор, Слюда, Курорта, Ёна, Риколатва и другие населённые пункты - был один сельский Совет в деревне Ёна. А чтоб добраться до Ёны, зарегистрировать брак и вернуться обратно, требовалось не менее трёх дней.

Рост числа семей добавлял трудностей с жилплощадью. Отдельных, хоть и крохотных комнат, не хватало. И вот начался (как теперь говорят) самстрой. Там, где в последние годы располагалась лесобиржа леспромхоза, на косогоре выросли полуземлянки и наземные домики - хибарушки.

Вспоминается и такой случай. Рабочий Кулебякин решил пойти к знакомому, проживающему на другом берегу озера. Так он сказал, уходя из общежития. Но на следующий день Кулебякина не оказалось на работе, а вечером и в общежитии. Бригада отправилась на поиски, но безуспешно. Тогда подняли весь коллектив, сообщили в милицию Пинозера и Кандалакши, но Кулебякина никто нигде не видел. Это вызвало уже серьёзную тревогу и мобилизацию всех жителей посёлка. Но Кулебякин как сквозь землю провалился.

На четвёртый день одна из женщин (фамилию не помню) шла со стороны озера в посёлок. Вдруг из кустарника послышался человеческий голос, глухой, идущий как бы из-под земли. Женщина прибежала бледная, перепуганная.

Вместе с ней пошли к месту. Действительно, периодически был слышен слабый, глухой человеческий голос. Решено было разойтись и цепочкой исследовать кустарник. Вскоре наткнулись на глубокий шурф, из которого и исходил слабый голос Кулебякина. На верёвках его вытащили наверх.

Оказалось, в темноте он сбился с тропы и упал в шурф. Спасибо распоркам, они набили шишек, но спасли человеку жизнь. Стенки вертикальные, а первая распорка так высоко, что до неё не достать. Оставалось одно - сидеть и ждать помощи. Ночами он отдыхал, а днём периодически подавал голос.

Шурфы эти оставили геологи, и было их немало. Пришлось отыскивать и закрывать, во избежание подобных случаев в дальнейшем.

Я уже говорил о разного рода трудностях, которые испытывал коллектив в первые месяцы своего существования. Вспоминается ещё одна. Если сельский Совет располагался в деревне Ёна, то отделение Госбанка - в посёлке Зашеек.

Трудность усугублялась ещё и тем, что не было телефонной связи. И, направляя представителя бухгалтерии в Зашеек, Голубев не знал, в каком состоянии счета в банке: есть ли на них деньги, или, наоборот, мы должники.

Как правило, выезжал главный бухгалтер, кассир и сопровождающий рабочий с охотничьим ружьём. Брали с собой максимум бухгалтерских документов, целую кучу всяких бланков со штампами, печатями и подписями. Документы укладывали в портфель, портфель засовывали в мешок и, положив его под голову, ехали поездом до Пинозера. Там пересаживались на другой поезд до станции Зашеек, а оттуда - пешком до посёлка. Надеяться на попутные машины было трудно, они ходили редко. По прибытии в Зашеек устраивались на квартиру, а затем шли в банк. Редко когда было так, что можно сразу получить деньги и возвращаться в Ковдор.

Как правило, на счёте не оказывалось ни копейки, и начинались телефонные переговоры с трестом «Кольстрой» о срочном перечислении денег под зарплату рабочим. Если же бухгалтерия треста артачилась, то прибегали к угрозам. Дескать, в Ковдор без зарплаты рабочим не поеду! А за срыв своевременной выплаты - будет нести ответственность трест. В ответ бухгалтер выслушивал упреки, что мы не умеем работать, что все там во главе с Голубевым, бездельники и только обираем трест. Однако через некоторое время деньги на счёт все же поступали.

Но бывало, что и угрозы не помогали, тогда бухгалтер ехал в Мончегорск. Там всё начиналось сначала. Нередко через день-два он возвращался сияющий. Но бывали случаи, что и ни с чем: денег трест не перечислял, ибо не за что было их перечислять. А чаще всего и у самого треста денег не было. Тогда прибегали к так называемому запасному варианту, который тщательно скрывался от треста.

А вариант этот следующий. П. В. Голубев имел небольшой личный вклад в сберегательной кассе. Там же, в Зашейке. Перед выездом за деньгами свою сберегательную книжку и доверенность он отдавал бухгалтеру. Тот снимал деньги со сберегательной книжки Голубева и вёз их в Ковдор, а кассир оставалась.

Бухгалтер каждый раз говорил Голубеву, что больше за деньгами не поедет, что ему надоело выслушивать упреки и оскорбления от работников треста. На что Петр Васильевич, улыбаясь, отвечал ему, что бухгалтер именно за это и получает зарплату. И должность у него такая, что он обязан «доставать» деньги.

Наиболее нуждавшимся выдавался небольшой аванс. А кассир и сопровождающий рабочий из Зашейка каждый день звонили в трест. В пререкания с трестом кассиру запрещалось вступать. Когда Мончегорск спрашивал, где бухгалтер, кассир отвечала, что он уехал в Кировск или Кандалакшу по делам управления. О деньгах и о сберкнижке - ни слова. В тресте, естественно, беспокоились, и через несколько дней находили пути перечисления определённой суммы на наш счёт под зарплату.

Обратный путь в Ковдор был таким же: портфель с деньгами в мешок, мешок под голову. Ружье в поезде тоже пряталось. Все это делалось для конспирации, чтобы никто не знал, что едет кассир с деньгами. Ружье же требовалось лишь для декорации в Зашейке. Без сопровождающего с ружьём дежурный работник милиции кассира из банка не выпускал.

После выплаты заработной платы бухгалтерия возвращала долг Голубеву, и деньги снова вносились на вклад в сберегательную кассу до следующего «запасного варианта».

Многие из ветеранов коллектива подтвердят, что П. В. Голубев знал хорошо каждого рабочего, нередко спрашивал уходящего в отпуск, хватит ли ему денег, и, если видел, что тот нуждается, помогал из собственного кошелька под будущую зарплату. Долги он никогда не записывал, но не было случая, чтоб ему кто-то не вернул. Он верил людям, был к ним добр, и в то же время беспощаден к прогульщикам, пьяницам и разгильдяям. Особенно он был требователен к работникам аппарата управления. Это знали все, кто с ним работал. А сегодня это можно проследить по ряду сохранившихся приказов. Вот один из них:

«Приказ № 83 от 2 октября 1953 года.

Табельщик т. Муравьев В. Н. несвоевременно представил сведения в ПТО о движении рабочих, тем самым сорвав отчетность перед трестом. Кроме того, т. Муравьев не представил мною очередные сведения о выходе на работу рабочих. Приказываю: табельщику т. Муравьеву В. Н. за халатное отношение к своим служебным обязанностям объявить выговор и предупредить его, что при повторении подобных случаев он будет немедленно отстранен от занимаемой должности. Приказ объявить аппарату управления».

Вспоминая сегодня время становления коллектива, лишний раз убеждаешься в том, что успешная его работа могла быть только при необходимой дисциплине в коллективе, жёсткой требовательности к аппарату и определённом производственном риске. Это Голубев хорошо понимал и твёрдо придерживался этого правила. Да, посылая кассира в Зашеек и не обеспечив надлежащую охрану, начальник управления шёл на риск. Но ведь все другие варианты потребовали бы больше усилий с той же гарантией.

А жизнь брала своё. И вот уже ставится жёстко вопрос о развитии рационализации и изобретательства (приказ № 36 от 27 августа 1953 года), о внедрении прогрессивных методов труда (приказ № 55 от 10 сентября 1953 года). Или такой, небезынтересный, приказ по управлению:

«№ 126 от 17 ноября 1953 года.

Личной проверкой установлено, что рассмотрение жалоб и заявлений находится в неудовлетворительном состоянии. На жалобы и заявления не давались надлежащие ответы заявителям, что создает волокиту в правильном решении вопросов по жалобам и заявлениям трудящихся.

Приказываю всем начальникам отделов и участков:

строго соблюдать сроки ответов по жалобам и заявлениям и высылать ответы заявителям;

неукоснительно соблюдать порядок рассмотрения жалоб и заявлений, установленный Постановлением «О» положении дел с разбором жалоб трудящихся»;

жалобы и заявления рабочих подавать только на мое имя через секретаря;

секретарю-машинистке т. Бобылевой Э. И. завести специальный журнал для регистрации жалоб и заявлений;

создать комиссию по рассмотрению жалоб и заявлений в составе: от администрации — инспектор ОК т. Власов, от профсоюзного комитета — т. Багров и от комсомольской организации — т. Кнырь.

Лиц, не принявших решений по жалобам и заявлениям, а также виновных в невнимательном отношении к жалобам и заявлениям трудящихся, буду привлекать к самой строгой ответственности.

Начальник СУ «Спецстрой» Голубев».

Текст приказа писал сам Голубев, находя для подобных важных и неотложных дел время, которого у него было очень и очень мало. Кстати, о приказах. Если приказ издавался, то непременно за выполнением его устанавливается строгий контроль. И горе тому, кто осмеливался уклониться. Принимались самые строгие меры взыскания. Сам человек слова, П. В. Голубев строго требовал этого и от подчинённых.

Итак, мы расстались с группой вербованных горьковчан, когда она выгрузилась из вагонов на 19 километре и все направились в посёлок Червас-Губа. Имущество, что с собой, а что на лодках тоже переправили через залив.

Мужчины пожимали плечами, дескать, как же так, неужели же правда, что здесь придётся жить и работать? Но это была действительно правда. Деваться некуда, нужно устраиваться, расселяться.

Среди прибывших оказалось немало хороших специалистов - плотников, каменщиков, представителей других специальностей, больше всего механизаторов. Были, конечно, и без всякой специальности. Оказалось, что у двоих среднего технического образование, причём один из них - строитель. На всю группу был один коммунист - В. П. Лютин и несколько комсомольцев. Это меня радовало: есть, как говорится, опора, авангард будущего коллектива.

Резко выделялись своей обособленностью бывшие уголовники, о которых я упоминал раньше. Среди них не только мужчины, но и женщины. Это были в основном люди молодые, крепко сложенные, лучше других одетые. Манера их поведения специфическая: пренебрежение к тем, кто сразу брался за дело, претензия на особое к себе отношение, стремление задавать тон. Это чувствовалось ещё в Пинозере, а тут проявилось куда резче. Бросалось в глаза, что большинство из них и не собирались работать. Этот контингент я немного знал, имелся некоторый опыт.

Какой-либо помощи от управления ждать не следовало, оно было далеко, да в Ковдоре и своих забот хватало. Нужно было формировать штаб участка, бригады, подбирать мастеров, бригадиров, специалистов ремонтностроительной, коммунальной и других служб. Кроме того, предстояло срочно, не откладывая ни на один день, привести в проезжее состояние 20-километровую автодорогу от Пинозера до Червас-Губы. Ведь в посёлке проживало уже более 100 человек.

Дорожно-строительную бригаду возглавил коммунист В. П. Лютин. В состав бригады были включены комсомольцы и проверенная за эти дни, насколько это было возможно, надёжная молодежь. На этот коллектив я рассчитывал во многом: и с точки зрения дорожно-строительных работ, и доставки продовольствия, и, конечно же, поддержания порядка в посёлке. Я чувствовал, что бывшие уголовники работать в лесу, на вырубке трассы в нелёгких условиях не пожелают, тем более главари и женщины. Рано или поздно они придут ко мне и предъявят ультиматум. А что я мог сделать, где пристроить два десятка желающих более легкой работы, чем в лесу? В Ковдор ранее, чем через месяц, их тоже отправить не смогу. Да и там меня не поймут. Оставалось приглядываться, ждать и быть готовым ко всему, и как бы то ни было трудно, включать их в работу группами по разным бригадам.

С Лютиным у нас состоялся разговор наедине. Я рассказал ему о своих подозрениях и просил его поговорить с комсомольцами и другими надёжными ребятами.

тами. Две трети бригады Лютина восстанавливали дорогу, остальные в посёлке ремонтировали и латали бараки, грузили, разгружали. Словом, всегда были под рукой! Все другие бригады утром уходили к железной дороге. А дальше паровоз с двумя товарными вагонами развозил рабочих вначале в сторону Пинозера, а затем - в сторону Ковдора. Рабочие группами шли до будущей трассы, будущей линии электропередачи. В отдельных местах трасса уходила от железной дороги до четырёх километров.

Нелегко это было, утром пешком идти до железной дороги более двух километров, стоять в товарном вагоне, потом опять идти по болоту 1 - 4 километра, да ещё по трассе почти столько же. И только вечером возвращаться обратно.

Работа и жизнь в посёлке постепенно налаживались, конечно, трудно: не было ни столовой, ни бани, ни магазина. Лишь крохотный продовольственный ларек. Не было света, даже керосиновых ламп, каждый устраивался, как мог. Но всё же жизнь в посёлке постепенно улучшалась. Не так уж и далеко были Пинозеро и Кандалакша, где можно было купить всё необходимое.

Я периодически отправлял П. В. Голубеву письменную информацию о наших делах. Телефона не было, поэтому иногда сам выезжал в Пинозеро и по телефону мостопоезда передавал информацию на временную станцию 117 километра, там её записывали и отсылали Голубеву. По этим же каналам я получал указания.

Справедливости ради, надо сказать, что квартиру лесника с лесничеством в Зашейке связывал телефон. На деревьях были подвешены не два провода, как мы все привыкли видеть, а один. Вторым проводником служила земля. В сухую погоду аппаратом ещё можно было кое как пользоваться, а в дождь нельзя было разобрать ни слова. Лесник не запрещал приходить к нему и звонить, но по телефону можно было связаться лишь с лесничеством. А какие там у меня дела?

И всё же телефон сослужил и нам некоторую службу. Когда П. В. Голубев и бухгалтер бывали в Зашейке, они звонили леснику, он или его жена шли за мной, и я получал нужную информацию.

Расселив людей, я из имевшейся небольшой резервной суммы денег понемножку авансировал их. Приехал инспектор по кадрам Власов за трудовыми книжками и другими документами и тоже привёз немного денег. Но этого хватило только на несколько дней. Люди просили нормальный аванс под полагающиеся подъёмные, хотели приобрести одежду, обувь, да мало ли ещё что. Были ведь и семейные. Но полностью подъёмные, пока рабочие не оформлены приказом по управлению, выдавать нельзя, а вот усиленный аванс был необходим.

Как-то приходит ко мне жена лесника и просит подойти к телефону. Какой-то Молубев вас вызывает, наверное, начальник. Я обрадовался, понимая, что это П. В. Голубев, и, конечно же, я с ним многое решу. Слышимость была сносная и после взаимных приветствий, и вопроса, как у меня дела, Петр Васильевич сказал, что возвращается из Мончегорска. Получил деньги, которые я должен выдать рабочим. Собирался заехать к нам хоть на пару часов, но только что позвонили из треста и сказали, что в Ковдоре что-то случилось. А что, он и сам не знает.

- «Как видишь, - говорит, - обстоятельства изменились, еду в Ковдор, не дожидаясь поезда».

По телефону он договорился с начальником мостопоезда И. Н. Шапкиным, что тот даст ему свою дрезину до Ковдора. Часа через два он будет на 19 километре, остановится, передаст мне деньги, и мы сможем поговорить. Железнодорожный диспетчер разрешил ему остановку до 30 минут. К этому времени я должен быть у железной дороги.

Через час с двумя здоровыми парнями я подошёл к железной дороге. Сидели там на зелёной лужайке часа три, а дрезина всё не появлялась. Переговорили обо всем. Я рассказал о перспективе Ковдора, что к тому времени знал сам.

Вдруг послышался характерный шум приближающегося поезда со стороны Пинозера. Он шёл под уклон на большой скорости, и незаметно было, чтобы замедлял ход. Мы встали, подошли к пути. Разобрались, что состав везёт балласт (песок) для пути и скорости не замедляет. Когда платформы поравнялись, я увидел П. В. Голубева. Он что-то кричал и кинул свёрток. В грохоте мы не смогли разобрать ни слова. Проводив взглядом состав, я подошёл к свёртку, который лежал в кювете.

Это оказался портфель, перевязанный шпагатом. Рванул шпагат и увидел записку. Голубев писал, что дрезина начальника мостопоезда поломалась. И у него не оставалось другого выхода, как ехать на балластной вертушке. Он ещё раз извинялся, что не смог заехать и обещал быть в ближайшее время. А в газету были завернуты деньги, бланки ведомостей на выплату аванса рабочим. Во втором отделении портфеля - другая, нужная мне документация.

Теперь стало легче: деньги у рабочих были, каждый мог купить себе, что нужно. Мне оставалось налаживать производство и хозяйство в посёлке.

Через несколько дней приехал П. В. Голубев. Провёл у нас полдня, разговаривал с людьми, а затем принимал всех, у кого были вопросы. К началу учебного года обещал забрать семейных, особенно имевших детей-школьников, постепенно переводить в Ковдор нужных специалистов. С меня снялся ещё один груз, с этими вопросами ко мне повседневно обращались рабочие, а я не мог ничего ответить. Вечером Петр Васильевич побывал у меня на разнарядке, поговорил с мастерами, бригадами.

Ежедневная вечерняя разнарядка проводилась в конторе участка. Это была относительно большая комната, метров 25. Там стояли мой рабочий стол, стол мастеров и бригадиров, сейф. В этой же комнате мы и жили с мастером В. Ковалевым. Во время разнарядки бригады рассаживались на наших кроватях. Комната освещалась керосиновой лампой, единственной тогда роскошью на весь посёлок.

По приезде к нам, Голубев сказал, чтобы я сдал дела мастеру Ковалеву на два дня, так как утром мы с ним пойдём пешком в сторону Ковдора осматривать, в каком состоянии временная автодорога от 30 километра до станции Ёна.

Мы взяли несколько обыкновенных блокнотов. Каждый развёрнутый лист отводился одному километру, а километр разбивался на 10 пикетов (по 100 метров), чтоб хотя бы ориентировочно определить объём работ, потребность в материалах и рабочей силе.

Дважды в своих воспоминаниях я упоминал о заказчике. Тогда заказчиком комбината и посёлка Ковдор было Ёно-Заимандровское рудоуправление. Оно

находилось в Оленегорске, и осуществляло функции заказчика строительства Оленегорского и Ковдорского горно-обогатительных комбинатов. Позднее было образовано самостоятельное Ковдорское рудоуправление.

В путь мы собрались легко одетыми, в плащах, без запасов продовольствия. Чтоб было легче идти и работать. Тем более, что через 8 километров, на станции Уполокша, есть продовольственный магазин. Там пообедаем и запасёмся всем необходимым в дорогу.

Но в Уполокше (38 километр) оказалось, что продавщица уехала за товарами в Кандалакшу. Приедет только на следующий день. Посидели, отдохнули, попили водички и пошли дальше, до разъезда Калюжный (63 километр). Теперь разговаривали редко и только по делу, когда нужно было что-нибудь определить, подсчитать, записать. Всё чаще нагибались, срывая бруснику и посылая её пригоршнями в рот. Но брусника голода не утоляла. Ощущение было такое, будто натошак съели по килограмму лимонов. Грибов было вокруг много, но чтобы развести костёр, пожарить их, требовалось время, а его у нас и так оставалось мало.

Добрались мы до разъезда во второй половине ночи смертельно усталыми и по-волчьи голодными. Здание разъезда было забито досками. Дом, где раньше проживали путейцы, оказался пустым, без стёкол. Что было делать?

Улеглись на полу в одной из комнат, подстелив под себя плащи, ими же и укрылись. Ночь прохладная, сырая, дом-то стоит на болоте. Он и сейчас там есть. Всё время просыпались от сырости, холода и мошкары. По логике, ночью и в помещении, мошкары не должно быть, но она, вероятно, сидела в пакле между брёвнами стен, в щелях пола и буквально заедала нас.

Наступало утро. Солнце пригрело, на деревянном, сухом крыльце был рай. Можно было дремать и ждать.

Около полудня Пётр Васильевич на пассажирском (товарно-пассажирском) поезде уехал в Ковдор, а я оставался ещё на крыльце, ожидая что-нибудь попутного в сторону Пинозера. Часа через два услышал характерный шум поезда. Когда поезд приблизился метров на 200-250, я стал делать круговые движения рукой - знак остановки. Последовал короткий сигнал - вас понял. Машинист сбавил скорость, но останавливаться не собирался. Спасибо и на этом, приготовился садиться на ходу.

Машинисты всегда здорово ругаются на таких вот гражданских остановщиков поездов. Я приготовился выслушать соответствующий набор ругательств. Но неожиданно вместо ругани увидел улыбку. Машинист узнал меня и крикнул, чтобы я шёл к нему, на паровоз.

Оказалось, что это знакомый экипаж паровоза, который часто по утрам приезжал к нам, на 19 километр, развозить рабочих на трассу ЛЭП. Поздоровавшись и поблагодарив за остановку поезда, сразу же попросил хоть кусок хлеба.

- «Посмотри-ка, Миша, - сказал машинист, - в баульчике что-то, кажется, должно быть, нужно спасти человека».

Миша достал железный сундучок, открыл его, и, о счастье, там было около полбуханки хлеба и кусок колбасы. Усадили они меня на место помощника машиниста у левого окна. Миша хозяйничал - то подбрасывал угля в топку, то работал резакон, то подкачивал воду в котёл.

Поезд шёл быстро, я сидел на удобном месте, смотрел в окно на мелькавшие деревья, ел хлеб с колбасой, запивал водой из тендера и наслаждался жизнью.

До 19 километра доехали мы быстро. Поблагодарив добрых людей, я направился к себе в посёлок.

День был тёплый. Сытый, я шёл медленно, размышляя о доброте человеческой, о железнодорожниках. Они нам помогли во многом и, главное - в обеспечении продовольствием (столовая, магазин) в начальный период в Ковдоре. Они каждое утро везут на работу, а вечером забирают рабочих с 19 километра. Они вот только что довели и накормили меня. Что бы мы все делали без них?

Вероятно, немногие знают, что железнодорожным строителям пришлось дважды укладывать пути до Ковдора. 21 июня 1941 года рельсы были уложены до сотого километра (не доезжая 17 километров до Ковдора). А уже 23 июня путь стали разбирать на оборонные объекты. Второй раз железнодорожный путь уже по готовому полотну укладывался в послевоенное время. В годы Великой Отечественной войны железнодорожное полотно служило неплохой гужевой дорогой для тех воинских подразделений, которые тогда стояли в районе Ковдора. От деревни Ёна, куда всё доставлялось водой из Зашейка, далее в район Ковдора грузы возили по железнодорожному полотну на оленях.

Перевозка грузов

Забегая вперёд, скажу, что железнодорожные строители Пинозерского мостопоезда уложили не только рельсы, они построили и все здания, и сооружения на линии. А в шестидесятые годы возвели двухэтажные дома по улице Зелёной в Ковдоре.

Жизнь в посёлке, работа на линии электропередачи и восстановление автодороги налаживались. Поднималось и настроение рабочих. Но случилось всё же то, о чем я думал постоянно и так опасался.

Во время очередной вечерней разрядки вдруг открывается дверь, бесцеремонно входит некто Седов, проходит вперед и садится. Седова уже знали в посёлке. Фигура он был заметная. Высокий румяный, с нагловатым выражением лица молодой человек - одно из ведущих лиц в «коалиции» бывших уголовников. Как только он вошёл и сел, сразу стало тихо. Я спросил:

- Что тебе, Седов, нужно?

Он выдержал паузу и сказал, чтобы я дал ему записку на бутылку водки (в ларьке спиртное отпускалось только по моим запискам).

- Ты, Седов, и так пьян, никакой записки тебе не будет. Уходи не мешай проводить разрядку.

Но Седов уходить не собирался. Он несколько раз хлопал рукой по голенищу сапога, явно демонстрируя, что у него там, за голенищем, что-то есть. А что, нетрудно догадаться - нож. Седов явно провоцировал скандал.

На кровати мастера Ковалёва сидел кузнец-инструментальщик Кальясов и не находил себе места. Парень после десятилетки, толковый и энергичный. Хотя совсем ещё молодой, но неплохой кузнец и инструментальщик. Мне он imponировал своей энергией, жизнерадостностью и немалыми способностями. За что брался, всё делал толково. И на тебе:

- Кальясов, что ты все время вертишься? Что у тебя там, шило? Он притих, но беспокойство его бросалось в глаза. А я всё пытался направить разрядку в нормальное рабочее русло.

Вдруг распахивается дверь, входит бригадир Лютин, за ним члены его бригады, Конюгин и ещё 6 человек. Лютин встал за моей спиной, а ребята расположились вдоль стен. У Конюгина и ещё двоих в руках топоры, а другие держат правую руку под бортом телогрейки. Быстро сориентироваться мне было трудно, но приход Лютина с комсомольцами явно был связан с присутствием Седова, и что-то должно произойти. Лютин наклонился ко мне и тихо сказал:

- На вас готовится нападение, но вы не беспокойтесь, мы здесь.

Я посмотрел вокруг и только теперь явно увидел, что те, кто присутствовал на разрядке, сидят тихо, но их стало меньше. Притих и Седов. А вошедшие лютинцы в напряжении стоят за их спинами. Только один Михаил Конюгин сидит на моей кровати, явно демонстрирует топор и улыбается мне: дескать, будь спокоен. Стало совсем тихо-тихо.

Я убрал подальше от Седова керосиновую лампу, а счёты положил перед собой на середину стола, держа их правой рукой. И настойчиво сказал:

- Седов, хватит тут дурака валять, уходи, иначе силой выведем!

Он понял, что время упущено и, скрипнув зубами, вышел. Дверь закрыли на крючок, и у неё встали двое ребят. А ещё двое стащили с кровати одеяла и закрыли ими окна.

Из присутствующих на разрядке остались только трое, остальных уже не было. Когда они исчезли, я не заметил. Исчез и мастер Ковалёв, хотя ему некуда было уходить, спал он здесь.

Когда дверь за Седовым закрылась, сразу же послышались топот, говор и негромкая ругань под окнами и за дверьми. Остаться в комнате дальше было небезопасно. Решено было идти в барак, где размещалась бригада Лютина. Я забрал из сейфа деньги, документы и в окружении ребят вышел. В темноте можно было различить группы людей, слышались приглушённые голоса.

Как только мы вошли в барак бригады Лютина и закрыли дверь, за окнами зашевелились тени. Лютин выставил дежурных с топорами. Да и у каждого члена бригады около кровати уже стоял топор. Только тут Лютин и Конюгин рассказали мне, что произошло и что должно было произойти. После работы и ужина Михаил Конюгин отправлялся, как он говорил, в обход по баракам. Человек он был высокий ростом, немалой физической силы и сильный духом. Ходил по баракам один, положив нож в карман, и никого не боялся. Его же побаивались многие.

В тот вечер, войдя в барак, где жили в основном женщины, бывшие уголовники, в темноте (света в бараке не было), он услышал мужские голоса. Прислушался внимательно и уяснил такое, что заставило его заволноваться. Разговор шёл о том, что сейчас на разрядке будет убит начальник, проигранный в карты. Михаил незаметно вышел на улицу и бегом в свой барак, рассказал наскоро Лютину. Тот распорядился оставить часть бригады наготове, а с остальными поспешил в контору.

Утром Конюгин с двумя ребятами пошли разведать обстановку в посёлке. Вскоре они вернулись и рассказали следующее. Седов и его окружение собрались в своём бараке и начали сводить счёты с «должником» Кальясовым, которого, в конце концов, Седов убил перочинным ножом. Уже потом, во время следствия, вот что выяснилось.

Пока ехали из Горького, играли в карты. Кальясов проиграл Седову всё, что у него было. А когда не на что стало играть, он поставил на карту первого будущего начальника. И проиграл. По приезде на место нужно было «платить долг» Седову и убить в присутствии свидетелей проигранного. Вот на этот вечер и было всё назначено. Свидетелем и помощником Кальясову в случае необходимости вызвался быть сам Седов. В качестве «платы» за проигрыш Седов и убил Кальясова. Наступило утро, но никто из бараков не выходил. Все уже знали о происшедшем и боялись продолжения. Что мне было делать?

Поразмыслив и посоветовавшись с Лютиным, решил: всех рабочих до единого, кроме бригады Лютина, вывести из посёлка и направить на трассу ЛЭП. Удалось это не сразу, но всё же удалось. Были выведены все, в том числе и Седов.

К линии железной дороги я шёл в окружении шести членов бригады Лютина. Сам бригадир, Конюгин и другая часть бригады остались в посёлке за хозяев.

В ожидании паровоза с вагонами все стояли либо на пути, либо в стороне от него. Стоял и я на железнодорожном полотне, а лютинцы, большинство комсомольцы, рассредоточились справа и слева, выше на откосе выемки, где был хороший обзор.

Вдруг Седов, стоявший метрах в двадцати пяти, быстро направился в мою сторону с топором на плечах, лезвием вперёд. Я крикнул:

- Седов, стой!

Но тот ускорил шаг. Я повторил. А четверо лютинцев бросились с откоса наперерез. Увидев их, Седов остановился, бросил топор и, отойдя в сторону, в сердцах произнес:

- Эх, и на этот раз не вышло! Сел на рельс и опустил голову.

Когда подошёл паровоз, я дал команду всем садиться в вагоны, и когда убедился, что никого не осталось, забрался на паровоз развозить людей по рабочим местам. Затем поехали в Пинозеро.

В Пинозере я вначале позвонил в Зашейковское отделение милиции. Дежурный ответил, что им уже сообщил о происшествии по телефону из Червас-Губы лесник. Группа работников милиции выехала катером. Тогда я связался с Кировским горотделением милиции (тогда Апатитов ещё не было). Там уже знали о случившемся, но что произошло конкретно, не знали. Я рассказал подробно.

Прибыла большая группа работников милиции, прокурор и представители прокуратуры из Мурманска. Следствие велось на месте, несколько дней подряд и днём, и ночью. В посёлке оставалась только бригада Лютина и те, кто нужен был следствию, все остальные выезжали на трассу ЛЭП. Увезли тех, кто был замешан в событиях. Некоторые сами сбежали, Седова потом судили.

В народе говорят, что когда с человеком происходит что-то неожиданное и драматическое, то его близким каким-то необъяснимым чувством передаётся это на расстоянии. Так это или нет, но вот небезынтересное подтверждение сказанному. Моя жена с детьми находилась во Владимирской области. Утром, за завтраком, она вдруг поднялась и сказала:

- Я поехала, там что-то случилось!

И тут же собралась. В Пинозере она спросила, где находится диспетчерская «Кольстроя» (я писал, где работал). Стоявшая на крыльце женщина ответила, что именно здесь диспетчерская, и в свою очередь спросила: «А вы к кому?» Жена ответила, что к Косарчуку. Женщина всплеснула руками, вскрикнула: «Ой, милая, опоздала ты, его уже нет. Убили его в Червас-Губе».

Что происходит в таких случаях с близкими и, тем более, с женщинами, говорить не следует. Хорошо, что появилась другая женщина и успокоила:

- Дура, что болтаешь! Я сегодня видела, как Косарчук шёл со своим телохранителем на квартиру к Тукачеву.

Когда жена пришла в себя, её отвели к Тукачеву, у которого управление стройкой арендовало полдома. Хозяева дома уже знали о происшествии в Червас-Губе. Вход в нашу половину был отдельный. Стучали в двери, в окна, начали бить молотком в стену. Только таким способом удалось разбудить меня. И не удивительно, это был мой первый сон за неделю.

Когда на месте закончилось следствие и увезли тех, кто был причастен к трагическим событиям, уехали и работники прокуратуры и милиции. А сержант (Сергей) был оставлен со мной, ни на шаг меня одного не отпускал. Вот Сергея и называли моим телохранителем.

У Сергея в Кировске была большая семья. Дома он не появлялся больше недели и слёзно просил отпустить хоть на полдня. Оставить меня одного в Червас-Губе он не мог, таков был у него приказ. Он и взял с меня клятву, что я до его появления из дома никуда не выйду. Хозяевам он наказал, что если меня

кто-то будет спрашивать, то отвечать, что я в Ковдоре. Я дал клятву Сергею, что буду спать до его приезда и, закрывшись, так сладко (после рюмки) уснул.

С Сергеем мы изредка встречаемся, когда я бываю в Кировске, либо он по своим делам в Ковдоре. И, конечно же, вспоминаем те дни. По-прежнему этот замечательный человек, труженик и прекрасный семьянин, работает в Кировском горотделе милиции. А вскоре после тех событий последовал новый приказ. Вот его текст:

«Приказ № 80 от 1 октября 1953 года.

Старшего прораба Косарчука А. В. перевести на ту же должность в Куроптинский строительный участок. Возложить на него организацию участка в Шуми-городке, а также впредь, до назначения прораба на 19 километр (Червас-Губу), руководство этим участком оставить за ним.

Начальник СУ «Спецстрой» П. Голубев».

Приказ - приказом, но Червас-Губа оставалась ещё за мной до подбора прораба, хотя дело там, можно сказать, было организовано: трудился коллектив в 100 человек. Оставалось налаживать быт людей да, насколько позволят условия, совершенствовать организацию труда.

В Червас-Губу должны были прибыть ещё две партии вербованных из Ростовской и Ярославской областей, она превращалась в своего рода промежуточный пункт на пути к Ковдору, пока не завершат трассу ЛЭП и вчёрне восстановят автодорогу. Поэтому никаких капитальных работ в посёлке не планировалось, предполагалось, что участок просуществует недолго.

Уезжал я с чувством выполненного долга. Самому не верилось, что за столь короткое время, практически без помощи, почти на пустом месте, образован коллектив, который уже выполняет важную и нужную задачу. Большинство рабочих, невзирая на житейские и производственные трудности, трудятся с полной отдачей. Вот уж мудро и справедливо говорится в старинной русской поговорке: «Глаза боятся, а руки делают».

Случай заставил многих пройти проверку испытанием на выполнение гражданского долга, когда потребовалось быстро, организованно и самоотверженно противостоять дикой стихии бывших уголовников. Зрелость показал коллектив во главе с коммунистом В. П. Лютиным, комсомольцы Алексей Дмитриев, Василий Соков и другие. И такие, преданные нашему общему делу, как беспартийный Михаил Конюгин.

Но в коллективе оказались и такие, что потихоньку сбежали с той вечерней разнарядки: дескать, меня это не касается. А среди них, к сожалению, были и бригадиры, и мастер Ковалёв. Можно ли было доверять им руководство бригадами и дальше? Естественно, горьким осадком на душе оставались и те драматические события, которые привели к убийству Кальясова. Мне всё казалось, что я где-то что-то недоделал, просмотрел, не предусмотрел.

С тех пор прошло уже двадцать пять лет. Многие забылось, улетучилось из памяти. Но каждый раз, когда проезжаю 19 километр (поезд и теперь делает там остановку, в бывшей казарме путейцев нынче база отдыха работников Кандалакшского локомотивного депо), взгляд невольно бросаешь через залив, в сторону бывшего посёлка Червас-Губа, где уже ничего не осталось. А немного в

стороне, в леске, среди камней - одинокая могила Саши Кальясова. Толковый, грамотный и неуёмной энергии был парень! Сколько мог бы он в своей жизни добрых дел сделать! А вот затянула, засосала его среда уголовников, куда он попал «по молодости», случайно.

Как часто мы взрослые, видим на улице, в общественных местах молодых людей, подростков, нетрезвых, сквернословящих, совершающих другие, на первый взгляд, мелкие антиобщественные проступки. И не останавливаемся, не принимаем мер, проходим мимо. А ведь с мелкого начинается всё то, что может перерасти в преступление. Так, вероятно, было и с Сашей Кальясовым. Что-то упустили в воспитании сына родители, что-то недосмотрела школа, на что-то не обратили внимания там, где начинал работать. А в итоге - такой печальный финал.

Среди различных мыслей и чувств, переполнявших меня перед отъездом, было естественно, и чувство теплоты и благодарности к тем рабочим, кто, не считаясь с условиями, самоотверженно и на совесть помогли мне при восстановлении посёлка. И среди них хочется назвать квалифицированного плотника-столяра Пантелеймона Васильевича Зедгенидзева и чудо-печника Андрея Григорьевича Тупова. С ними мне и потом долгое время приходилось работать. Зедгенидзева и сейчас трудится в Ковдорском РСУ. Многие годы работал в нашем коллективе и А. Г. Тупов.

В начале октября я прибыл в Куропту. Посёлок Куропта, собственно, состоит из железнодорожной станции и леспромхоза. Таким он был двадцать пять лет назад. Внешне почти не изменился, только стал побольше. Тогда леспромхоз не входил в систему Министерства лесной промышленности, а был собственным предприятием треста «Кольстрой».

Я уже говорил, что в сороковые и пятидесятые годы трест «Кольстрой» был единственным территориальным трестом на Кольском полуострове. Строил он одновременно в Мончегорске, Оленегорске, Африканде, Кандалакше, Кильдине (Кильдинский кирпичный завод), в других местах.

Объёмы работ треста с каждым годом возрастали. Возрастала и потребность в древесине. А основным источником её поставки был собственный леспромхоз. Он не справлялся. Это и вынуждало трест вкладывать немалые средства для наращивания производственных мощностей леспромхоза. Для этого и сохранился в Куропте строительный участок, ранее Африкандского, а теперь Ковдорского строительного управления. Но темпы строительства трест не устраивали, он требовал, чтобы Ковдорское СМУ увеличило их.

В связи со строительством Ковдорского горно-обогатительного комбината у Куроптского строительного участка появлялись и новые задачи, о которых скажу позднее.

Но прежде нужно хоть коротко рассказать об истории Куроптского леспромхоза. Он имеет самое прямое отношение к образованию Ковдора.

Собственный леспромхоз трест «Кольстрой» имел давно. Управление его находилось на станции Пинозеро. Но запасы древесины в отведённых леспромхозу для вырубki местах иссякли. Вот и определили новую обширную территорию, прилегающую к верхнему течению реки Ёна и её многочисленным притокам.

В мае 1950 года у берега реки Ёна на станции Куропта появились две палатки. В них поселились первые лесозаготовители, прибывшие из Пинозерского леспромхоза во главе с начальником участка Степаном Андреевичем Кочиным и мастером Глебом Марковичем Асташевым. В приказе по леспромхозу этот лесоучасток официально именовался Ёнский. Постепенно число лесозаготовителей росло. Жили в палатках и землянках.

В начале марта 1951 года в Куропту пришёл состав из товарных вагонов, оборудованных под жильё. В них прибыли строители Африкандского СМУ во главе с прорабом Михалевичем. С этого времени и началось строительство леспромхоза.

Жилой вагончик в Куропте. 1951 г.

Если в Ковдоре первостроители поселились хоть в плохих, но бараках на Старом Ковдоре, то лесозаготовители в Куропте не имели и вовсе ничего. Им всё надо было начинать с нуля. В землянках многие семьи жили по несколько лет.

Управление леспромхоза переехало в Куропту летом 1951 года. А леспромхоз стал называться, как и первый его участок - Ёнским.

Степан Андреевич Кочин проработал только в этом леспромхозе (в Куропте и Ковдоре) 27 лет начальником лесоучастка, мастером, заведующим лесобиржи. Неоднократно избирался секретарём партийной организации леспромхоза и депутатом Ёнского сельсовета. Сейчас Степан Андреевич на заслуженном отдыхе, живёт в Ковдоре и по-прежнему активно участвует в жизни партийной организации леспромхоза. Более 20 лет проработал в этом леспромхозе и мастер Г. М. Асташев.

1 октября 1953 года (с опозданием на месяц) открылись двери школы. Первой в истории Ковдора общеобразовательной школы. Разместилась она в одном

из четырёх барачков всё в том же Старом Ковдоре. Под школу выделили всего одну комнату площадью 32 квадратных метра. Других возможностей не было. Около сорока ребят сели за парты - все дети школьного возраста с первого по четвёртый класс.

Были и цветы, были и речи, как это принято при открытии любой советской школы. А первым учителем Ковдорской школы стала Тамара Константиновна Полицина. Сегодня трудно себе представить, что вся школа состояла из одной комнаты, без учительской и подсобных помещений, и что в одной комнате могли одновременно заниматься ребята четырёх классов. Но так было. С этого началось просвещение в Ковдоре.

Т. К. Полицина с учениками начальных классов в 1954 г.

Тамара Константиновна учительствовала полтора учебных года одна. А затем по состоянию здоровья вынуждена была оставить школу. С 1958 по 1973 год она работала в КПП треста. Сейчас - на заслуженном отдыхе, живёт в Ковдоре.

Приближалась 36-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. К этой дате готовились. На строительных площадках развернулось социалистическое соревнование.

П. В. Голубев заранее договорился с ОРСом и администрацией мостопоезда, чтобы в Ковдор к празднику прибыл вагон со всем необходимым. Обеспечением занимался продавец, а по совместительству и работники материально-технического снабжения В. И. Гасов и Е. Г. Франк.

Был занаряжен самый надёжный автомобиль с тремя ведущими мостами. Погрузили всё самое ценное и хрупкое и с большими предосторожностями и напутствиями направились на Старый Ковдор. Ехать, как я уже говорил раньше, нужно было вокруг озера. Под сопкой «Железной», где ныне южный борт рудника. Дорога была узкая, со множеством крутых подъёмов и спусков, поворотов и перекосов.

И случилось непредвиденное: на очередном подъёме с поворотом машина перевернулась. Что побилось, что помялось, что рассыпалось вдоль по откосу. А среди всего этого месива текли тонкие струйки-ручейки: и совсем светлые, и чуть коричневые, и более тёмные.

Шофёры готовы были сквозь землю провалиться. Шутка ли, испортить праздничное настроение всем строителям. Но этого П. В. Голубев допустить не мог. Были срочно приняты меры, через сутки прибыл новый вагон.

6 ноября 1953 года в клубе, который только месяц назад открылся в одном из четырёх бараков Старого Ковдора, негде было, как говорится, яблоку упасть. Зал переполнен до отказа. Многие стояли под окнами.

В президиуме, первом президиуме торжественного собрания в Ковдоре, сидели П. В. Голубев, представители партийной, профсоюзной комсомольской организаций, и нарядные, с напряжёнными лицами передовики производства.

В одном из разделов доклада, который прочёл П. В. Голубев, широко освещалась перспектива строительства Ковдора. Говорилось о значении Ковдорского железорудного месторождения. Ведь это была первая возможность подробнее рассказать строителям об этом. А, заодно, и воодушевить коллектив на предстоящие большие и нелёгкие дела. После скромного концерта художественной самодеятельности и танцев долго никто не хотел уходить. Ведь в Ковдоре это был первый праздник.

А седьмого ноября, впервые после напряжённых 5 месяцев труда, люди отдыхали кто за праздничным столом, кто в клубе, кто на улице с песнями и шутками, а рыболовы-любители на озере Центральном ковдорском, у которого город позаимствовал название.

Недавно один из ковдорских рыболовов-любителей спросил меня:

- А много ли в первые годы строительства Ковдора было в нашем озере рыбы?

Когда в июле 1953 года я прибыл на Старый Ковдор, то, увидев меня из окна, навстречу выбежал прораб Ф. А. Дунский. Схватил поперёк, потряс в воздухе и, опустив на землю, крикнул одному из вышедших ребят:

- Петька, бегом за сигаами!

Через час появилось ведро отборных сигов.

Ф. А. Дунский был первым прорабом в Ковдоре. Высокий, физически сильный, он неплохо знал производство. Но был человеком неуравновешенным: то накричит на кого-нибудь ни с того, ни с сего, то ещё что выкинет. Многие из ветеранов его помнят. Когда прорубали просеку от озера до теперешней улицы Парковой, то этот первый участок дороги в городе долго называли «проспектом Дунского».

Завершался 1953 год. Приведён в надлежащее состояние полуразрушенный Старый Ковдор. Уже действовали магазин, столовая, клуб с киноустановкой,

школа, баня. На промплощадке достраивались четыре дома-барака, каждый по 20 комнат. Действовали, хоть и временные, растворный и бетонный узлы. Уже были небольшие и строились ещё мастерские для службы механизации, гараж и т. д.

Фото А. Ф. Александрова «Жильё на Старом Ковдоре»

Большинство из этих объектов - временки, но это была база, трамплин, с которого можно было разворачивать стройку. А самое главное - сформирован и неплохо работал большой коллектив, и не только в самом Ковдоре, но и в Куропте, и в Червас-Губе.

Конечно же, авангардная роль в этих пока скромных успехах принадлежала партийной, профсоюзной и комсомольской организациям. Нужно было бы назвать здесь многих из тех товарищей, кто в этот трудный период ковал нашу скромную победу. Кто был впереди, на кого равнялись первостроители. Но этого сегодня сделать невозможно. Прошло уже двадцать пять лет - четверть века. Память не в состоянии всё восстановить, даже если ветераны соберутся вместе.

Мы пытались это сделать, но ничего не получилось, документов нет. Многие из первостроителей, отработав не один год, по разным причинам уехали из Ковдора. Некоторые достойно продолжают и сегодня трудиться в Ковдорском ГОКе, в других организациях города.

Но я с большим удовлетворением могу сегодня назвать тех товарищей, кто, придя в наш формировавшийся коллектив 25 лет назад, продолжает непрерывно и сегодня трудиться в нём:

Верёвкина Валентина Андреевна - старший бухгалтер;
Гончаренко Виктор Петрович - старший мастер АТК;
Дергунова Валентина Степановна - инженер по труду СМУ-3;
Егорова Мария Семёновна - моторист бетонного завода КПП;
Кабанов Илья Никифорович - бульдозерист УМС;
Крысанов Сергей Григорьевич - бригадир сварщиков КПП;
Морозов Михаил Петрович - шофёр АТК;
Малышева Нина Анатольевна - старшая телефонистка;
Пашичев Юрий Иванович - плотник СМУ-2;
Сопелева Ефросинья Яковлевна - рабочая СУ-4;
Сычёва Мария Васильевна - рабочая ЖКК;
Усков Иван Антонович - каменщик СМУ-3.

Хочется назвать и тех ветеранов, которые самоотверженно проработав многие годы, ушли с почётом на заслуженный отдых, и живут в Ковдоре, не порывая связей со своими коллективами. Это:

Шмелёва Валентина Ивановна - каменщица;
Иванова Екатерина Андреевна - бывший бригадир;
Щеголев Михаил Петрович - шофёр.

Невозможно забыть и тех, кто с первых дней существования коллектива достойно трудился в нём и не дожил до наших дней. Это:

Корзун Николай Максимович - помощник машиниста экскаватора;
Конюгин Михаил Алексеевич - бульдозерист, машинист крана;
Тупов Андрей Григорьевич - печник-каменщик;
Сычёв Пётр Дмитриевич - плотник.

Пусть меня простят товарищи, или родные тех, кого я здесь не назвал. Не мудрено, и не так просто всех вспомнить. Но это возможно сделать в последующих номерах «Рудного Ковдора». Многие из ветеранов награждены правительственными наградами. И почти о каждом из них можно написать целую книгу.

В своих дальнейших воспоминаниях, насколько позволит время и возможности, я постараюсь рассказать подробнее о некоторых из них. А пока о Михаиле Конюгине.

Михаил Алексеевич Конюгин прибыл к нам с горьковской партией вербованных. По специальности бульдозерист. Высокий, физически сильный, медлительный в движениях, с открытым лицом и спокойным взглядом человек. Михаил был человеком сильным не только физически, но и духом, смелый и честный. В любую мину-

М. А. Конюгин

ту он готов был прийти на помощь, на выручку на работе, в быту, ничего не требуя взамен. Он не гнушался никакой работы. Став первым бульдозеристом в Ковдоре, он на своем бульдозере, как говорится, творил чудеса, настолько квалифицированно владел машиной. Михаил не только, образно говоря, «ворочал горы» на стройке, но и успевал помогать соседнему предприятию леспромхозу. Первые десять километров гирвасской дороги - это его труд.

В период строительства первой очереди Ковдорского горно-обогатительного комбината и позднее Михаил работал машинистом самоходного крана большой грузоподъёмности. В последние годы он возглавлял бригаду по ремонту двигателей на базе механизации треста.

ЧАСТЬ 4

Продолжение следует

Наступил 1954 год. Был сведён бухгалтерский баланс хозяйственно-финансовой деятельности за 1953 год. Результаты оказались плачевными: на рубль выполненных строительно-монтажных работ приходилось около рубля убытков.

Плохо? Да, плохо. Но ведь в первом организационном году были сплошные затраты, которые никакими сметами невозможно учесть. Однако сформировался коллектив, появилась, хоть и слабая, база, позволявшая начать разворачивать работы. А создавать всё это в специфически трудных условиях того времени как было нелегко. Это и явилось главной причиной низких экономических показателей первых семи месяцев работы.

В наступившем году, прежде всего, требовалось увеличить коллектив численно. А для этого необходимо было строить уже на территории постоянного посёлка (теперь города) жильё. О постоянных кирпичных домах не могло быть и речи. Хотя бы сборные деревянные барачного типа, поступающие готовыми деталями из Петрозаводска. Но барачков требовалось много, чтобы поселить в них строителей, и уже потом думать о строительстве постоянного посёлка и промышленных объектов будущего комбината. Такие дома, по опыту других строек, можно было собирать с отделкой за два месяца. Но у нас надлежащих навыков не имелось, расчёт велся на их сборку до трёх месяцев.

Для строительства временного жилья рядом с будущим постоянным посёлком отвели два квартала (3«а» и 4«а»).

Другой важной задачей было создание первоочередных объектов собственной производственной базы. Здесь также шла речь в основном о временной (переходной) базе: о стоянках и мастерских для строительных машин и механизмов, автотранспорта, о складских помещениях, и, хоть небольшой, базы стройиндустрии: бетонный и растворный узел, открытый полигон железобетонных изделий.

Третьей задачей стало наращивание производственных мощностей Курортского леспромхоза. Этому требовал трест и постоянно держал под своим контролем.

Четвёртой, и одной из самых трудных и важных задач, было форсирование работ по строительству линии электропередачи (ЛЭП) с главной понизительной подстанцией. Иначе невозможно ни строить, ни эксплуатировать жилые дома, промышленные объекты, собственную производственную базу. Практически невысказано было и думать о развёртывании строительно-монтажных работ при отсутствии электроэнергии. Источником её пока служили передвижные дизельные электростанции разной мощности. Их приходилось содержать много: на каждой строительной площадке, на Старом Ковдоре и сразу несколько на промплощадке, где разместилась ремонтная база и бетонно-растворный узел. Работали они в разных режимах. А у жилых домов - до 12 часов ночи и выключались.

Кроме того, что содержание их обходилось дорого (требовалось много обслуживающего персонала), они и работали с перебоями: то поломки, то горючего не завезут вовремя, то ещё какие-нибудь причины. А это всё простой. Короче, горе, а не электроэнергия.

К началу 1954 года на стройке работало уже много бригад. Они были объединены в большие коллективы по 15-25 человек. Среди них были бригады ведущих, основных тогда специальностей - плотников, которыми руководили опыт-

ные и грамотные бригадиры: Бойцов Степан Васильевич, Титов Николай Игоревич, Кардышев Рудольф Александрович. Все они и поныне живут в Ковдоре.

Старшим прорабом был тогда В. А. Золотухин, прорабы и мастера Ф. А. Дунский, И. С. Южак, Е. И. Баранов и другие. Всех, к сожалению, не могу вспомнить.

Уже в 1 квартале 1954 года управление стройкой из Старого Ковдора переехало в один из отстроенных барачных на промплощадке. Этот барачный стоял на том месте, где недавно выросла столовая № 1. Находясь непосредственно у строительной площадки и основного хозяйства стройки стало легче работать и аппарату. Ближе было и к железнодорожной станции, и к связи (своего телефона не было).

А вскоре в одном из барачных, там же, на промплощадке, где сейчас управление ОРСа, обосновались с одной стороны почта, с другой - медпункт со стационаром на пять коек, а в среднем барачном - общежитие.

Вспомнить первую заведующую почтой не могу, да и проработала она совсем недолго. Вскоре ковдорскую почту возглавила Клейменова Александра Васильевна, которая более 20 лет проработала в нашем отделении связи. Сейчас она пенсионерка, на заслуженном отдыхе. Фельдшером и руководителем первого в Ковдоре медицинского учреждения стала Смирнова Лидия Викторовна, проработавшая потом многие годы в Ковдорской больнице. Одновременно поступила медсестра Миренкова Елена Васильевна. Она и до сих пор продолжает свою трудовую деятельность в Ковдорской больнице.

В марте месяце 1954 года бригада Н. Е. Титова была направлена с промплощадки на строительство жилых домов барачного типа, как тогда говорили - за озеро, на территорию постоянного посёлка (теперь города). Опытных плотников всего 5-6 человек, в основном молодежь, выпускники ФЗО (теперь ГПТУ). Это первая в Ковдоре комсомольско-молодёжная бригада.

Бригада Н. Е. Титова

В начале лета первый жилой дом (№ 7) на углу нынешних улиц Горняков и Кирова с помощью печников бригады В. П. Сысоева и отделочников бригады Н. В. Чубукова был готов к заселению. По такому торжественному случаю состоялся митинг строителей, на котором председатель стройкома Николай Павлович Екимов вручил бригаде Н. Е. Титова вымпел. Это был первый вымпел, вручённый строителям посёлка Ковдора.

Н. П. Екимов неоднократно избирался председателем стройкома. Потом Николай Павлович много лет работал в Ковдорском ГОКе. Сейчас он на заслуженном отдыхе, по-прежнему живёт в Ковдоре.

В своих воспоминаниях я несколько раз говорил о Ковдоре как о посёлке, а не городе. Дело в том, что строительство Ковдора планировалось не как города, а именно как посёлка, проектные контуры которого ограничивались нынешними улицами - Парковая - Горняков - Победы - Зелёная. Территория под больницу отводилась за пределами этого контура.

Застройка посёлка временными деревянными домами барачного типа (К-7) планировалась для поселения в них строителей и ограничивалась нынешними улицами: Горняков - Парковая - Строителей - Победы. В дальнейшем возникла необходимость расширения временного посёлка до улицы Новой. Кроме домов барачного типа с Петрозаводского завода домостроения потом начали поступать комплекты деталей 2-этажного дома (К-9), которые сейчас стоят рядами в этой части города.

Бывшая больница в п. Ковдор (классический барак серии К-7)

Темпы строительства комбината требовали увеличить коллективы строителей численно. А, следовательно, нужно было жильё. Строительство же постоянных каменных домов, в основном двух- и трёхэтажных было делом трудоёмким и шло медленно. Было принято решение строить восьмиквартирные двухэтажные деревянные дома, но уже не временные сборные, а из бруса, получаемого на своих пилорамах. Застройка началась на противоположной от посёлка стороне улицы Новая. Построили мы там несколько таких домов, а дальше геологи запротестовали, заявив, что на этой территории месторождение вермикулита.

После долгих согласований, наконец, была разрешена застройка так называемого «квартала № 11», ограничивающегося улицами Горняков - Победы - Строителей - Кошица. Но домов требовалось в два раза больше, чем позволяла отведённая для этого территория.

На других площадках в разрешении вести застройку деревянными домами было отказано категорически. И тогда, как говорится, пошли на хитрость - получили разрешение вести застройку этого квартала спаренными домами, то есть два дома углами сводились вместе, занимали меньше территории, чем при раздельной привязке. Дома эти строились методом, который получил название «Самстрой». Но об этом потом. Я и так забежал вперед, рассказывая о застройке временного посёлка.

«Деревяшки»

Приказом по тресту «Кольстрой» от 18 июля 1954 года наше строительное управление «Спецстрой» было переименовано в строительное управление «Ковдорстрой». Всё, как говорится, становилось на свои места.

В том же месяце начальником строительного управления был назначен прибывший из Ленинграда С. В. Тимашев, сменивший на этой должности П. В. Голубева. Голубев стал заместителем начальника управления.

Не знаю, удалось ли мне описать Голубева в предыдущих главах, но встретиться с таким человеком дела - везение для любого производственника. Жёсткий, требовательный к подчинённым и строгий к самому себе. Принципиальный в большом и малом. А в тресте, среди деловых работников, понимавших трудности становления, каким был главный инженер Сергей Владимирович Маньковский, о котором я расскажу позднее, было немало и таких должностных лиц, что на стройке не бывали, что у нас творится не знали, всё на «бумажку» уповали. А в них, в этих бумажках, как мы знаем, бывает разное написано.

Для таких вот чиновников Голубев был неугоден. Он их бичевал на всех совещаниях и активах. А какой чиновник будет долго терпеть подобную критику в свой адрес? У него, у чиновника, под боком руководители треста, и каждый день, капая понемногу на обидчика, он наверняка добьётся хотя бы перевода его на более низкую должность. И ещё постарается, чтобы приказ об этом висел на самом видном месте и как можно дольше.

*Участковая избирательная комиссия. 1954 г.
В центре - П. В. Голубев*

Вот в такой «весёлой» обстановке и сыпались на Голубева бесконечные «замечания», «на вид», «выговор», «строгий выговор», «строгий с последним предупреждением». А Голубев не сдавался, делал, что нужно было на стройке и бичевал трестовских «чиновников» и «шептунов». И вот он стал заместителем.

Не скажу, что и у нас в коллективе обошлось без подобных «кадров». Ведь помнят же многие ветераны, что у некоторых товарищей в личном деле десятилетиями подшивались и хранились выписки из приказов о взысканиях, а поощрения в трудовую книжку не заносились.

Вот таким равнодушным к делу людям и было наплевать на то, что Голубев с коллективом надрывался в невероятно тяжёлых условиях, что он рисковал каждый день. Посылая кассира за 150 километров в банк за зарплатой без охраны, Голубев рисковал, но это был риск вынужденный, в интересах коллектива. Это был так называемый производственный риск, без которого немыслима успешная работа. Можно ли обойтись без производственного риска? Не уверен. По инструкциям - легче и проще. Правда, о чём тогда вспоминать в старости? Когда я говорю о производственном риске, я имею в виду то, что называется инициативой в работе, диктуемой обстановкой, а не производственный авантюризм. К сожалению, эти два понятия не всегда разделяются.

Голубев стремился всеми силами наладить работу коллектива, но его от занимаемой должности начальника СМУ освободили. Бывает, к сожалению, и такое.

Заканчивался 1953 год. Направляя меня с Червас-Губы в Куропту, П. В. Голубев сказал:

- Нам в Ковдоре строить посёлок и фабрику. Но чувствую, этим не ограничится. Первоначальные планы всегда скромные. Основа развития страны - металл. А в Ковдоре железная руда, да ещё, как говорят геологи, богатая. Тебе в Куропте тоже в основном работать на Ковдор. Куроптский участок отныне - форпост Ковдора.

Я уже говорил, что работа двух коллективов - нашего СМУ и леспромхоза - были взаимосвязаны. Мы ничего не могли строить без древесины. В свою очередь, леспромхоз как предприятие не мог существовать и развиваться без строителей, так как его производственная база была ещё очень слабая.

И подчинялись мы общему хозяину - тресту «Кольстрой». А трест требовал наращивания производственных мощностей леспромхоза. Древесина нужна была для всех строительных объектов Кольского полуострова.

К началу 1954 года перед Куроптским участком стояли следующие задачи: за два с половиной - три года в посёлке построить более десяти четырёхквартирных домов, четыре общежития, школу, клуб, больницу, детсад, баню, пожарное депо, магазины, хозпитевовой водопровод с водозаборными устройствами и водонапорной башней, подъездные железнодорожные пути, гараж и ряд других объектов. Кроме того, нужно было восстановить и приспособить под лесоучасток бывший посёлок геологов - Рогутчане в 15 километрах от Куропты в сторону верховьев реки Ёна.

Определённые задачи возлагались на участок и в связи со строительством линии электропередачи Кандалакша - Ковдор и линии связи Зашеек - Ковдор. Прежде всего, это вырубка леса на трассе ЛЭП от 90 до 107 километра.

Просека под ЛЭП на Ковдор. 1953 г.

Ведь река Ёна и впадающая в неё Нижняя Ковдора делают большую дугу, уходя резко на юг и возвращаясь снова на 107 километр. В районе Куропты эта дуга радиусом 7 километров, а трасса ЛЭП проходит напрямую, перешагнув вначале реку Ёна (на 92), а затем Нижнюю Ковдору (на 107 километре).

Таким образом, для того, чтобы вырубить лес на трассе ЛЭП, нужно было из Куропты перебраться на лодке через реку Ёна, а далее по болоту еле заметной рыбацкой тропой 7 километров до озера Икки и потом по трассе до рабочего места. Это ещё два километра. А после рабочего дня снова шагать те же девять километров. Люди уставали и к концу недели выматывались так, что каждый раз грозили мне отказом от такой работы. Но начиналась новая неделя и, поворачивая, они снова отправлялись рубить и таскать лес. Лошадей для трелёвки не было, всё на себе. Зимой тоже не легче - по пояс в снегу.

При всех условиях, будет ли вдоль ЛЭП временная автодорога или нет, но на этом отрезанном рекой участке её придется пробивать. А следовательно, сооружать и два деревянных рязных моста по 40 метров каждый в местах перехода ЛЭП через реки. А линия связи требовала установки четырёх монтерских пунктов (небольших рубленых домиков) и четырёхквартирного дома под усилительный пункт связи на станции Зашеек. Без усилительного пункта невозможна устойчивая связь с областным центром, не говоря уже о других пунктах за пределами области.

Примечание составителей: «Ряз» - это опора-сруб из брёвен примерно 3 x 3 метра и более, внутрь которого укладывают тяжёлые камни.

Помимо всего этого приказом по управлению на меня возлагались обязанности по организации прорабского участка в Шуми-городке, где должны были временно разместиться строители и монтажники, работавшие на ЛЭП.

Шуми-городок, о котором упоминается в приказе по управлению от 1 октября 1953 года № 80, - бывший временный посёлок лесозаготовителей в 5-6 километрах справа, не доезжая до Ёны со стороны Ковдора. К тому времени он уже был полуразрушенным и его надлежало восстанавливать.

Что можно сказать? Объём работ как будто и небольшой в расчёте на три года, но как подступиться? Вот только один пример. Для того, чтобы установить один монтерский пункт (домик размером 6 х 7 метров), нужно заготовить сруб из брёвен в Куропте, затем его разобрать, погрузить на железнодорожную платформу, довезти, разгрузить, отнести на 100 метров и собрать снова. То есть, сделать деревянный фундамент, сруб, посадив брёвна на паклю, настлать полы, потолок, кровлю со стропилами, окна и двери, сложить печь. А где в это время жить самим строителям? Где брать продукты? Где готовить пищу? Палаток в то время у нас не хватало, и жили, где попало, в том числе и в шалашах из веток.

Хорошо поётся в песенке, что с милым и в шалаше рай. Может быть, с милым и распрекрасно в шалаше. Но после трудного полуголодного дня провести ночь в сыром комарином шалаше в условиях Севера рай невелик. А ведь такой монтерский пункт был не один. Да и почти все работы по ЛЭП и линий связи велись в подобных условиях.

Замечательные были люди! Вот где проявился настоящий трудовой героизм! Много бригад из Ковдора, Червас-Губы и Куропты были заняты на этих работах. Их я назову позднее. А все монтерские пункты строила бригада П. В. Зедгендзева, о котором я уже говорил.

Вскоре участок вырос до 100 человек. Часть рабочих приехала из Червас-Губы, а затем прибыла группа молодёжи - выпускников ФЗУ.

Все объекты в Куропте - рубленые, из брёвен. Работа эта трудоёмкая и малоэффективная. Каждое бревно нужно ошкурить со всех сторон, накругло отесать, доведя естественную сбежистость древесины до минимума, острогать рубанком, поднять на себе на сруб (бревно сырое, тяжёлое), подогнать под уже уложенное бревно в стену, нарубить топором желоб, по всей длине сообразуясь с профилем уже уложенной древесины, просверлить буравом дыры в обоих брёвнах для нагелей, скрепляющих между собой брёвна, срубить угол, подгоняя, подчёркивая и снова по несколько раз снимая бревно и подтёсывая, расстелить по всей длине паклю и только после этого бревно уложить на место. И так одно за другим.

1950-е гг.

Работа тяжёлая, требующая высокой квалификации исполнителей, а производительность труда низкая. Так рубили дома в старину. Так всегда делалось в леспромпхозах, где «своя» древесина. Так предусматривалось проектами и здесь. Но на данном этапе это нас не устраивало. Хотя участок и пополнился рабочими при такой большой трудоёмкости работ темп строительства оставался медленным, труд тяжёлым, а заработки низкие.

Посоветовавшись со своими помощниками, пришёл к выводу, что мы можем перейти на брусчатые стены. У нас была пилорама. А трест внял нашим просьбам и поставил пилораму более мощную. И дело пошло - начали выпускать брус. Это сразу увеличило темп строительства более чем в два раза, облегчился труд, повысились и заработки.

Поднималось настроение у рабочих, налаживались дела. Управление из Ковдора участком руководило оперативно и занималось материальным обеспечением. Техническое руководство трест в основном оставлял за собой. Получалось как бы двойное подчинение.

Крайне нужен был очаг культуры - клуб. Но предусматривалось лишь строительство избы-читальни - небольшого помещения по образцу старого довоенного лесопункта. Я попросил директора леспромпхоза Н. М. Губича, как заказчика, добиваться строительства клуба с киноустановкой, коллектив-то уж большой и ещё будет расти. Но он, то ли по занятости, которой было вдоволь, то ли от греха подальше, а может быть и по другой причине, но не смог решить этот вопрос. Пришлось в трест обращаться самому. Но мне сказали, что моё дело строить по проектам. Тогда я написал письмо на имя главного инженера треста С. В. Маньковского. А в конце приписал: «Избу-читальню строить не буду, что хотите, делайте со мной. Так как меня сразу же обяжут делать в ней различного рода пристройки-халупы. А это только пустая трата средств. Да и коллектив леспромпхоза останется без клуба».

Меня как следует отругали, но через месяц прислали проект клуба с киноустановкой на 120 мест и разрешение на его строительство. Так и появился клуб для тружеников леса.

Наладив своё лесопиление, мы не только обеспечивали себя брусом и другими пиломатериалами, но и помогали Ковдору, пока нам не наладили своё производство.

В те послевоенные годы были большие трудности с поставками кровельных материалов. О шифере уже не говорю, но и рулонных материалов - толи, рубероида не хватало. В Куропту вообще их не давали, и кровли мы покрывали так называемой финстружкой (щепой). Имелся, именно для этого, специальный станок. В отдельные периоды мы финстружку поставляли и в Ковдор. А трелёвочные тракторы в лесу работали тогда не на жидком горючем, а с газогенераторными установками. Пилились короткие (по 15 сантиметров) берёзовые чурки, мелко кололись и высушивались в специальных сушилках до полного удаления влаги. У трактора сбоку был устроен специальный цилиндрический бункер - газогенератор, куда загружались эти чурки. При медленном их сгорании (тлении) выделялся газ, на котором и работал двигатель. Хлопотное это было дело и малоэффективное. Но жизнь вынуждала идти по этому пути, горючего не хватало.

Трудности послевоенного времени ощущались во многом и в первую очередь с металлом. И там, где его можно было заменять, шли на такие замены. В Куропте, с целью экономии металла, был запроектирован водопровод из асбоцементных труб. Водопровода в других леспромхозах вообще не было. Но трест хотел, чтобы его собственное лесозаготовительное предприятие было оснащено лучше других, и шёл на расходы, понимая, что они окупятся.

Мне раньше приходилось строить водопроводы в условиях Заполярья. Но чтобы из асбоцементных труб - не слышал. Обратился в трест за разъяснением. Там сказали, что практики строительства таких водопроводов в области нет. Но металлических труб в леспромхоз никто не даст, не хватает их для промышленных объектов и больших городов. Я робко попытался доказать, что в трубах будет давление больше пяти атмосфер и что нужны только чугунные трубы. Тем более что и паспорта на асбоцементные трубы нет.

Но трест далеко, а я жил в одном посёлке с коллективом леспромхоза. Если потратим средства, построим водопровод, а он не будет действовать, как я тогда себя буду чувствовать? Как смотреть в глаза людям? И тогда потихоньку начал упрашивать снабженцев управления достать 500 метров чугунных труб, но чтобы трест об этом не знал. У нас был хороший опытный снабженец Е. Г. Франк, его многие помнят. Он долго ездил, но трубы привёз. Конечно, не без ведома П. В. Голубева. Это уже вселяло некоторую надежду на успех. С большими трудностями и многократной заменой на отдельных участках асбоцементных труб ковдорский участок «Сантехмонтажа» всё же смонтировал их. Намучались и мы, и эксплуатационники, но водопровод и до сегодняшнего дня действует.

Были и успехи, им радовались. Были и неудачи, их стойко переносили все вместе. И как в каждом коллективе, в ряды хороших, исполнительных и дисциплинированных людей затесались и пьяницы, и прогульщики. И боролись мы с этим злом тоже дружно и организованно, всем коллективом.

Кроме общепринятых методов воспитательного и административного характера применяли и самодеятельные.

Все основные бригады работали по аккордно-премиальным нарядам. А каждый прогул по такой системе оплаты труда резко снижает премию всей бригаде. Однако работнику, совершившему прогул, разрешалось возместить убытки в воскресенье на обработке бревен, и только днём, чтоб на глазах у всего коллектива. Если он в тот день среднебригадную норму не выполнял, отгул ему не засчитывался. И виновник на несколько дней переводился на подсобные работы в женскую бригаду, хотя и по своему разряду. Больше двух дней ни один там не выдерживал. Это было необыкновенно тяжкое испытание: колкости, понукания и смех. Сразу отбивало охоту к пьянкам и прогулам. Применялся этот верный метод как крайняя мера, и нечасто.

Хоть и нелегко было работать при разбросанности объектов почти на 100 километров, не помню случая, чтобы кто-нибудь отказался от любой, самой трудной работы или поездки на трассу ЛЭП. И хочется добрым словом вспомнить коллективы бригад, которыми руководили такие опытные специалисты, как П. Д. Сычёв, А. А. Осетров, П. В. Зедгенидзе, И. И. Малышев (сам выпускник ФЗУ и бригадир молодёжной бригады). С большим удовлетворением вспоми-

наю замечательных тружениц - В. Петросаенко, Н. Малышеву, И. Волкову, А. Олиференко и других.

Задание, которое ставилось перед участком на три года, было выполнено. К середине 1957 года участок был расформирован. Большинство строителей переехало в Ковдор, где и теперь трудится. Часть осталась работать в леспромхозе. Некоторые не дожили до наших дней.

Производственные мощности леспромхоза с каждым годом возрастали. Рос и объём лесозаготовок. Вскоре стало ясно, что сырьевая база и здесь резко сокращается. Началась ориентация на новую Гирвасскую перспективную сырьевую базу. К этому времени леспромхоз перешёл уже в систему Министерства лесной промышленности. В 1955 году образовался Ковдорский лесопункт. Через несколько лет в Ковдор переехало и управление леспромхоза. Предприятие теперь называется не Ёнским, а Ковдорским леспромхозом. В Куропте остался лесопункт.

1955 год. Его можно назвать переломным, начался переход к строительству постоянных объектов. Но и от временок мы ещё не могли отказаться. Жизнь требовала. Я уже говорил, что в начальный период мы вынуждены были начать с переходной базы стройиндустрии, как трамплина к постоянной базе. И вот в 1955 году трамплин был создан.

На территории нынешнего управления механизации строительства и базы «Металлургпрокатмонтажа» был построен бетонно-растворный узел в деревянном утеплённом помещении и небольшой, на четыре пропарочные камеры, полигон. Это позволяло бесперебойно обеспечивать стройку бетоном и раствором и изготавливать в небольшом количестве железобетонные изделия, главным образом перемычки, небольшие прогоны, плоские плиты и кольца для колодцев. Иначе невозможно было начинать строительство ни кирпичных жилых и промышленных зданий, ни прокладывать подземные коммуникации.

На первом этапе строительства такого небольшого ассортимента железобетонных изделий хватало. Дело в том, что застройка посёлка проектировалась двух- и трёхэтажными домами с кирпичными стенами, деревянными перегородками и такими же перекрытиями. На промышленных объектах перекрытия проектировались из монолитного бетона. Это и позволило обходиться минимальной номенклатурой сборных железобетонных изделий. Массовое применение сборного железобетона началось в 1960 году, когда начался переход к строительству современных четырёх- и пятиэтажных домов, вначале по ул. Парковой, а затем и в других местах.

Сейчас строители, выложив кирпичные стены, за пять минут монтируют краном заводскую железобетонную плиту и сразу готово девять квадратных метров перекрытия. А для того, чтобы такую же площадь сделать в домах старой застройки, требовалось вручную заготовить деревянные (из бруса) балки, набить на них бруски, уложить балки на стену, заготовить из досок трёхслойные щиты и уложить потом их по балкам. На те же девять квадратных метров перекрытия в деревянном исполнении плотники третьего и четвертого разрядов затрачивали полных три человеко-дня. Аналогичное положение и с деревянными перегородками.

Улица Парковая

Застройка первых каменных двухэтажных домов началась по улице Горняков. Вначале под несколько домов вырыли котлованы, а затем началось строительство дома № 5. Одновременно строилась и первая в Ковдоре трёхэтажная школа, ныне школа № 16. В этом же, 1955 году, велись работы и на объектах промплощадки: главной понизительной подстанции, здании рудоуправления, бетонном заводе, пекарне и т. д.

Известно, что любое современное строительство немыслимо без цемента и извести. И вот неожиданно трест прекратил поставку извести. Нам сказали: до сего времени считалось, что месторождений известняков на Кольском полуострове нет. Известь завозится из других областей и выделяется тресту в ограниченном количестве, что сдерживает производство штукатурных работ на всех стройках треста. А по данным геологов, в Ковдоре имеется богатое месторождение известняков. Добывайте известняк, обжигайте и получайте строительную (серую) известь сколько вам угодно. На трест больше не надейтесь.

Скоро, как говорится, сказка сказывается, да не скоро дело делается. Легко отрезать: не дадим больше извести. Но как быстро и без опыта наладить её производство?

Сначала над месторождением известняков пришлось вырубить лес, проложить к нему дорогу, произвести вскрышные работы, бурить скалу, взрывать, вывозить камень, сложить обжиговые печи, заготовить и завезти в большом объёме дрова, обжечь камень... Но, чтобы обеспечить надлежащую технологию превращения обыкновенного камня-известняка в известь, нужны специалисты. Они в штатах не значились. И всё же производство наладили. А трест ещё предупредил, что с этим делом тянуть долго нельзя, так как предстоит поставлять известь и другим стройкам. Первые небольшие печи заменили печами большого объёма, поставили их ближе к карьере (там, где сейчас один из отвалов рудника «Железный»).

В настоящее время в Ковдоре функционирует специальная организация - известковый завод областного управления промстройматериалов, который добывает известняк и поставляет его за пределы Ковдора.

В декабре 1955 года при Ковдорском строительном управлении был образован отдел подсобных предприятий, в подчинение которого вошли карьерное хозяйство, бетонно-растворный узел, полигон железобетонных изделий и производство извести. Этим было положено начало создания ныне действующего Ковдорского комбината производственных предприятий (КПП треста «Ковдорстрой»). Первым руководителем этого предприятия стал Пётр Иванович Грибов, который проработал в КПП впоследствии в должности начальника бетонного завода двадцать лет.

Я ранее уже говорил, что заказчиком строительства Ковдора являлось Ёно-Займандровское рудоуправление, находящееся в Оленегорске. Это также вызывало немало неудобств. Стройка - в Ковдоре, заказчик - в Оленегорске, а отделение Госбанка - в Зашейке. Наши неоднократные и настоятельные просьбы перед трестом увенчались успехом, и в 1955 году было образовано самостоятельное Ковдорское рудоуправление, во главе его стал Василий Иванович Пацыбин. В дальнейшем в Ковдоре открылось отделение Госбанка и представительство областной конторы Стройбанка.

Мне пришлось уже говорить, что в июле 1954 года начальником строительного управления стал С. Е. Тимашев, прибывший из Ленинграда. А П. В. Голубев назначался заместителем начальника управления. Говорил и о том, чем это вызвано.

Все мы привыкли понимать, что если одного руководителя освобождают от какой-то должности и на его место назначают другого, то этот другой и опытнее, и работоспособнее и, наверняка, сможет лучше организовать дело. Но что же получилось в данном случае?

Приехал заслуженный в прошлом человек - участник гражданской войны, опытный строитель. Но уже в пенсионном возрасте, малоподвижный и больной. Ему бы на старости лет где-нибудь в аппарате треста работать. А его направили возглавлять такую отдалённую и трудную стройку. И, конечно же, это ему оказалось не под силу. В результате менее чем через год С. Е. Тимашев был уволен с самой плохой формулировкой в приказе. Но год был фактически потерян. А разве в тресте, заменяя Голубева Тимашевым, не видели, что делали? Видели, наверняка понимали, но сработал всё тот же чиновничий принцип: кто угодно, лишь бы не «надоедливый» и строптивый Голубев.

В строительстве я работаю около 40 лет. Ко многому присмотрелся, многое сам пережил. Но некоторых вещей так до сих пор понять и не могу. В нашей строительной системе существует так называемая «кадровая болезнь». А заключается она в том, что некоторые руководители видят спасение от всех производственных провалов не в кропотливом анализе причин с последующими серьёзными выводами, а в ничем не обоснованной замене одного работника другим. Не задумываясь над тем, будет ли от такой перестановки толк или нет. И, как правило, это ещё больше усложняет сложившуюся в данный момент обстановку. Так произошло тогда и у нас в Ковдоре.

К концу 1955 года стройку принял уже третий начальник управления и четвёртый главный инженер. А ведь управление существовало только два с половиной года. Такая кадровая вакханалия продолжалась и дальше. Достаточно сказать, что к концу 1958 года сменилось четыре начальника строительством и пять главных инженеров. А в комбинате производственных предприятий (КПП) с 1966 по 1970 год сменилось десять директоров и столько же главных инженеров. О перемещениях работников других рангов и говорить нечего, настоящая «кадровая молотилка». А сколько в этой бесконечной перетасовке руководящих кадров производственных и моральных потерь!

Мои воспоминания - о строительстве Ковдора и о наших товарищах-строителях. Но не могу удержаться ещё от одного примера. К сожалению, такое бывает и не только у нас, строителей.

Я не один год работал рядом с коллективом Куроптского, ныне Ковдорского леспромхоза. Знаю все стороны деятельности этого предприятия за последние двадцать лет. Хорошо помню, как в мае 1955 года прибыл из Ленинграда новый директор леспромхоза Илья Львович Гольшинер. Сразу почувствовалось, что это умный человек, грамотный, опытный и выдержанный руководитель, умеющий работать с людьми. Не буду долго распространяться, но с приходом в коллектив П. Л. Гольшинера предприятие стало быстро крепнуть. Через несколько лет это было уже лучшее лесозаготовительное предприятие области и одно из лучших в системе Министерства лесной промышленности. С многих концов страны сюда приезжали специалисты перенимать опыт работы коллектива. Труженики леса стали жить в городе, в благоустроенных домах, чего почти нигде в то время не бывало. И в этом немалая заслуга И. Л. Гольшинера.

И вот кому-то вздумалось, что нужно заменить директора. Пусть, дескать, заслуженный товарищ идёт на пенсию. А о том, чтобы подготовить достойную замену, не подумали. В результате в должности директора леспромхоза оказался человек незрелый и, естественно, он не смог справиться с тем, к чему не был подготовлен.

Через некоторое время последовала новая, вынужденная уже, смена руководства и другие перестановки в коллективе. И пока всё это продолжалось, предприятие скатилось в число отстающих.

Известно, чтобы нарушить работу любого хорошо отлаженного механизма, не требуется ни много времени, ни ума. А вот настроить этот механизм, чтобы он работал чётко и долго, ох как нелегко. Это в ещё большей степени относится к организационной стороне дела.

И. Л. Гольшинер до сих пор трудится в Ленинграде. Но чем измерить ту душевную травму, которая была нанесена ему - человеку, отдавшему коллективу более 17 лет нелёгкого труда. И ведь душевную травму перенёс не только он и его семья. После ухода Гольшинера были повышены несколько работников. А затем опять возвращены на прежние рабочие места. А ведь за каждым из них семья. И, значит, опять душевные травмы. Да что пример из жизни коллектива леспромхоза? Ведь подобные случаи в определённые периоды жизни были и в нашем коллективе, и не один раз.

Сейчас Ковдорский леспромхоз снова стал одним из лучших лесозаготовительных предприятий области. Но сколько на это потребовалось усилий, времени - смогут сказать нынешние руководители предприятия.

Наша партия уделяет постоянное и особое внимание вопросам подбора, расстановки и закрепления кадров. Работа эта тонкая, кропотливая, требующая большого внимания, терпения, такта. Надо ли говорить о том, что где этому вопросу уделяется должное внимание, там и производственные успехи налицо. Иначе неизбежны провалы во всей деятельности коллектива.

К сожалению, не всегда прошлые ошибки становятся уроком. Чего греха таить, до сих пор в тресте не излечились от такой «кадровой болезни». Это в равной степени относится к руководителям всех рангов, начиная с бригадира, того самого начального звена, где складываются все наши производственные дела.

Хотелось бы поподробнее поговорить и о работе инженерно-технических работников, мастеров, прорабов, старших прорабов, об отношении к ним. Но тема эта большая, важная, походя её не осветишь. Постараюсь вернуться к ней позднее. А пока хочется поговорить о рабочем человеке. О его любви к своей профессии.

Мне нередко приходится выступать перед школьниками в плане профориентации. Рассказывать о профессии строителя, характеризовать отдельные специальности, называть фамилии ветеранов и молодых людей, которые, получив строительную специальность, с любовью относятся к ней, гордятся ею. Но иногда приходится слышать обидные реплики из зала, когда какой-нибудь юноша или девушка говорят: что это за специальность - кирпичи класть. Или: подумаешь - штукатур! К сожалению, подобное отношение бытует и среди школьников, и среди родителей. А зря...

Хочу сказать именно о специальности каменщика. И о тех товарищах, которые, однажды освоив эту профессию, посвятили ей всю трудовую жизнь и ни на какую другую профессию не променяют.

Подытоживая наши дела в первом году существования коллектива, я назвал тех товарищей, которые непрерывно трудятся в тресте двадцать пять лет. Среди них: Усков Иван Антонович, каменщик СМУ-3.

За год до окончания войны молодой паренек Ваня Усков оказался в действующей армии. Воевал, демобилизовался в сентябре 1945 года. Пришел домой с медалью на груди «За Победу над Германией». Потом работал, получил специальность каменщика. Потянуло на Север. С 1952 года - в Африкандском СМУ, а с июля 1953 года - в нашем коллективе каменщиком четвёртого разряда. Любой квалификации работу сделает, на совесть. По-другому не умеет. Его мало кто знает из новых работников треста, он человек тихий, скромный. Как-то недавно мы с ним сидели, вспоминали прошлое. Я взял карандаш, бумагу и вместе подсчитали. За годы работы в Ковдоре Иван Антонович Усков уложил столько кирпичной кладки, что, если вытянуть этот кирпич в одну нитку, то получится сплошной тротуар из кирпича от Ленинграда до Москвы.

Годом меньше Ускова на стройке работает Василий Яковлевич Четверенко. Он тоже человек негромкого имени. Когда Четверенко ведёт кирпичную кладку, вроде не спешит. Но темп у него размеренный, спорый. Делает он свою работу так, что смотреть за ним не нужно. А любоваться можно. Если бы было лич-

ное клеймо, то его смело можно было бы вручить Василию Яковлевичу. Качество и темп! Любит Четверенко свою профессию, как никто другой. Работая старшим прорабом участка «Жилстрой», я имел обыкновение бывать на строящихся объектах, когда рабочие обедают. Тихо, никто не отвлекает, и всегда сможешь увидеть всё лучше, чем когда люди работают. Тут тебе и состояние рабочего места, и почерк каждого каменщика с точки зрения качества. И в целом организация работы бригады. Да и от дела своим присутствием никого не отвлекаешь. А в конце дня, когда все спустятся вниз, хорошо подойти, побеседовать, разобрать работу бригады за день. Это людям нравится. Иногда, приходя на объект в обеденный перерыв, сред общей тишины слышишь, что кто-то один работает. Это может быть только Четверенко. Как-то я его спросил:

- Василий, все обедают, а ты почему здесь?
- А уже пообедал.
- Почему же ты работаешь, а не отдыхаешь?
- Я отдыхаю.
- А какой же это отдых, если ты работаешь?

И вот что он мне сказал:

- Когда я веду кирпичную кладку, я получаю удовольствие, и не устаю.

Хочется сказать несколько тёплых слов ещё об одном человеке - Анне Петровне Пономаренко. Она тоже каменщик. В коллективе с 1956 года.

Ударник коммунистического труда Анна Петровна ПОНОМАРЕНКО возглавляет бригаду каменщиков треста «Комдирстрой», которая работает на строительстве опытной пермунитовой фабрики. Став на предсъездовскую работу, коллектив бригады выполнил февральский план на 120 процентов.

— Анна Петровна — уважаемый в тресте человек. Много лет своей жизни она отдала новостройкам Заполярья. За работу на строительстве ГЭС Николая награждена медалью «За трудовую доблесть», а за участие в строительстве Ковдорского торфобогатительного комбината — орденом «Знак Почета».

Л. СЕВЕРЬЧНОВА

С 1958-го многие годы Анна Петровна возглавляла бригаду. Человек она скромный, трудолюбивый, но принципиальный и настойчивый. Не любит она людей, недобросовестно относящихся к работе и неуважающих свою профессию. Таким она на своем русско-украинском наречии всегда говорила:

- Вон, бачишь - гора, а за ней семафор станции Ковдор. Собирайся и топай соби за семафор. И бильш не появляйся в Ковдоре, тут бездельники не потрібни.

В бригаде Ани Пономаренко всегда были дисциплина, порядок и уважение к профессии.

Анатолий Григорьевич Гришуков, которого в коллективе треста знают как ветерана, как человека, прошедшего с 1955 года путь от мастера до главного инженера управления, как-то на мой вопрос об Анне Пономаренко сказал:

- Анна не только квалифицированный каменщик, хороший организатор бригады, но и замечательный человек. Вот тебе примеры.

Сентябрь 1962 года. Бригада А. Пономаренко возводила стены корпуса сушилки. За 20 дней каменщики в сложных условиях выполнили двухмесячное задание. Или весна 1959 года, корпуса среднего и мелкого дробления. Нужно было выполнить кирпичную кладку с 20 метровых лесов. Сложность заключалась в том, что леса стояли на свеженасыпанном грунте. 25-метровый слой на глазах садился, а вместе с ним садились и леса.

Люди работали в монтажных поясах, привязавшись к натянутому тросу. И каждую минуту ждали, что леса из-под них могут уйти, и они коллективно повиснут на этом тросе. Но дорога была каждая минута, нужно было выполнить эту работу. И выполнили. Здесь главную роль сыграла организованность бригады и личный пример бригадира.

Подводя итог рассказу о скромных тружениках нашего коллектива, хороших специалистах и замечательных людях, можно сказать коротко и ёмко: «Вот что значит любовь к профессии!»

К началу 1956 года управление возглавлял опытный строитель Борис Лукич Какорский энергичный, напористый, хорошо разбиравшийся в психологии рабочего человека. Он был всегда доступен для беседы. Вопросы любой сложности решал сразу, не откладывая их на другое время.

Перед Какорским уже впрямую встал вопрос строительства постоянного посёлка со всеми его службами, и в необходимом темпе. Время уже поджимало разворачивать в широком масштабе строительство объектов промышленного и другого назначения.

К этому времени уже строились бетонный завод, лесоцех, котельная КПП, склады материально-технического снабжения, гараж, главная понизительная подстанция, мост через озеро с дамбой, ТЭЦ, поселковый водопровод с водозаборными сооружениями и резервуаром для воды, канализационные сооружения, склады взрывчатых веществ, ОРСа и т. д.

Форсировались работы на ЛЭП Кандалакша - Ковдор, начиналась вырубка леса на площади будущей обогатительной фабрики и других объектов. Этим были заняты бригады Н. Дергунова, С. Бойцова, Р. Кардышева, А. Гоглева, А. Репина, В. Сысоева, С. Корнеева, В. Хлябина, М. Гусева, С. Крисанова,

Молодые строители Ковдора. 1955 г.

Е. Ивановой и другие, уже были сформировавшиеся, крепкие, работоспособные коллективы. Уже работали участники субподрядных организаций: «Лен-электросетьстроя», «Электромонтажа», «Сантехмонтажа», «Союзэкскавации», «Трансводстроя».

А первый каменный двенадцатиквартирный дом, как первый блин, вышел комом. Вначале заложили нынешний дом № 1 на ул. Горняков, но по техническим причинам забросили его. Взялись за дом № 5 на той же улице. Выгнали кладку на определённую высоту и остановились - никак не получались эркеры. Разобрали. Снова разбивка, снова закладка, на этот раз уже правильно. Каменщики-то были все молодые ребята, только что из ФЗУ. Все маленькие ростом, и бригадир тоже из них - Сеня Корнеев. Опыта никакого. У большинства молодых инженерно-технических работников - тоже. Было решено молодёжную бригаду Семёна Корнеева не сливать со «взрослыми» каменщиками-печниками, которыми руководил В. Сысоев (дядя Вася). Но за молодёжной бригадой закрепили опытного наставника (не каменщика) Екатерину Алексеевну Фацину. Она потом несколько лет работала комендантом общежития, многие годы - начальником ЖКК треста, и уже пятый год, пенсионеркой, по-прежнему продолжает трудиться в коллективе треста.

Очень остро встал вопрос о строительстве постоянной каменной школы, так как население посёлка быстро возматало, а с ним и число учащихся. Напомню - первая четырёхклассная школа (всего в одну комнату и при одном учителе) была открыта 1 октября 1953 года в бараке на Старом Ковдоре. Просуществовала она там чуть больше года и была переведена в более просторное помещение - дом барачного типа, ныне дом ба на ул. Горняков. Но и здесь стало тесно, невозможно заниматься. А дети школьного возраста всё прибывали. В общем, решение было таково: 1956-1957 учебный год начать в новой трёхэтажной каменной школе, ныне школе № 16.

Этому объекту и было подчинено всё. Здесь работали две бригады каменщиков С. Корнеева и В. Сысоева, несколько бригад плотников, столяры, бригада штукатуров М. Конобеевой, маляров Т. Нечаевой и другие. Но рабочих не хватало, другие объекты первоначальной важности с повестки не снимались. А второстепенных, по правде говоря, тогда и не строили, не до них.

И вот на целые недели закрывалось управление стройкой, оставался только секретарь, а все шли работать на школу. Здесь же большую половину своего рабочего времени проводил Б. Л. Какорский. Итоги соревнования на этом ударном объекте подводились по результатам работы за сутки. Поощрение победителей проводилось непосредственно на строительной площадке и делал это сам Какорский. И стены школы росли на глазах.

Работами на школе руководил молодой мастер Г. Горшкова и такой же молодой прораб Ю. Беляков. Но как быть с теплом, где его брать? Котельную посёлка к началу учебного года не закончат. О ТЭЦ и разговоров тогда не могло быть. И всё же выход нашли. Во дворе школы поставили локомотив - небольшой паровой котёл на колеёсах. Вначале сделали над ним навес из досок, а затем и кругом обшили, проложили паропровод в коробе, утеплённом опилками, и пустили тепло. Учебный год в новой школе, как и полагается, начался первого сентября 1956 года. На третьем этаже шли занятия, на втором работали отделочники, а на первом вовсю продолжались общестроительные работы. Но никто не стучал, никто не шумел, идут занятия.

Первым директором постоянной Ковдорской школы стал Иван Семёнович Снеговой. А завучем - Тамара Павловна Толстова.

Т. П. Толстова

Недавно я позвонил Тамаре Павловне, уточняя имя и отчество одного из ветеранов, и она сказала: «А помните, как торжественно было первого сентября 1956 года на открытии первой многоэтажной ковдорской школы. Сколько было радости, цветов, улыбок. Сколько благодарных слов строителям!».

Да, действительно, незабываемый день. Тамара Павловна поныне трудится на ниве просвещения Ковдора, сердечный и уважаемый человек.

Ковдорская восьмилетняя школа № 16

Во второй половине 1956 года был закончен деревянный ряжевый мост через озеро. Открылась прямая и хорошая дорога с промплощадки в посёлок. Нелёгкая победа. Многие сегодня, проезжая или проходя через дамбу (уже без моста), видят озеро, насыпь и не задумываются над тем, а как этот переход создавался.

А ведь многие месяцы подряд сыпали и сыпали в озеро грунт, а он всё уходил и уходил под воду. Казалось, конца этому не будет. Потом, когда узкой полоской всё же удалось вывести на поверхность воды насыпь, которая по-прежнему всё садилась, справа и слева от неё на всём протяжении полезли на поверхность воды тёмные валы ила. Толща воды в этом месте около 10 метров. Столько же и ила. А ил не простой. Это диатомит - ценное сырьё для производства диатомитового кирпича, который идёт на изоляцию горячих трубопроводов и другие цели.

В наших условиях диатомит замечательный пластификатор для кладочного раствора и замедлитель схватывания известкового раствора. В шестидесятые годы мы его применяли для таких целей. Если в цементный раствор добавить совсем немного диатомита, раствор становится пластичным, облегчается труд каменщика, повышается производительность труда на 15-25 процентов и качество кладки - данные хронометражных наблюдений. Диатомита много на поверхности у второго перехода через озеро. Жаль, что этот замечательный, легко добываемый и бесплатный материал не применяется в растворах теперь.

И, опять оговариваюсь, что не назвал фамилии участников сооружения первого перехода через озеро. Всех вспомнить не могу, а назвать нужно именно всех - шофёров, плотников, экскаваторщиков. Как-то свалилась с насыпи автомашина, и смельчак, бывший матрос, в холодный сентябрьский день, несколько раз нырял, всё пытаясь зацепить её тросом, и ему всё же это удалось. Вылез весь в иле, на чёрта похожий.

Долго «не хотели» нормально садиться на дно ряжи, валились на бок. И так далее, и так далее.

Дамба через озеро Ковдоро. Конец 1960-х гг.

Каждый раз, вспоминая первые годы строительства Ковдора, невольно возвращаешься к молодёжи тех лет. Приезжали группами после ФЗУ, вербованные, поодиночке, по направлениям из институтов, техникумов, уволенные в запас войны, по путёвкам обкомов и райкомов комсомола. И на стройке царил необыкновенный трудовой энтузиазм, хотя бытовые условия были прямо-таки неважнецкие. Но молодёжь сама себе создавала условия для жизни, учёбы и отдыха.

Школа строилась быстро потому, что там работала в основном молодёжь. Нужно полторы смены - работали полторы, а в выходной - там же, на воскресенье. Был такой клич: школа не только для ребят школьного возраста, но и вечерняя - для рабочей молодёжи. Оно потом так и было: в третью - вечернюю смену - учились взрослые. Перерывов почти не было. Некогда было убрать и проветривать классы.

Школа строилась в красивом берёзово-ёловом лесу. Единодушно решили: вырубить только то, что необходимо для здания. А как рыть траншеи для тепло-трассы на большом протяжении? Экскаватором поломаешь много деревьев. И тогда решили рыть вручную, но сохранить лес.

На комсомольском собрании постановили: обратиться к молодёжи и построить стадион. Работать после смены и в выходные дни. И ещё просить администрацию выделить средства на приобретение спортивного инвентаря. С таким решением

Ученики и учителя вечерней школы рабочей молодёжи. Ковдор, май 1960 г.

секретарь комсомольской организации Анатолий Гришуков пошёл к начальнику строительства Какорскому. Тот прочитал решение, подумал и сказал:

- Денег на это у нас нет. А спортивный инвентарь приобретать нужно, пора. Одевайся, пошли со мной.

Пришли к начальнику рудоуправления В. И. Пацыбину. Какорский закрыл изнутри дверь на ключ, положил его в карман, сел и сказал:

- Василий Иванович, ты видел, с каким огоньком работает молодёжь?

- Видел. Хорошо работает.

- А знаешь, что они, черти, решили? За счёт вечеров и выходных дней стадион построить.

- Очень хорошо, очень похвально, - отозвался Пацыбин.

- Ну, а коль хорошо и похвально, тогда выделяй им на спортивный инвентарь три тысячи рублей (в «старых» деньгах).

- Таких денег у меня нет. Где я их возьму!

- Найдёшь, Василий Иванович, найдёшь. Ты не хуже меня знаешь, как это нужно и важно. А будешь упираться - мы с Гришуковым никуда не уйдём, не уйдёшь и ты, ключ-то у меня в кармане.

Деньги, конечно, нашлись, поехали в Ригу и закупили спортивный инвентарь. Несколько вечеров и воскресений более 100 человек работали и появился стадион с танцевальной, спортивной площадками и футбольным полем.

Хочется сказать добрые слова хотя бы о двух ветеранах треста, комсомольцах тех лет. Молодой паренёк Сережа Крисанов приехал из деревни на стройку в Африканду. Там работал его школьный дружок и писал, что здесь Север, стройка, интересно и можно неплохо заработать. Сергей ещё не успел устроиться, как стало известно, что П. В. Голубев уезжает из Африканды открывать новую стройку в Ковдоре. Недолго думая, Крисанов пошёл к П. В. Голубеву.

- А деньги у тебя на дорогу есть?

Сергей помялся и признался, что нет. Голубев вытащил кошелек и сказал:
- Заработаешь - вернешь.

Случилось так, что Сергей приехал в Ковдор 1 июня 1953 года, в день, в который Голубев прибыл сюда из Куропты с первой группой строителей, то есть именно в тот день, который и считался началом основания Ковдора как населенного пункта.

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

работника, работающего и приглашаемого на работу
вновь в тресте.

Одностороннее подписание договора пос. Ковдор, Мурманск. обл.

1 июня 1953 г.

Гражданин Крисанов Сергей Григорьевич
(фамилия, имя и отчество)

заключенный (приглашенный) на работу с 1 июня 1953 г.
в СУ "Спецстрой" треста "Кольской", месячный
(предприятие, учреждение).

место постоянного жительства до поступления на работу на
Крайнем Севере _____

(область, город, район)

отстоящий от места новой работы на Крайнем Севере на расстоя-
нии не менее 1000 километров по железной дороге или 500 кило-
метров иными путями сообщения, заключаю настоящий договор с
СУ "Спецстрой" треста "Кольской"
(указать предприятие, учреждение)

в лице Наламанина ст. инженера т.в. Волгуева
делегированного на основании всесоюзного приказа

о следующем:

§1. Гражданин Крисанов Сергей Григорьевич
обязуется работать в СУ "Спецстрой" в качестве рабочего
(предприятие, учреждение)

и выполнять все функции, связанные этой работе сроком на
три года, т.е. до 1 июня 1956 года 195__ г.

§2. За выполняемую работу гражданину (ке) Крисанову С.Г.
устанавливается, при помесячной оплате, месячная должностная
оплата в размере _____ рублей, согласно взыскного расписа-
ния, а при сдельной оплате тарифная ставка _____
рубля в размере _____ рублей.

§3. Рабочий день для гр. и (ки)
устанавливается нормированный, нормированный (включая вечерние)

§4. Все трудовые отношения, не предусмотренные настоящим до-
говором, определяются трудовым законодательством, Указом Верховно-
го Совета Союза ССР от 1-24-45 года.

Крисанов Сергей Григорьевич
14.06.53
6 IX 53

Свой первый трудовой день в Ковдоре Сергей начал с выбрасывания мусора из полуразрушенных бараков на Старом Ковдоре, приведения их в жилое состояние. Потом выполнял разные работы при строительстве первых бараков. Учился на бетонщика в бригаде Рудольфа Кардышева. Освоил и эту специальность. В 1956 году стал бригадиром. Уже в этом качестве строил первый гараж, базу «Электромонтажа», склад ВВ, рубил лес на месте будущей обогатительной фабрики и строил её. В 1961 году освоил специальность сварщика. В 1964 году формировалась бригада квалифицированных сварщиков для централизованного изготовления металлоизделий. Работа эта тонкая, серьёзная, требующая высокой квалификации. Сергей Крисанов был зачислен в эту бригаду. И здесь он показал себя как один из лучших сварщиков-металлистов, с исключительной добросовестностью и любовью относящийся к порученному делу и своей профессии.

С. Г. Крисанов

В 1966 году Сергею Григорьевичу Крисанову была оказана высокая честь - его приняли в ряды Коммунистической партии Советского Союза. А с 1973 года и до настоящего времени он бессменный бригадир коллектива сварщиков-

металлистов, вначале базы механизации, а теперь комбината производственных предприятий. Много лет подряд он был председателем цехкома. За добросовестный труд Сергею Крисанову присвоено звание «Ветеран труда треста». Он награждён юбилейной ленинской медалью, медалью «За трудовое отличие», знаками «Победитель соцсоревнования» 1974 и 1977 годов, Почётной грамотой Минтяжстроя СССР. Таков один из первостроителей Ковдора, бывший Серёжа Крисанов, ныне уважаемый в коллективе треста человек, один из лучших бригадиров, член КПСС Крисанов Сергей Григорьевич.

В феврале 1956 года, после окончания Горьковского строительного техникума в Ковдор приехала Галя Горшкова. Как и полагается, её назначили мастером. А как выписывать наряды, с чего начать самую простую разбивку при закладке дома? Её непосредственный начальник - прораб Юра Беляков - тоже был такой же молодой и неопытный, как она, только что с институтским дипломом. И бригадир Сеня Корнеев тоже только вчера из ФЗУ.

Немало было пролито слёз, в стороне от людей. Не раз искушены в кровь пальцы от обиды, что всё получается не так гладко, как это казалось, когда получала диплом. К тому же - ты молодой руководитель производства, вечером и в выходные дни просто обязан пойти на воскресник и показать пример другим с лопатой в руках на той же траншее для теплотрассы к школе, которую решили рыть не экскаватором, а вручную, чтобы сохранить вокруг школы лес. Нужно было и охранять эти деревья, чтоб на них случайно не наехала машина или бульдозер, не срубил кто бездушный. Всё это и многое другое входило в обязанности молодого мастера.

Но постепенно осваивалась, приходил опыт, а с ним и признание рабочего коллектива. И нет главнее оценки работы мастера, когда бригада тебе верит, тебя понимает. Галина строила первые каменные дома, первую школу, первый магазин, баню, прачечную и многое другое. Потребовался опытный работник в аппарат строительного управления - перешла. С 1970 года Горшкова Галина Фирсовна - старший инженер производственного отдела управления треста.

Как известно, работников аппарата не балуют наградами и поощрениями. А у Галины Фирсовны десятки грамот и благодарностей за добросовестный труд. Она награждена знаком «Отличник соцсоревнований». Мне пришлось работать рядом с ней. И могу сказать, что немного приходилось встречать женщин-мастеров, таких, как Галина Фирсовна - трудолюбивых, настойчивых, скромных, требовательных к себе и подчинённым. Как-то недавно Галина Фирсовна сказала мне:

- А как здорово все мы тогда работали! Какой царил энтузиазм, особенно на строительстве первой ковдорской школы. И как обидно, что тогда рыли траншеи вручную на воскресниках и в вечернее время, лишь бы сохранить лес, деревья. А где они теперь? Все уничтожены.

Серьёзная это и очень важная тема - охрана природы. Как правило, строители приходят в лес, приходят для того, чтобы строить жильё дома, промышленные и другие объекты. Но в их задачу входит и сохранить природную красоту людям, которые будут здесь жить, работать. Сохранить для себя, своих детей, будущих поколений.

Нас, строителей, нередко и обоснованно ругают за то, что мы уничтожаем не только те деревья, которые попадают под застройку, но и те, что должны быть оставлены, сохранены. Думаю, примеров больше чем достаточно, и приводить их здесь нет необходимости. Скажу только, что там, где нужно пройти узкую просеку и можно сделать это бульдозером, узким ножом, берётся любой механизм - и последствия понятны. Теперь редко увидишь на строительной площадке ограждённые деревья. Да что говорить, немым укором нам, строителям, стоит против угла здания управления треста бывшая красавица сосна. Засохшее дерево - памятник всем тем деревьям, которые уничтожили строители Ковдора там, где они могли сегодня зеленеть и украшать наш город. На стволе сосны-великана оставлены следы варварских издевательств над ней, отчего дерево и засохло.

Мне пришлось работать на крупной стройке Сибири, которой руководил известный в стране строитель тридцатых-пятидесятых годов Михаил Михайлович Царевский. Когда он приезжал на новую стройку, то начинал с назначения инженера по охране природы (неосвобождённого). Без согласования с этим должностным лицом не вырубалось на стройке ни одно дерево, ни один кустик. А на стройке имелись и бульдозеры, и краны, и экскаваторы. Тем не менее каждое дерево ограждалось, сохранялось, да так, что в окна многоэтажных домов веточки заглядывали. М. М. Царевский был заядлым рыболовом и большим любителем природы. В своё время он строил Мончегорск. Вероятно, поэтому в этом красивом заполярном городе до сих пор бережно сохраняется естественный лесной парк.

Очень важно сохранить естественные насаждения при застройке. Но не менее важно уберечь их тогда, когда строители уйдут. И в нашем городе вокруг домов, построенных в первые 10-15 лет, можно увидеть ещё немало отдельных и целыми группами красивых берёзок. За то, чтобы они росли и с каждым годом хорошели, мы ругались, дрались не на одной оперативке. Но до наших дней дожило не более десятой части сохранённых от бульдозера деревьев. И с каждым годом их количество уменьшается. А почему? Да потому, что большинство жильцов, жилищно-коммунальные конторы, коллективы организаций и учреждений города не делают ничего для сохранения этой природной красоты. Проходя по дворам, часто видим, что красивые берёзки увиты бельевыми верёвками, а то и проволокой. Конечно же, эти деревья погибнут. А рядом свободные площади дворов, где можно врыть столбы и натягивая себе верёвки, суши бельё сколько угодно.

Пошёл на днях погулять в лес за стадионом и в ужас пришёл. Сразу же за городошной площадкой и дальше молодые сосны сплошь вырублены и поломаны. Горит огромный костёр между крупными соснами, которые теперь тоже засохнут. Это дело рук ребят школьного возраста. Давно уже не встречал зелёных патрулей на улицах города. Видно, в школах забыли об этом.

Около бывшего клуба строителей, а ныне учебного комбината треста «Ковдорстрой» все эти годы сохраняется целая рощица красивых берёзок, шепчущихся над густой травой. Сохранить пока их удалось потому, что они со всех сторон ограждены забором. Но пришёл как-то осенью ко мне секретарь комитета комсомола треста и, показывая в окно, говорит: - Здесь мы будем хоккейную коробку делать.

- А как же вы её будете делать здесь, если такие красивые берёзки растут, - сказал я. Разве мало места с противоположной стороны здания?

- Нет, будем делать здесь, срубим только три берёзки, остальные оставим.

Долго я сражался с ретивыми рубаками, но берёзки тронуть не дал. Однако с другой стороны этой рощицы в помещении бывшего детсада треста сделали общежитие семейных. Двор огромный, пустой и ни одного столба для сушки белья. Берёзки оказались в плену у бельевых верёвок и проволоки. Долго мы всем коллективом разъясняли жильцам общежития, что этого делать нельзя, обрезали проволоку и верёвки, грозили санэпидстанцией и все же победили - берёзы сохранены. И каждый год всё подсаживаем деревья. Прошлой осенью здесь собирали волнушки, и не только волнушки - грузди, и не по одному-два, а целыми лукошками.

Но у этой рощицы появился ещё один враг - гараж тракторов ЖКУ Ковдорского ГОКа. Сохраняя двор гаража в чистоте, работники ЖКУ через ими же построенный трёхметровый забор перебрасывают в рощицу промасленную ветошь, разный хлам и сливают под забор отработанное масло, оно ручьями стекает под деревья. Уже второй год всем коллективом сражаемся с администрацией гаража, но вижу - на этот раз не сможем победить. Там сила больше. Видно, погибать теперь и этому красивому зелёному оазису в центре города.

В Ковдоре каждый год высаживается много деревьев, но приживаются они плохо. Примером тому - улица Парковая у школы. А почему? Да потому, что это делается кое-как, лишь бы зарыть саженцы в землю. Никто за этими деревцами потом не ухаживает, не поливает. Да и большинство из тех, кто их сажает, не знают, как это делается в условиях Крайнего Севера.

А. В. Косарчук на субботнике

Или наш, так называемый парк, двор школы № 16, другие места, где сохранились деревья после застройки? Каждый год их засыхает много, не стало травы и другого зелёного подроста. Всё вытоптано. Корни оказались на поверхности, подсыхают и деревья гибнут. Мне кажется, что в городе есть специалисты, советы и рекомендации которых: как сажать деревья, как за ними ухаживать, как сохранять естественные лесные насаждения - очень нужны. Нельзя допустить, чтобы деревья гибли. Здесь, вероятно, и у горкомхоза, и у лесничества обязанность общая.

Красоту любому населённому пункту придают не только дома, зелёные и благоустроенные улицы, но и подходы, подъезды к нему. А нам, ковдорчанам, нечем и тут похвалиться, да еще в год юбилея города. С какой бы стороны к Ковдору ни подходи, подъезжай - всё завалено мусором, грунтом, строительными отходами. Красивые в прошлом и зелёные обочины дорог превращаются в свалки. Уже негде и пешком прогуляться.

Это, конечно, дело рук недобросовестных водителей, которые ленятся проехать до городской свалки и разгружаются на обочины дорог. Думаю, что это наша общая вина, начиная с исполкома горсовета, руководителей автотранспортных предприятий, санэпидстанции. Нигде не видно никаких призывов, предупреждений, запрещающих табличек с угрозами штрафа.

И ещё один вопрос. Символично, в год первого юбилея нашего города идет интенсивный снос бараков - то, с чего мы начинали двадцать пять лет тому назад и что сегодня уже изжило себя. Что уходит в прошлое, уходит безвозвратно в масштабе всей страны. Это ещё один важный фактор в истории нашей Родины, в завоевании советского народа - страна без бараков.

Начали рушить бараки

Хорошо, что сносятся бараки, но совершенно непонятно, что в год юбилея в городе, на месте снесённых бараков остаются горы чёрного мусора, похожие на загородную свалку: горелая, удушливая пыль разносится ветром. Да, нелегко убирать, вывозить, не хватает рабочих, транспорта, погрузочной техники. А как же быть дальше? Напряжённые планы были, есть и будут впредь. Не оставлять же город в таком состоянии на целое лето, да ещё в год юбилея. И ещё. Плохо, когда барак снесён и на его месте остались горы мусора. Хуже, когда из барака выселены жильцы, а он стал местом, где собираются подростки и бог весть что творят. Когда этот барак становится рассадником всего недостойного, сборищем пьяниц и опаснейшим очагом пожаров в летнее сухое время. Значительная часть территории, подходы и подъезды к городу завалены мусором. И нельзя допустить, чтобы всё это так и осталось. Это упрек не только в адрес ЖКУ Ковдорского ГОКа, но и в адрес ЖКК треста, РСУ и других организаций города.

Всё это, на мой взгляд, заслуживает серьёзного внимания исполкома городского Совета народных депутатов, руководителей предприятий, общественных организаций города.

ЧАСТЬ 5

Тод за годот

1957 год занимает особое место в истории Ковдора. Этот год можно считать переломным, годом нового этапа в строительстве, становлении и развитии Ковдора как населённого пункта.

8 апреля 1957 года над одним из бараков (на этом месте теперь двухэтажная столовая) взвился красный флаг с серпом и молотом. Здесь разместился Ковдорский поселковый Совет. С этого времени на карте Кольского полуострова появилась ещё одна точка, с маленьким, едва заметным кружочком и надписью: «Ковдор».

Вокруг кружочка - большая неосвоенная территория. Это говорило о том, что люди пришли сюда не случайно, что, возможно, на следующих картах название Ковдора будет набрано большими буквами.

Так уже в нашей стране повелось, что если, особенно в отдалённых местностях, появляются новые маленькие точки с самыми неожиданными названиями, то вскоре они превратятся в города, а затем и в целые экономические районы. Примеров тому немало и на Кольской земле, и один из них - сегодняшний Ковдор - центр Ковдору-Ёнского экономического района, с территорией, превышающей площадь некоторых европейских государств.

К началу 1957 года в Ковдоре строители были уже не одни. С ними рядом трудился коллектив Ковдорского рудоуправления. Не уезжали и геологи. Наоборот, обосновались и надолго. Заинтересовались перспективами не только по железу.

Росло и население посёлка. А с образованием поселкового Совета все трудности и неудобства, связанные с поездкой за 50 км в деревню Ёна, отпали.

Г. И. Карвасовский

Начальник станции Ковдор Георгий Иванович Карвасовский был избран первым председателем исполкома Ковдорского поселкового Совета. А строитель Клавдия Васильевна Аксёнова - секретарём Совета. С именами этих двух уважаемых товарищей многое связано в Ковдоре. Они с полной отдачей трудились для становления и развития Ковдора. В настоящее время Георгий Иванович пенсионер, посильно трудится. Он уезжал из Ковдора, но потянуло назад. А Клавдия Васильевна много лет работает старшим инспектором по кадрам в ОРСе Ковдорского ГОКа, пользуется большим уважением в коллективе.

В 1957 году на теперешней улице Горняков был построен и заселён первый двухэтажный каменный дом. Я уже раньше говорил, что 1 сентября 1956 года открылись двери первой каменной трёхэтажной школы в Ковдоре, ныне школы № 16. Но первый учебный год занятия шли только на третьем этаже, на остальных ещё всю хозяйничали строители. А к началу 1957-58 гг. учебного года школа была полностью достроена и введена в эксплуатацию.

Школа № 16

С любовью отделали не только само здание школы, но и благоустроили территорию. Сохранили естественные зелёные насаждения, посадили и смородину, и другие кустарниковые деревья, с большим трудом разысканные в лесу вдали от Ковдора и доставленные по бездорожью. Во дворе уложили бетонные дорожки. А ограждение? Сколько сил, энергии и выдумки было затрачено на устройство этого ограждения из кирпича и металла. Кстати, впервые полученная на стройку арматурная сталь периодического профиля пошла не на изготовление

железобетонных конструкций, а на ограждение школы. Уж так хотелось, чтобы школа была красивой, чтобы такой и осталась.

Государственная комиссия приняла школу в эксплуатацию с высокой оценкой. Были и лестные отзывы Кировского горкома партии, горисполкома, работников просвещения. Но главной оценкой были радостные, сияющие лица детей. Ещё бы! Такая школа после учёбы в бараках, в тесноте и холоде.

Кстати сказать, в тех условиях само здание школы, начиная с нуля и включая основные отделочные работы, было построено за 9 месяцев. Да плюс ещё благоустройство территории. И с грустью приходится сегодня смотреть на то, что осталось от зелёных насаждений.

Ограждение возле школы № 16

В том же году был введен в эксплуатацию первый рубленый из бруса детский сад строителей на улице Горняков. Впоследствии в этом здании разместилась городская библиотека. С течением времени и библиотеке стало тесно, в середине 1978 года она переехала в новое современное помещение на улице Комсомольской. Освободившиеся площади займёт комиссионный магазин.

В нашем растущем городе комиссионной торговли ещё нет, и появление такого магазина, надеюсь, будет благожелательно встречено ковдорчанами.

Да, дома, как и люди, имеют свою «биографию». У одних она тихая, скромная, у других бурная. До 1978 года библиотеку плотно окружали бараки. Но прошло менее года, и бараки почти все снесены. А здание бывшего детского сада осталось, как островок. И только в некотором отдалении, сзади его, сохранился один барак. Он теперь, правда, обложен по фасаду силикатным кирпичом, переоборудован внутри, с центральным отоплением и канализацией.

А судьба его, как и бывшего детского садика, тоже необыкновенная. Построен он был, как и другие бараки, под жильё. Потом, после перевода из Старого Ковдора, в нём размещалась школа, затем милиция, хозяйственный магазин, управление рудника «Ковдор». Несколько лет этот барак пустовал, и снова теперь там жильё, но уже благоустроенное, для работников РСП (и такая организация теперь в Ковдоре есть).

Улица Горняков. 1960-е гг.

Однако одним из главных событий Ковдора 1957 года был ввод в эксплуатацию линии электропередачи Кандалакша-Ковдор. Это была не просто ЛЭП, а целый комплекс энергетических объектов, в который входили сама линия электропередачи напряжением 110 киловольт и протяжённостью более 120 километров, главная понизительная подстанция (ГПП), высоковольтные линии напряжением в шесть киловольт от ГПП до посёлка и до промплощадки, несколько трансформаторных подстанций и целая сеть низковольтных линий к домам и строящимся объектам. Завершился большой труд коллектива ковдорских строителей и монтажников Зашейковского участка «Ленсетьстрой» и Ковдорского участка Мончегорского управления «Севзапэлектромонтаж». А всю эту работу направлял, финансировал и вместе с нами трудился коллектив Ковдорского рудоуправления.

С первых месяцев строительства Ковдора и до сегодняшних дней рядом со строителями трудится Борис Константинович Стручков, инженер-куратор,

а ныне главный инженер отдела капитального строительства Ковдорского горно-обогатительного комбината.

Я уже несколько раз рассказывал о трудностях, которые пришлось испытать и перенести строителям при прокладке ЛЭП. Почти все рабочие и инженерно-технические работники нашего СМУ работали по несколько месяцев на ЛЭП практически без жилья, полуголодные, на комарах, на морозе, по пояс в снегу, без возможности обсушиться, кроме как у костра. А ведь и земляные работы, и разработка скалы для котлованов опор, и лесоразработка на трассе с трелёвкой древесины - всё выполнялось вручную. Не было техники, а главное, не было подъездов к местам работ.

Хочется вспомнить добрым словом коллектив Зашейковского участка «Лен-сетьстрой» во главе с В. И. Чехановичем. Имелись на участке лишь маломощные тракторы ДТ-54. Это и транспорт, и подъёмный кран, и средство связи по бездорожью. Только в отдельных местах мог пройти ЗИС-151 вдоль железной дороги от мест выгрузки.

Мне пришлось прямо или косвенно участвовать в строительстве большинства объектов, построенных за 25 лет в Ковдоре. Но по затрате человеческой энергии, по изнурительному труду в тяжелейших условиях ни один из них не может сравниться со строительством ЛЭП Кандалакша-Ковдор.

Сегодня трудно кого-либо отдельно назвать, беззаветно трудился весь коллектив. И благодаря этому трудовому подвигу, именно подвигу, уже много лет потоком идёт из Ковдора железный концентрат, апатит, вермикулит, флогопит, древесина и другая продукция.

В 1953 году строительный участок в Червас-Губе мыслился как временный. Фактически же в Червас-Губе пришлось держать участок вплоть до 1957 года. Автодорога была приведена в проезжее состояние от Пинозера до Червас-Губы (19 километров). Частично улучшена от Куропты до Ковдора и построено несколько постоянных и временных мостов на разных участках. Больше сил у нас не было. А когда Государственная комиссия приняла ЛЭП, и эксплуатация её стала возможной и без автодороги, тогда и вовсе о ней перестали думать.

Кто знает, правильно ли тогда так поступили? Ведь дорога проектировалась шириной 7 метров с гравийным покрытием. Пролегала она в основном там, где до и после войны при строительстве железной дороги уже ходили автомашины; кое-где оставались и в неплохом состоянии мосты. Да и строить её нужно было только от 19 километра до Ёны. Поступи тогда по-другому, возможно мечты об автобусном сообщении между Ковдором и Пинозером давно осуществились.

Перед коллективом нашего СМУ трест «Кольстрой» ставил задачу так: к середине 1957 года завершить все работы по ЛЭП, одновременно - в леспромхозе в Куропте, а, с поступлением в Ковдор постоянной электроэнергии, сконцентрировать там все людские ресурсы для разворота строительства основных объектов Ковдорского горно-обогатительного комбината и посёлка.

В августе вместе с основными силами Куроптского участка я возвратился в Ковдор. Решено было строить жильё для приёма пополнения, строить быстро. Это позволяло поступление из Петрозаводска деталей сборных домов барачного типа и двухэтажных квартирных.

До середины 1957 года в СМУ имелось два строительных участка - «Жилстрой», которым руководил И. Я. Яковлев, и «Промстрой». К тому времени его возглавлял Е. Ф. Гладков. В связи с решением о форсировании строительства жилья участок «Жилстрой» разукрупнился: «Жилстрою-1» поручили строительство постоянного жилого фонда и каменных зданий другого назначения, а «Жилстрою-2» - деревянные дома. Мне, как уже имеющему некоторый опыт по работе в Куропте, поручили возглавить участок «Жилстрою-2».

Детали домов шли потоком, и сборка их вскоре была тоже поставлена на поток. По своеобразной непрерывке вырубали лес, расчищали площадку, рыли траншеи под фундаменты, устанавливали опалубку, бетонировали. И уже на готовых бетонных фундаментах собирали дома.

Вначале было две бригады плотников-бетонщиков, затем их объединили в одну, во главе стал опытный специалист Александр Алексеевич Смирнов, и ныне работающий в СУ «Отделстрой». Бригада была укомплектована квалифицированными работоспособными специалистами, из которых сегодня можно назвать А. Царёва, А. Масалева, В. Калугина, И. Пчёлкина, И. Меошников, Ю. Пашичева, И. Меркушева, М. Прудникова, В. Гусева, А. Симакова, Столярова, Ц. Ланцева, А. Векшина, А. Карасюка и других. Некоторые из них до сих пор работают в тресте.

После отделки дома выглядели весёлыми, нарядными. Здесь уже проявили своё искусство отделочники участка «Отделстрой», которым руководил С. П. Прищепин. Участок подчинялся Мончегорскому управлению «Отделстрой». Отделочные работы вела одна большая бригада, которой руководила Татьяна Ивановна Нечаева, и ныне работающая в тресте. В бригаде были молодые, энергичные девушки: кто приехал по оргнабору, кто после ФЗО. С удовольствием вспоминаю некоторых из них, таких, как В. Чубукову, И. Пашичеву, Т. Грому, И. Соловьёву, И. Шевнину, К. Гоглеву, А. Яникову, С. Симакову, М. Цапаеву, М. Круталевич, Н. Вантросову, Т. Подольскую и других. Большинство из них и сейчас проживают в Ковдоре, а некоторые продолжают работать в тресте. М. И. Круталевич уже много лет, и успешно, возглавляет бригаду отделочниц. Хочется вспомнить добрым словом печников А. Тупова, В. Сысоева, В. Ванжик.

На любой стройке есть так называемые подсобные рабочие. Это не только убрать мусор, подмести, вымыть полы, но и благоустроить территорию с земляными и бетонными работами, погрузить-разгрузить и т.д. И здесь вспоминаются замечательные труженики тех лет А. Смирнова, Д. Гусева, Н. Масалева, М. Сокур, Л. Амелькина, Л. Белошицкая, М. Иськина, В. Сидоренкова, М. Меркушева, А. Прудникова, А. Лебедева и другие, всех не упомнишь. Большинство из них и сегодня проживают в Ковдоре,

Как строились потоком дома, так быстро рос тогда и коллектив. А постоянная электроэнергия позволяла разворачивать строительство посёлка из каменных домов, объектов коммунально-бытового и другого назначения и, конечно же, промышленных объектов нынешнего комбината.

Стройкой в 1957 году руководил Константин Иванович Васильев, приехавший из Москвы и сменивший ушедшего по болезни Какорского Бориса Лукича. А главным инженером в сентябре месяце 1956 года стал Александр Григорьевич

***Штукатуры-маляры «Отделстроя»
(В. Козельская, И. Акуличева, Т. Лозовик и др.)***

евич Карельский. Васильев - молодой строитель, без достаточного опыта, но человек грамотный, энергичный, глубоко порядочный, знал цену слову, умел уважать чужое мнение. С ним было легко и приятно работать. У Карельского опыта побольше, тоже грамотный, выдержанный, вдумчивый. Был, как говорят строители, «рабочей лошадкой». Оба руководили согласованно, дополняя друг друга.

Мне немало пришлось трудиться на разных стройках и под началом разных руководителей, но такую согласованность в работе между первым руководителем и главным инженером редко приходилось встречать. А как это важно, когда в коллективе один другого не подменяет, когда в четыре руки «везут общий воз»! Тут и подчинённым работать легче, и дело ладится. Так тогда было и у нас.

В августе 1957 года произошло ещё одно важное и приятное событие. За успешное развитие энергетики большая группа работников области была награждена орденами и медалями. Среди них ордена «Знак Почёта» удостоилась и бригадир нашего СМУ Валентина Ивановна Шмелёва. Это была тогда первая награда ковдорскому строителю и вообще пер-

В. И. Шмелёва

В 1958 году Гавуцкая за
трудолюбие успешна я была награждена
на орденом Знак Почета.
Для меня это был большой праздник.
На стадионе был посвящен
митинг, где нас приветствовали
с похвалой, это были
первые ордена, которые мне
вручили я не помню кто еще
получил орден, если не ошибаюсь
Ловачки, было только два ордена.
И благодарнее коллектив

Из воспоминаний В. И. Шмелёвой

вому ковдорчанину. По случаю ввода в эксплуатацию ЛЭП и награждения орденом В. И. Шмелёвой на стадионе, на том стадионе, что молодёжь стройки построила на воскресниках и в вечернее после работы время, состоялся митинг.

В. И. Шмелёва приехала в августе 1953 года с партией вербованных из Горьковской области в Червас-Губу. Там возглавила женскую бригаду из 30 человек, и с этим коллективом, выполняя мужскую работу, валила лес на трассе ЛЭП, копала котлованы под опоры линий в скальном грунте и в болоте, выполняла другую нелёгкую работу. Не было случая, чтобы бригада Шмелёвой отказалась от задания, чтобы в коллективе были споры и скандалы (а ведь такое, чего греха таить, случается, и не только в женских бригадах). Потом с группой рабочих она переехала в Ковдор и снова возглавила бригаду на стройке. Все котлованы и траншеи под первые каменные дома на улице Горняков, первую ковдорскую школу, все дороги того времени в посёлке, отметки вокруг домов - всё это труды

Выдан
Позволение
Сут...

17 711 1633 Б.
500
100

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

о работе на предприятии (строител...)

Место заключения договора

Автостроительное шоссе

13/11/53
1953

10. / VII 1953 года

Гражданин Шмелева Валентина Ивановна
(фамилия, имя, отчество)

год рождения 1916, проживающий 53 (село,

город), Вешенский поселок

район Свердловская республика, край, область

член колхоза

паспорт серии 1X-2A № 529695 выданный 2/XI-50г. В. Пыш-
(дата выдачи)

Шмелева Валентина Ивановна с одной стороны, и уполномоченный

Областной отдела организованного

набора рабочих Совета Министров Торьковской
исполкома (наименование АССР, край, области)

АССР, края, области, г.р. Смирнова В.С. от имени

Смирнов Илья (наименование предприятия (строительства), для которого проводится набор)

Смирнов Илья с другой стороны,

заключили настоящий трудовой договор о работе, гражданина Шмелева

Валентина Ивановна Смирнов Илья
(наименование предприятия, строительства)

I. Обязательства рабочего

Гражданин Шмелева Валентина Ивановна обязуется:
(фамилия, имя, отчество)

1. Проработать три года Коллектор
(указать наименование предприятия для стройки)

три года министерства Смирнов Илья
и срок работы) (наименование министерства)

с момента прибытия на предприятие.

бригады Шмелёвой. Среди тех, кто трудился в этом замечательном коллективе, хочется назвать М. Михайлову, А. Белошицкую, О. Кунай, В. Дементьеву, М. Сокур. Пусть меня простят те товарищи, которых я не назвал здесь. Сколько лет прошло, не мудрено и забыть некоторых.

Бригада В. И. Шмелёвой

Кстати, некоторые ветераны, встречая меня на улице, высказывают обиду, что не всех называю, что не все события и эпизоды вспоминаю. Что можно по-этому сказать? Записей никаких не вёл. Единственные исторические документы остались - это приказы и те только кадровые (принять, уволить, начислить полярную надбавку, объявить выговор). Главный же источник - это надежда на свою память и память тех, с кем когда-то работал.

Знаю, что много делают школьники. Некоторые ветераны сами принялись за воспоминания. Или приходят ко мне в учебный комбинат треста. История строительства нашего города от этого становится только полнее. Ведь наш долг, долг ветеранов Ковдора, насколько возможно лучше восстановить по крупичкам пройденное.

Но вернёмся к рассказу о Шмелёвой. В 1956 году Валентина Ивановна, освоив профессию стропальщика, сдала бригаду и перешла в бригаду каменщиков Василия Ушакова, затем Виктора Давиденко, Ивана Михайлова. Вплоть до 1968 года она работала в этой бригаде стропальщиком на строительстве

постоянного посёлка. В бригаде её называли не иначе, как «наша хозяйка». И это было действительно так, ведь каменщики ведут кладку наверху, на этажах. А обязанности стропальщика - всё им подготовить: уложить кирпич на поддоны (тогда кирпич завозился навалом в самосвалах), наложить раствор в ящики, застроить поддоны с кирпичом, плитами, перемышками, подмости, содержать в чистоте строительную площадку, а перед «перекурами» и чайку для бригады вскипятить. В общем, целый день работы без конца и края. И нужно сказать, что Валентина Ивановна успевала со всем этим справляться. Не случайно её в бригаде любовно называли ещё и «зам. бригадира» и «начальник стройки». Ведь от её отношения к делу зависело и выполнение плана, и заработок бригады.

Первостроители Е. Гусева, И. Н. Кабанов, В. И. Шмелёва (третья слева)

В 1968 году Валентина Ивановна ушла на действительно во много крат заслуженный отдых. Но не уехала из Ковдора никуда и не собирается уезжать. Тихая пенсионная жизнь. Ни поздравлений к празднику от своего бывшего коллектива, ни приглашений на торжества в управление треста, в городе. Большинство молодых людей не знают теперь, кто такая Шмелёва.

Можно сегодня задать вопрос в отделе кадров, в постройкоме: а сколько работников коллектива треста за последние 10 лет ушло на пенсию? Сколько из них живёт в Ковдоре, какая существует с ними связь? Уверен, на эти вопросы никто не ответит. И так обстоит дело не только в тресте, а правильно ли это? Не могут, не должны прерываться отношения между коллективами предприятий и теми, кто доблестно трудился и ушёл на заслуженный отдых. Дело это не частное, а государственной важности. И этим в первую очередь должны зани-

маться профсоюзные комитеты и отделы кадров. И комитеты комсомола. Да, да, воспитание молодёжи будет обеднённым без встреч с ветеранами, без душевной заботы о них.

Нередко бывает, что в профкомах не знают, что делать с «горящими путёвками». А будь под рукой список пенсионеров, можно было бы такие путёвки быстро реализовать, ведь пенсионер - человек свободный, с удовольствием подлечится, либо просто на время сменит обстановку. Но выделять пенсионерам путёвки можно и нужно не только «горящие», а в плановом порядке. Человек такое внимание заслужил своим трудом. Потом он долго и с гордостью будет рассказывать, как к нему тепло и внимательно относятся, и не забывают, а в нужный момент, когда будет трудно, он придёт на помощь коллективу, и охотно.

Андрей Фёдорович Даричев в Ковдор приехал в 1958 году, тоже со стройки, из Африканды, с бригадой 13 человек. Строил ТЭЦ, первый гараж Ковдорского ГОКа, главный корпус обогатительной фабрики. Руководил бригадой в 100 человек. Он возводил и корпус сушки, и насосные фабрики, и другие объекты. После ввода в эксплуатацию первой очереди комбината сменил профессию. Но снова вернулся на стройку. И опять возглавил бригаду на промышленном строительстве. Живы в памяти успехи его коллектива на АБОФ. А. Ф. Даричев награждён медалью «За трудовую доблесть», орденом «Знак Почёта», знаками «Ударник пятилетки» и «Победитель соцсоревнования».

Годы шли в труде, в организаторской работе с коллективом. Как говорит Андрей Фёдорович, забот хватало и на первую, и на вторую, и на третью смены. Незаметно подкрадывалась старость, становилось меньше сил, энергии, и он передал трудовой коллектив бывшему своему ученику А. И. Трудову, а сам остался рядовым.

Поработал ещё некоторое время, а потом решил использовать своё право пенсионера и отдохнуть. Но усидеть дома не смог. Уже второй год Андрей Фёдорович работает неполный рабочий день - так разрешается законом. Но его знания, его опыт, его авторитет в коллективе дают так много бригаде: и разобраться со сложными чертежами, и подсчитать потребность материалов, и помочь правильно распределить силы по сменам и объектам, и многое другое. Рад и доволен и сам Андрей Фёдорович, что приносит пользу бригаде и стройке.

А Татьяна Ивановна Нечаева приехала в Ковдор из Гомеля в 1954 году, была зачислена учеником маляра. Освоила эту специальность быстро, затем смежную - штукатурка. Работа полюбилась, и квалификация её росла. В 1956 году ей доверили руководство небольшой бригадой отделочников в 11 человек. А когда поверили, что у неё есть задатки руководителя, постепенно наращивали численность бригады и довели её до 50 человек. Жилые дома, школы, детские учреждения. Работать на таких объектах значительно сложнее, чем на промышленных, отделка требуется более качественная. А в бригаде постоянно есть ученики. И кто, как не бригадир, должен быть первым учителем.

Бригада Т. И. Лозовик на отделке почты по ул. Кирова. 1960 г.

Будни бригады маляров

Известно, что нелегко руководить коллективом в 30-50 мужчин. Но куда сложнее, если под твоим началом женщины. Тут и характеры «потоньше», и нервы более чувствительные, и психология другая. Здесь не крикнешь. Одни уговоры да убеждения тоже не помогут. Нужно «подобрать ключик», нужно завоевать авторитет да такой, чтобы несколько десятков «слабых сердец» поверили тебе, поняли тебя. У самого же бригадира нервы должны быть «железные»,

а самообладание и выдержка - за двух уравновешенных мужчин. Иначе и не вздумай браться за бригаду. Потом и рядовым в этом коллективе не сможешь работать.

Татьяна Ивановна бригадирствовала 19 лет. Труд её оценён медалями «За трудовую доблесть» и Ленинской юбилейной, несколькими знаками победителя соцсоревнования. А в последние годы она многократно возглавляла ещё один, не совсем обыкновенный вид бригады. Почти каждый год в трест прибывают 20-40 отделочниц, выпускниц ГПТУ. Раньше их распределяли по несколько по бригадам, там они завершали свое обучение, становились квалифицированными рабочими. Поначалу падала производительность труда, качество работы, да и, чего греха таить, дисциплина в бригаде. А в целом, нарушался ритм.

И тогда было принято решение молодых, как принято у нас говорить, доводить «до кондиции» вместе, всей группой. А инструктором-наставником стала Т. И. Нечаева. Только она сама смогла бы рассказать, чего ей стоило из этих ещё «зелёных», не имеющих рабочих навыков девушек с разными характерами и буйной, слабо обузданной энергией, буквально «вылепливать» квалифицированных рабочих. Многие из них стали потом признанными специалистами, а некоторые и командирами производства. Одна из них Мария Николаевна Круталевич, принявшая в 1968 году бригаду у Нечаевой, до сих пор успешно возглавляет её. Только учеников у Татьяны Ивановны было более 20 человек. А если учесть и выпускников ГПТУ, то число тех, кому она дала путёвку в жизнь, превысит сто человек.

Но нелёгкий труд и возраст берут своё, Татьяна Ивановна уже не бралась, ни за бригаду, ни за группу молодёжи из ГПТУ, перешла рядовым рабочим. А здесь с молодёжью тягаться трудно. В одиночку отделочные работы не ведутся, так бывает только на ремонтных, и то редко. Другой, более лёгкой работы, в «Отделстрое» не предложили, и с 1976 года она на пенсии ...

Татьяну Ивановну я не видел больше года. Как-то вечером после совещания в управлении треста иду по коридору, а навстречу с мешком бумаги за плечами Нечаева. Поздоровались. Она, не задерживаясь, вышла на улицу. Следом за ней ещё две женщины с такими же мешками бумаги.

- А что это за бумага и куда вы её несёте?

- Как - на улицу сжигать, помещение-то убирать надо. Это вот вы «чиновники» сколько их по кабинетам в корзины выбрасываете. Меня заинтересовало, а почему же здесь Нечаева? Что произошло? Решил подождать её. И мне вспомнился один случай.

Было это тридцать лет тому назад, на строительстве Печорской железной дороги. Зашёл я к главному инженеру согласовать текст телеграммы. Телеграмма была небольшая, написал я её на половине листа, вторую, чистую половину, оторвал. Нас здорово ругали за неразумное расходование бумаги. Текст телеграммы был одобрен, но последовал упрек:

- А что, нельзя было написать помельче и не так размашисто? Хватило бы на такую телеграмму и четверти листа, не в размере бумаги суть, а в содержании. Если каждый школьник вырвет из тетради всего по одному листу, то это будет семь тонн бумаги. Добавь к этому миллионы таких писак, как мы с собой,

и количество выброшенной бумаги удвоится. А это всё человеческий труд да древесина, которая миллионами кубометров идёт на её изготовление. У нас же на стройке, как тебе известно, постоянно не хватает древесины, и так по всей стране. Стоит над этим подумать.

Возвращались с улицы женщины. Я остановил Нечаева и спросил:

- Почему Вы, Татьяна Ивановна, здесь?

- Ушла на пенсию, вот и попала сюда. Нужно ещё детей поднимать, да и по совести сказать, не могу дома сидеть, не привыкла, тяжело это.

- А что, в «Отделстрое» работы для вас не нашлось?

Шёл я домой и думал. Как же так, таких специалистов-отделочников, как Нечаева, у нас уже больше нет. Любую, самую сложную работу сделает, включая и разделку древесины «под дуб», «под орех». А что, предложу ей ту же работу уборщицы в учебном комбинате? Много учится молодёжи, в том числе и отделочников.

Предложил. Согласилась. Теперь всем коллективом не нарадуемся: кругом всё чисто, вычищено, где и лаком покрыто. Появилась у нас хозяйка, да ещё какая! Уютно, цветы. И Татьяна Ивановна довольна, ходит и улыбается: опять рядом с молодёжью, снова причастна к обучению!

Т. И. Лозовик (Нечаева)

К середине 1958 года стало известно, что в Мурманском совнархозе прорабатывается вопрос о выводе Ковдорского СМУ из подчинения тресту «Кольстрой» и передаче в оперативное подчинение управлению строительства совнархоза. Тресту «Кольстрой», ведущему работы на многих строительных площадках

Мончегорска, Оленегорска, Кандалакши становилось уже трудно управлять отдалённой и быстро набирающей темпы конторской строительной площадкой.

С марта 1958 года строительство обогатительной фабрики возглавил Игорь Владимирович Угаров, а два «Жилстроя» объединили в один участок. К этому времени удалось построить немало деревянных домов для приёма пополнения, и отпала необходимость в содержании двух участков на строительстве посёлка.

Потоком прибывали рабочие по вызовам, оргнабору и с других строек области, приезжали молодые специалисты. Заканчивалось строительство в Африканде, и оттуда ехали целыми бригадами. Среди тех, кто на стройке в Ковдоре с 1958-59 годов, можно назвать прорабов и мастеров тех дней: К. И. Омелина, А. Г. Гришукова, Ю. М. Зелинского, Г. И. Ролева, Е. В. Киселёва, Л. И. Бабенко, А. Г. Трунову (Гришукову), П. Н. Фомичёва, В. А. Мамаева, В. Г. Марченко и других. Из Африканды приехали механик А. Г. Федянин, строители В. А. Чиркин, Н. А. Бахвалов, В. А. Фёдоров.

В этот период на «Промстрое» были заняты бригады Н. А. Дергунова, А. Д. Гоглева, А. И. Репина, Ю. А. Кардышева, Е. А. Ивановой, А. Ф. Даричева, Ф. И. Тукача, Е. Е. Карасюка и другие. Эти бригады и инженерно-технические работники, и была та основная сила, которая широким фронтом развернула строительство самой обогатительной фабрики и других объектов промышленного назначения нынешнего Ковдорского ГОКа.

К середине 1958 года на стройке было уже много молодёжи, многие, именно в Ковдоре, стали комсомольцами. Для того, чтобы руководить растущей комсомольской организацией, было решено избрать освобождённого секретаря комитета ВЛКСМ. Чести стать первым в Ковдоре освобождённым секретарём комсомольской организации был удостоен Юрий Васильевич Беляков. Впоследствии он продолжительное время работал начальником участка, затем, в Заполярном и Мурманске - главным инженером СМУ и в последние годы - главным технологом треста «Мурманскпромстрой». Да, да, тот самый Юра Беляков, который в 1956 году вместе с таким же молодым и неопытным мастером Г. Ф. Горшковой с большим трудом сделали разбивку первого двухэтажного каменного дома в Ковдоре.

Объединённый «Жилстрой», руководить которым назначили в 1958 году меня, уже был полноценным участком, способным выполнять большой объём работ. Из мастеров и прорабов тогда здесь работали Е. Ф. Гладков, Г. Ф. Горшкова, Ю. М. Беляков, Е. Н. Кольнер, И. П. Спирит, В. П. Барченко, нормирующий В. С. Дергунова и другие. Кроме жилья строили баню, прачечную, котельную при них, детский сад и ряд других объектов.

Приехал как-то в очередной раз главный инженер треста «Кольстрой» Сергей Владимирович Маньковский. Человек, органически не переносивший плохой организации и брака в работе. Каждый раз к чему-нибудь придерётся, мимо его опытного глаза ничто плохое не ускользало. А кому понравится, когда тебя, как котёнка, носом тычут?

Пошли по объектам. Он, главный инженер СМУ Карельский и я. Мастера и прорабы старались на глаза не попадаться, у всех находились «срочные» дела. Поднимаемся на второй этаж строящегося дома № 7 (ул. Горняков, 1). Лестнич-

ный марш смонтирован, а ограждение его (перила) ещё временные, низенькие сантиметров 70 - 75 и только из двух досок. Да и то нарушено.

Ну, думаю, сейчас мне будет взбучка. А Маньковский вроде бы ничего не замечает. Ходим по квартирам, он здороваются с рабочими, где хвалит, где слегка журит, подшучивает, интересуется работой, жизнью.

Опять вышли на лестничную площадку. Он впереди, мы с Карельским чуть сзади шепчемся. Вдруг Маньковский останавливается и спрашивает:

- Это что такое?

- Ограждение, немного поломанное, - говорю я.

- Это, по-твоему, ограждение?

- А что же, Сергей Владимирович?

- А ну-ка, скажи какой высоты должно быть временное ограждение и из скольких досок?

- Что я, маленький, не знаю, как делается ограждение! Не менее одного метра высотой, в три доски, и верхняя строганная. Это вы хотели услышать?

- В том, что это всё ты знаешь, я не сомневался, но хотел тебя разозлить: ходишь, сам видишь - портачат, а не спросишь, ни с мастера, ни с бригадира. А кто у тебя здесь мастер?

- Спирин, Иван Павлович, хороший мастер, говорю я.

- Вот смотри, Александр Григорьевич, - обращается он к Карельскому,

- Как он своих бракоделов хвалит, - и опять к нему:

- Что это у вас за порядок, когда не приедешь, никогда мастеров на объектах не увидишь? Что они у вас все в бегах?

- Один телефон на все объекты по посёлку, вот и приходится больше ногами работать.

- Молчи уж лучше, - говорит Маньковский,

- Я видел, как твой хваленый Спирин за угол дома ушёл. И шею оттуда тянул, как рябчик из-за ствола ели. Приучай их никого не бояться, от этого и им, и делу пользы больше будет.

Маньковский продолжает прерванную мысль и говорит:

- Через год, не больше, у вас на участках будет надёжная телефонная, а, вероятно, и селекторная связь. И очень простая, на каждом строящемся объекте будет розетка, а у мастера, прораба - в кармане телефонная трубка с вилкой. А значит, и организация труда улучшится, и брака меньше будет.

Обошли баню, котельную, прачечную, идём к детскому саду. И прямо на нашем пути лежит изогнутая какими-то невообразимыми полукольцами труба. Ещё издали Карельский смотрит с укором в мою сторону: я отворачиваюсь в предчувствии «весёлого» разговора. Маньковский подходит к трубе, останавливается, лицо наливаются кровью, смотрит то на одного, то на другого и тихо так, с каким-то шипом спрашивает:

- Это что такое?

Что тут говорить, - думаю я, - что ему отвечать? Сам видит, вероятно, несколько раз по ней, по этой трубе трактор гусеницами проехал. Уж скорее бы начинал взбучку, скорее она и закончится. Маньковский не выдерживает нашего молчания и сквозь зубы цедит:

- Вот вас обоих да к капиталисту работать! За такие безобразия он ни одного дня не держал бы, в шею вытолкал бы, да ещё на биржу труда сообщил, за что уволил. Походили бы без работы, узнали б, почём фунт лиха. А тут что, не моё, государственное, можно и в грязь, можно и под гусеницы. Запомни, Александр Григорьевич, - обращается он к Карельскому, - каждый раз, подписывая вам документы на отпуск труб, рядом со своей подписью буду писать два слова: «Привет Карельскому!». Я не капиталист, хоть этим вас пройму!

В детском саду, как назло, на самом видном месте, перед спуском в подвал деревянный ящик, а в нём около четверти кубометров замороженного раствора.

- Кто тут мастер?

Карельский тоже не выдерживает. И, вероятно, больше для того, чтобы сбить Маньковского с настроя, прокричал:

- А ну его к черту, присылаете кого угодно, а тут за них расхлёбывайся! Это ваша хвалёная Кольнер. Не нужна в Мончегорске, так Вы её в Ковдор! Да ещё старшим прорабом!

И, не давая опомниться Маньковскому, всё распаяясь, продолжал:

- Теперь она уже не старший, а просто прораб, а завтра и мастером не доверю ей быть, выгоню к чёртовой матери! Осталась с тремя рабочими доделать подвал, она и тут натворила чёрт знает что!

В это время из-за угла здания «выплывает», как будто её тут и ждали, сама Кольнер - женщина уже немолодая, но какая-то сумасбродная.

- Здравьете, Сергей Владимирович!

Маньковский что-то непонятное буркнул, глядя всё на ящик с раствором, и после паузы выдохнул:

- Евгения Николаевна, помните наш последний разговор в Мончегорске? Вы тогда клялись, божились, обещали. Ну, назначили Вас на должность старшего прораба в Ковдоре. А что получилось?

- И, обращаясь к Карельскому, добавил:

- Подберите ей другую работу, но только не на производстве. А вас, Евгения Николаевна, предупреждаю: вздумаете кляузы писать, я Вас знаю, уволим совсем, как не справившуюся с работой. Всё!

В помещениях сада альфрейщики (*справка: мастер интерьерной росписи помещений*) рисовали козочек, зайчиков, радужные цветочки. Так чисто и красиво, что мы стоим, как замороженные. Ничего подобного в Ковдоре не бывало.

- Вот, можете же делать хорошо? Вернусь в трест, премируем и отделочников, и кого нужно из строителей. Подготовьте списки и ходатайство. Скажу вам по совести, и в Мончегорске так любовно выполненной работы ни в одном садике не видел.

Хорошее сразу нужно замечать: заслужил человек - поощряйте его. Ни на один день не оттягивайте, иначе потеряется острота, эффект момента. Так же поступайте, если человек заслужил наказание, но никогда не делайте лишнего, не перегибайте палку.

- А ты эту Кольнер, Александр Григорьевич, знаешь, куда поставь - диспетчером. Ох, и диспетчер будет, не только всех линейных ИТР - тебя загрызёт. Покою никому не даст. Это я в шутку. Но диспетчер из неё будет, не раздумывай, ставь.

За обедом, обращаясь к Карельскому, Сергей Владимирович говорил, чтобы он всегда занимался своим делом, никогда не подменяя начальника управления. Я, говорит, всегда, когда приходит в трест новый управляющий (а их почему-то меняют чаще, чем нас, главных инженеров), договариваюсь с ним, чтобы каждый из нас занимался своим делом. Производство и всё ему сопутствующее - это участок работы и ответственность главного инженера. У управляющего дел и без того хватает. А помогать друг другу, и на доброжелательной основе, должны. Вот и вы с Васильевым стройте свою работу так. Убедитесь, что так и работать легче, и люди будут знать, к кому и по какому вопросу обратиться.

- И ещё, - говорит, - хочу вам сказать вот что: мы наших подчинённых часто ругаем, иногда наказываем за их проступки. Но они должны постоянно нам верить и надеяться, что, если им потребуется в трудный момент поддержка, а возможно и защита, в первую очередь, они могут в этом рассчитывать на нас.

А сад, первый каменный детский сад в Ковдоре (ныне сад «Берёзка») Государственная комиссия приняла в эксплуатацию с оценкой «отлично». А вот того, чтобы телефонные или селекторные розетки были на каждом строящемся объекте, как обещал С. В. Маньковский, мы не дождались. Это уже не от него зависело. Не поздно выполнить обещание двадцатилетней давности и теперь.

Детский сад «Берёзка». 1959 г.

Дыма без огня не бывает. Слухи о выходе нашего СМУ из подчинения тресту «Кольстрой» к концу года подтвердились.

Пришло постановление Мурманского совнархоза от 12 декабря 1958 года № 170 «О дальнейшем совершенствовании структуры управленческого аппарата и сокращении штатных излишеств».

В кулуарах совнархоза и на предприятиях это постановление называли коротко и лаконично «Великая перетасовка». Десятки небольших предприятий ликвидировались, другие объединялись в более крупные, некоторые переподчинялись, реорганизовывались, устанавливалась бесцеховая структура и так далее. Только в системе совнархоза предстояло сократить 15 процентов, или 90 работников ад-

министративно-управленческого аппарата. В том же документе было сказано: строительное управление «Ковдорстрой» подчинить непосредственно Управлению строительства и промышленности стройматериалов совнархоза.

Дети в д/с «Берёзка» (2-я слева - Г. Гонтарь, крайний справа - С. Сухачев)

А днём раньше вышло постановление совнархоза за № 167 «О мероприятиях по обеспечению выполнения Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР «О развитии железорудной и марганцевой промышленности РСФСР». Вот некоторые пункты этого постановления:

1. Обязать управление строительства и промышленности строительных материалов (тов. Гликман) и управление горно-металлургической промышленности (тов. Васина):

а) обеспечить строительство и ввод в действие:

... по Ковдору — рудник и железорудную обогатительную фабрику мощностью три миллиона тонн сырой руды и миллион двести тысяч тонн товарной железной руды — в 1961 году;

г) обеспечить создание нормальных жилищных и культурно-бытовых условий для работников, занятых на добыче руды и строительстве горно-металлургических предприятий и навести порядок в работе предприятий и учреждений, связанных с обслуживанием горняков и строителей.

2. Обеспечить строительство и ввод в действие мощностей для собственной производственной базы:

... по Ковдору — бетонно-растворный завод мощностью шестьдесят тысяч кубометров бетона и раствора в год — в первом квартале 1959 года; полигона железобетонных изделий на пятнадцать тысяч кубометров в год — во втором квартале 1959 года; лесосушилки и плотнично-опалубочного цеха — в декабре 1958 года.

Ввести в эксплуатацию в декабре 1958 года столовую на 100 мест, баню на 47 мест с котельной, детсад на 100 мест и детясли на 66 мест;

для расселения поступающих рабочих-строителей передать Ковдорскому строительному управлению из жилфонда, вводимого рудоуправлением: в четвертом квартале 1958 года — две тысячи квадратных метров, в 1959 году — четыре тысячи и в 1960 году — 900 квадратных метров жилой площади.

Ковдорское строительное управление получило больше самостоятельности. Теперь уже не надо было по всякому поводу обращаться в трест и ждать, пока трест проконсультируется с совнархозом.

В аппарате высоких ведомств спешить не принято. Там долго думают, прикидывают, консультируются. Пишут, корректируют, печатают, отдают начальству на подпись, потом ещё в канцелярии оформляют, регистрируют. Да ещё почта. Из Мончегорска до Ковдора бумага тогда шла не менее пяти дней.

В тот период строилось много жилья, и не только деревянного, но уже и постоянного, каменного. Почти весь вводимый в эксплуатацию жилой фонд заселялся строителями, так как хозяин его - Ковдорское рудоуправление - имело ещё небольшой коллектив, и потребность его в жилье была небольшая.

Мне вспоминается один случай, по сегодняшнему времени парадоксальный, с которым пришлось столкнуться при распределении жилой площади. Вводился в эксплуатацию очередной двенадцатиквартирный каменный дом. Нам на участок выделили четыре квартиры, три из которых предназначались только для рабочих. Оговорив предварительно с профсоюзным комитетом кандидатуры, мы пригласили их на заседание комитета. С определённой по такому случаю торжественностью объявили, что каждому выделяется отдельная квартира в каменном доме со всеми удобствами - центральным отоплением, водопроводом и канализацией.

Никакой реакции. Молчат, на нас не смотрят, мнутя. Я не выдержал и спрашиваю:

- Вы что же, не рады? Вам ведь каждому выделяется отдельная квартира, без подселения - одна трёхкомнатная и две однокомнатные.

- Мне бы лучше квартиру в деревянном доме...

- Почему? - спрашиваю, - в каменном же намного лучше. Как можно от таких удобств отказываться!

- А что я, - говорит, - поделаю; жена ни в какую не согласна. Стоит на своём, что в деревянном лучше.

Пришлось прервать заседание и пригласить жён. И вот что мы услышали:

А что, - говорит одна, - что это за жильё будет такое, когда в квартире печка не топится, дрова не потрескивают, и духу настоящего смоляного нет. Я как хочу, так и натоплю печку, и сколько для детишек тепла надо, так и сделаю. И летом могу протопить, если нужно, а то надейся на ваше отопление, как же! И где это видано, говорит, чтобы туалет в квартире! Квартира же не вагон! Да и канализация ваша зимой замёрзнет, куда я тогда с детишками бегать буду, к баракам? Нет, уж лучше я в деревянном, нам там привычнее. - И добавила, - А что же мужики будут делать? Дров не готовить, воду не таскать, тазик с бельем на озеро не отнести ... Спать, да водку пить? Нет, уж лучше в деревянном, если заслужили. Там удобнее.

Долго уговаривали. Одна семья всё же согласилась переехать, а двум другим так и пришлось квартиры выделять в двухэтажных деревянных домах.

На стройку ехали, в основном, люди из деревни, никогда не жившие в благоустроенных домах. И смена условий жилья пугала их, им это было непривычно: и водопровод, и отсутствие «смоляного духа», и, тем более, туалет в квартире.

Ведь в то время не только в деревне, но и не везде в городах было благоустроенное жильё.

Прошло двадцать лет. Срок как будто бы и небольшой, но как много за это время изменилось. Изменились сами люди, их уровень развития, психология, взгляды на многие вещи. Жизнь не стоит на месте, постоянно улучшаются условия труда, быта и в целом жизнь советского человека. Не найдётся, думаю, сегодня не только городского жителя, но и выходца из села, который бы предпочёл неблагоустроенный дом благоустроенному. И ничего удивительного, сегодняшняя деревня немногим отличается от города, там есть благоустроенные дома, и телевидение, и асфальтовые дороги.

Кажется, только-только строили в Ковдоре первую столовую, детский сад, детские ясли, бетонный завод, полигон железобетонных изделий, лесосушилку. А сегодня, через двадцать лет, в Ковдоре уже сносятся последние бараки. А на месте первого открытого полигона железобетонных конструкций возвышается стопятидесятиметровая труба Ковдорский ТЭЦ - символ сегодняшнего индустриального Ковдора.

Уже не один год каждая ковдорская семья смотрит передачи центрального телевидения. А город всё строится, объёмы строительства всё нарастают. Для этого возведён мощный цех сборного железобетона, бетонный завод, базы управления механизации, управления производственно-технологической комплектации, автотранспортной конторы, десятка субподрядных организаций.

В 1958 году думали о вводе в эксплуатацию первой каменной столовой. А только в конце 1978 года открыты две современные столовые: одна на той же собственной базе треста, другая - в новом, красивом здании управления рудника «Железный», в здании, которое больше похоже на дворец.

В 1958 году только ещё разворачивались работы по строительству рудника и обогатительной фабрики, а сейчас полным ходом идёт реконструкция обогатительной фабрики. Это сегодня главная задача ковдорских строителей - поэтапно (по секциям) вместе с основным своим заказчиком - Ковдорским горно-обогатительным комбинатом - в ближайшие годы удвоить мощности предприятия по выпуску железного концентрата.

Посёлок Ковдор проектировался небольшим, но компактным, с двух- и трёхэтажными домами, с удобными, хорошей планировки квартирами. Внешнему облику придавалось много внимания: дома проектировались с эркерами, балконами, обтянутые карнизами и другими деталями оформления фасадов.

На въезде в главную улицу посёлка (ныне улица имени Ленина) - два одинаковых Г-образных трёхэтажных дома, в каждом небольшой магазин (теперь там книжные магазины) с окнами овальной формы. А на крышах - остроконечные башенки. Два следующих дома тоже трёхэтажные, с эркерами и балконами. Дальше с одной стороны улицы - магазин, а с другой - детские ясли. За ними опять дома с эркерами и балконами и венчали отрезок улицы Г-образные хорошего оформления дома. В общем, архитекторы неплохо поработали над проектом.

Первые дома на улице строились хотя и одновременно, но были в разном состоянии. А тут как раз вышло постановление об устранении всякого рода излишеств в проектировании и архитектурном оформлении жилых домов и обще-

ственных зданий. Постановление подлежало немедленному исполнению. Строившиеся дома нужно было заканчивать с максимально упрощённым оформлением фасадов.

Улица Ленина

Так и получилось, что первые два дома на въезде в Ковдор построены, в основном, по старому проекту, но без башенок и других деталей оформления фасадов. У одного дома успели сделать балкон, а у его собрата на противоположной стороне улицы балкона нет. Далее опять без балкона, а напротив его, через дорогу - четырёхэтажный, по экономичному проекту. Перед входом на площадь - идентичные четырёхэтажные коробочки.

На одном из домов улицы Горняков были заложены в кладку железобетонные консоли. Их пришлось выдалбливать, вывозить на свалку. Теперь сведущий строитель, наверно, пожмёт плечами и подумает: гибрид какой-то, а не дом.

Но времена меняются, и теперь снова в Ковдоре строим дома с балконами и даже лоджиями, как в Сочи.

Многое вспоминается с тех лет: и приятное, и грустное. В общем, есть объекты везучие, а есть и «несчастливые». Вот об одном из таких домов и хочу рассказать. О доме у въезда, где основной книжный магазин. Мы не успели соорудить башенку на крыше. На месте башенки низкий мятый блин, сползающий назад. Но это только начало злоключений с этим домом.

Улица Парковая, дом № 17

В те годы кирпича не хватало, его завозили даже из Новгорода. А строить нужно было, и нам говорили: думайте на месте, как выходить из положения, а план выполняйте, и чтоб никакого там нытья. И мы думали. А выход был, как уже потом казалось, не такой уж и сложный. Но это было потом, а вначале у руководителей голова трещала и ночами не спалось.

В посёлке и на промплощадке уже действовало несколько котельных, пустили и первый небольшой мощности котёл ТЭЦ. Все они работали на угле и, естественно, оставался шлак. Вот из него и начали делать шлакоблоки, вначале небольшого размера в 2-4 кирпича, а затем и больше - сразу на 15-20 кирпичей. Кладку домов вели из кирпича, а промежутки между оконными проёмами и в других местах, где позволяла площадь, заполняли большими блоками. Кирпич, как известно, красного цвета (белого, силикатного, тогда ещё не было), а шлак чёрный, с тёмно-коричневым оттенком. Дома из-за не совсем радужного разноцветья и с тёмными оконными проёмами походили со стороны на что-то пятнистое, с диким звериным оскалом. Нечего было думать, чтобы такой дом сдавать без штукатурки.

Как назло, наступила ранняя зима, и всё время держались морозы до двадцати пяти градусов. Что делать? Штукатурить? Но у нас практики штукатурки на таком морозище не было. Это же работа с тёплым раствором голыми руками: ты его мастерком на стену, а он тут же застыл. А перед глазами вертится: «Дом сдавать надо, дом сдавать надо»... Время поджимало, и, поставив леса, заготовив жаровни из жести, начали штукатурить фасад. Предварительно добавляя в раствор большую дозу поташа. Решили: пусть по весне всё отвалится, придётся перештукатуривать, но люди будут жить в тепле. А жильё нужно позарез.

Штукатурку фасада поручили бригаде Григория Бугаева (дяде Грише). Тогда это было дело, мало сказать трудное - невыносимо тяжкое для всех, кто целый день с раствором голыми руками на морозе. А большая доза поташа

да с известью в растворе разъедала кожу, и к концу дня невозможно было смотреть на эти бедные женские руки. А ведь им, рукам этим, вечером предстояло и ужин готовить, и стирать. И делать всё то, что должна делать хозяйка в доме.

Было всё: и споры, и ругань, и просьбы, и обещания. Не было одного - отказов от работы. Дом оштукатурили, разобрали леса, а всё не верили, что одолели такое, казалось, невыполнимое дело. Перешли в помещение, в тепло. Долго ещё девушки обсуждали, как работалось на морозе, над кем-то подшучивали. Но постепенно всё забылось, и вот кто-то, увлечшись работой, чуть слышно, под нос затянул песню, её чуть громче подхватили, а там сильнее - и пошла, полетела, песня из комнаты в комнату, из квартиры и квартиры, с этажа на этаж.

Все поют, молчит только бригадир. Ему некогда, ему нужно думать о материалах на завтра. Не все наряды выписал мастер, где-то бегают. И чего он носитесь? Нужно вечером сходить к начальнику участка и попросить приструнить Валькиного мужа: пьёт, и дома не ночует. Но песней бригадир доволен: если поют, значит в бригаде порядок.

В те годы ещё встречались бригадиры-мужчины в бригадах отделочников. Теперь с этим делом успешно справляются женщины, и даже лучше. Родство душ, одна женская психология. Так проще и лучше.

Общестроительные работы на доме вёл молодой мастер Лёня Иванов. А Нелли, жена его, тоже молодой специалист и тоже из Воронежского строительного института - другой дом, через дорогу. Лёня большой, широкоплечий великан, простой и добродушный парень, с чуть тонковатым, не по комплекции, голосом. С производством он осваивался быстро, хотя был несколько беспечен. Он стремился всё рационализировать, особенно в первые недели работы, когда стройка ему ещё грезилась в голубой институтской дымке. Но постепенно втягивался в дело и привыкал к подчинённым ему людям - к самому трудному искусству строителя.

Дом уже оштукатурили внутри, убрали основной мусор, и нужно было готовить помещение под малярные и обойные работы. Он всё приставал ко мне, чтобы выделил ему рабочих на чистовую уборку, но людей не хватало, и просьбу его я удовлетворил не полностью - дал шесть человек на весь дом.

Иду как-то к дому, гляжу - у углового подъезда трещит компрессор, и шланг от него тянется в подъезд. Что, думаю, Иванов долбит, когда всё уже сделано и дом под малярку готов? Захожу в подъезд, а там что-то шумит, будто шланг лопнул, и воздух через него свищет. Сплошная пыль, ничего не видно. Поднимаюсь по лестнице вслед за путеводным шлангом, захожу в квартиру, а мне в лицо пыль, щепки, комки раствора. Задохнулся, ничего не вижу, отступил назад и кричу что есть мочи:

- Лёня! Иванов!

Пыльная струя и, сквозь туман, очертания мастера.

- Лёня, ты что шлангом делаешь?

- А что, - говорит, - не видите? Подметаю. Просил, просил людей, дали только на поломытие, а кто подметать будет? Вот и рационализировал: выметаю мусор на лестничную клетку. А что пыль кругом, так я окна открываю. А со стен мы эту пыль мокрым веником сметём. - И смеётся, рад своему изобретению.

- Да ты, - говорю, - садовая голова, не подметаешь, а только мусор из угла в угол перегоняешь! И где ты на мою голову взялся? Чему вас в институтах учили! А он одними только зубами улыбается и всё твердит свое:

- Отделочники насадают. Вы людей не даёте, а что мне делать, вот и ...

Нередко мы с ним этот случай вспоминали, когда он уже был прорабом, старшим прорабом, а потом и заместителем управляющего трестом. Вспоминали, смеялись. Да и как не вспомнить, не посмеяться, это же жизнь.

Торопились мы с подготовкой к сдаче дома, год заканчивался. Самым трудным было высушить наружные стены под обои. За осень их сильно дождями промочило, особенно много влаги впитали шлакоблоки. Сушили всеми способами: и коксушками, и софитами, и временными печками с трубами в окнах.

И вот, кажется, всё готово. Несколько бригад поподъездно набросились на стены, быстро их оклеили, докрасили всё остальное, а последнюю окраску полов оставили. Как правило, эта операция была завершающей, чтобы после Государственной комиссии можно было, куда нужно пройти и закрасить трещину, пятно или ещё что-то.

И вот Государственная комиссия, которую возглавлял архитектор города Кировска, прошла по дому, посмотрела, записала. В целом дом понравился и заслужил «хорошо». Дали добро закрашивать полы.

Принимали ещё деревянные дома и за целый день так умотались, что, не сговариваясь, решили дружно, на радостях, что всё обошлось хорошо, чайку попить в той самой гостинице-коттедже. И, проводив архитектора в Кировск, разбежались дорабатывать день.

Через три дня мы с Прицепиным - начальником участка «Отделстроя» - пошли посмотреть, как высохли полы и можно ли докладывать руководству о готовности дома к заселению. Взяли у сторожа ключи, открыли подъезд, зашли в одну квартиру и глазам своим не поверили: в доме тепло, пол сухой, а на стенах голая штукатурка. Обои - маленькими рулончиками на полу у плинтусов. Как солдаты в ряд. Посмотрели мы друг на друга (а работали мы дружно и согласованно, хотя генподрядчик и субподрядчик). И опять подошли к голым стенам. А по ним серые пятна, а на них слезинки.

Всё ясно: когда стены сушили, то та часть, что из кирпича, высохла быстрее. А у шлакоблоков только верхняя корочка под штукатуркой была сухой. Влага, как миленькая, увлажнила кирпичную часть стен. Обои и кувыркнулись вниз. Снова недельная сушка и повторная клейка наружных стен.

Но за свое легкомыслие мы поплатились и здорово. Шила, как говорится, в мешке не утаишь: заселение дома оттянулось на полмесяца, и все об этом в посёлке уже знали. И вот дней через десять в «Кировском рабочем» появилась заметка приблизительно следующего содержания:

- Дом такой-то в посёлке Ковдор строители сдали с большими недоделками и даже без обоев, а председатель комиссии, архитектор такая-то, приняла этот дом. За эту «услугу» она была приглашена на банкет, который продолжался целые сутки и т.д.

Что было ... Приехала новая комиссия. Но дом - заселён, и все только пожимали плечами. Пришлось честно рассказать, что произошло. Нас даже не по-

ругали. Выяснилось и с «банкетом», которого не было. Но этот злосчастный стакан чая и бутерброд на дорогу архитектор не прощала себе долго, и нам - тоже. Целый год каждый месяц ездила в Ковдор по делу и без дела и буквально терзала нас: заставляла сбивать полы, вырезать кусок лаги и увозила в Кировск на анализ удостовериться, антисептирована ли она. Заставляла отбивать штукатурку с деревянных перегородок и ту же процедуру проделывать, что и с лагами, хотя древесину, оштукатуренную известковым раствором, и не требуется антисептировать. Словом, придиралась. Нам это надоело, и мы решили узнать, кто же сотворил такую пакость и написал несправедливую заметку.

И вот что выяснилось: одно ковдорское официальное лицо, ранее участвовавшее в комиссиях по приёмке объектов в эксплуатацию, на этот раз не было приглашено - не было необходимости. Ах, так, сказала оно, ну, погодите, запомните же, и надолго.

Только через год у нас снова началась нормальная человеческая жизнь, а архитектор, снова возглавляя Государственную комиссию по приёмке объектов в эксплуатацию, «придиралась» к нам, но уже справедливо, и с улыбкой. Вот что значит несчастливый дом. А по весне, ни одного квадратного сантиметра штукатурки с фасада не отвалилось. Держится она и до сих пор.

1959 год был годом бурных событий и больших перемен в жизни коллектива. Всё заметнее росли объёмы работ, связанные с приближением срока ввода в эксплуатацию обогатительной фабрики и рудника. Обстановка требовала необходимых мер к наращиванию, а правильнее будет сказать, к ускорению создания мощностей собственной производственной базы, к вводу в эксплуатацию отдельных объектов заказчика.

Совнархоз принял решение о замене начальника СМУ К. И. Васильева, ещё недостаточно опытного и подготовленного для выполнения такого большого дела, более опытным руководителем. И вот, 15 февраля 1959 года прибыл в Ковдор тот, кто должен был возглавить коллектив и обеспечить своевременный ввод в эксплуатацию первой очереди строящегося предприятия: Ксендзовский Владимир Григорьевич. Прибыл он из треста «Печенганикельстрой», где работал начальником СМУ. Васильев уезжал на его место, в город Заполярный.

Сразу почувствовалось, что по складу характера Ксендзовский совершенная противоположность Васильеву. Тот спокойный, мягкий, уравновешенный человек, всегда тебя выслушает, если говоришь дело - согласится, а если нет - разъяснит, где ты не прав. Васильев не считал зазорным спросить мнение подчинённого. Никогда не повышал голоса, и, если в чём-то был не прав, свободно, без всяких там раздумий и мучений извинялся.

Ксендзовский же не говорил, а рубил. Игнорировал и логику, и этику, мужчина перед ним или женщина. Подчинённый, и всё. В общем, Владимир Григорьевич был сплошная резкость и категоричность. По приезду он заявил, что приехал не начальником СМУ, а управляющим трестом. И, действительно, из совнархоза начали идти бумаги в адрес управляющего трестом. А вскоре последовало распоряжение. Вот его текст.

«РАСПОРЯЖЕНИЕ по Мурманскому совнархозу от 6 апреля 1959 года № 110»

В связи с тем, что объемы работ строительного управления «Ковдорстрой» составляют 51,52 миллиона рублей, а на 1960 и 1961 годы по 100 миллионов рублей в год, а также учитывая, что основной задачей 1959 года является не только выполнение плана текущего года, но и наращивание производственных мощностей с целью обеспечения выполнения планов будущих лет для полного ввода ковдорского рудника с фабрикой, реорганизовать строительное управление «Ковдорстрой» в общестроительный трест-площадку «Ковдорстрой» Управления строительства и промышленности строительных материалов.

Председатель Мурманского совнархоза **М. СУХОРУЧЕНКО».**

Как всякая «новая метла», Ксендзовский начал дело на свой лад. Следом за ним потянулись инженерно-технические работники из Заполярного, Мурманска и других мест. Ехали по направлениям Управления строительства совнархоза, ехали и просто «его люди». На замену тех, кого он считал (не долго думая) необходимым заменить.

И пошли перестановки...

Прежде всего был уволен главный инженер СМУ Г. Карельский. Не переведён в другой трест, не понижен в должности, а просто уволен. В числе других через месяц после приезда Ксендзовского был понижен в должности и я, став теперь прорабом, там же на «Жилстрое». А на моё место (старшим прорабом) был назначен приехавший с Ксендзовским М. Д. Кичаев, человек спокойный, никогда и никуда не торопившийся и никогда, и ни о чём не переживавший. У него было простое правило, зачем спешить, торопиться, заглядывать куда-то вперёд; само дело, когда время поспеет, должно подсказать, как его решать.

Человек он был товарищеский, не вредный, любил «хорошую компанию» в любые, рабочие или нерабочие, часы. Работать с Кичаевым было одно удовольствие; проявляй инициативы, сколько твоей душе угодно, только ради бога как можно меньше задавай ему вопросов, решай всё сам. Так и работали, улыбаясь.

А Угаров посмотрел, посмотрел на новые порядки управляющего, поругался с ним несколько раз, затем послал его к ..., плюнул и ушёл работать в Ковдорское рудоуправление. Карельский поехал в трест «Апатитстрой» и там его охотно приняли на должность главного инженера строительного-монтажного управления. Вскоре он был назначен начальником управления и в этой должности проработал больше пятнадцати лет. Теперь он в аппарате треста «Апатитстрой».

Справедливости ради, надо сказать, что с приходом Г. Ксендзовского в коллективе резко повысилась исполнительность. Это, естественно, положительно сказалось и на деле. С одной стороны, порядки нового руководителя можно было приветствовать, потому что заметно повысившаяся требовательность и дисциплина давали свои плоды. Но отрицательным в руководстве было то, что он признавал только свое «я», не считаясь ни с чьим мнением. А такие методы руко-

водства приводили иногда к негативным последствиям, особенно в решении технических вопросов, где волюнтаризм, как известно, неприемлем.

Вскоре появился и главный инженер треста - Романов Андрей Яковлевич. Человек уже немолодой, небольшого роста, шустрый и опытный строитель. А приехал он к нам со строительства каскада Нивских ГЭС, где тоже был главным инженером стройки. Сочетание напористости характера Ксендзовского, опыта, технической грамотности и умеренной покладистости характера Романова позволили направлять дело по нужному руслу. Вскоре вернулся в трест и И. В. Угаров.

Любящий дело строитель, если здоровье к тому же позволяет, никогда не станет работать в аппарате, тем более не стройки, а в дирекции строящегося предприятия, не будет, как говорится, «штаны протирать». Ему подавай живую работу, непосредственно на строящихся объектах, в круговороте, с людьми. Если такого посадишь в аппарат, то он вначале начнёт задумываться, скучать, долго смотреть в окно, и, не найдя там ничего для себя живого, опустит голову, постепенно начнёт чахнуть, лысеть, отпускать брюшко и считать, что пропал уже в нём строитель!

Угаров же, человек живой, энергичный, с каким-то эксцентричным характером и необычайным задором, конечно же, не мог долго вынести, как он говорил «чиновничью жизнь». И, пренебрегая всем тем, что его ожидало на стройке, вернулся. Вначале был главным диспетчером, а потом опять возглавил участок «Промстрой».

Укрепился коллектив и организационно. Ковдорский строительный участок Мончегорского управления «Трансводстрой» и Ковдорский участок Мончегорского управления «Отделстрой» треста «Кольстрой» были переданы в подчинение нашего треста. До этого в Ковдоре была только автоколонна от Кандалакшской автотранспортной конторы. Теперь автотранспортная контора перешла в подчинение тресту «Ковдорстрой» с автоколоннами в Ковдоре, Кандалакшском и Князегубском СМУ. Проводились и другие организационные мероприятия по укреплению нового треста.

Нужно сказать, что с течением времени Ксендзовский становился менее резким и категоричным, стал больше прислушиваться к людям, иногда уже можно было ему возразить. Он это переживал болезненно, но молчал. Раньше он здоровался с подчинёнными, не подавая руки, потом, неохотно протягивал её тебе, всё как-то смотрел в сторону, а не на того, с кем здоровался. Теперь же здоровался нормально, охотно и уже с улыбкой. Причиной же происходящих в нём перемен было то, что он, человек разумный, не мог не понимать, что бесконечной перетасовкой кадров и пренебрежительным отношением к ним, дела не решишь.

Уметь работать с людьми, как известно, главное качество руководителя любого ранга. Если людей не понимаешь, не надейся, что и они пожелают тебя понимать. Вроде бы и всё нормально будет внешне, а на самом деле перед тобой встанет невидимая, но глухая стена, которую ничем не пробьёшь.

Но была и ещё одна причина происходивших в Ксендзовском перемен. Через некоторое время мы стали понимать, что опыта руководства небольшим коллективом - СМУ «Фундаментстрой» - маловато для руководства формирую-

щимся трестом, что человек просто не подготовлен для работы в специфически сложных условиях. Да и по целому ряду штрихов убедились, что Ксендзовский не силен, берёт-то в основном напористостью характера. Ну, а характер-то штука такая, что его на время в карман не спрячешь, и в узелок не завяжешь, он со всех сторон выпирает и на каждом шагу подводит тебя.

В те годы некоторые ретивые руководители считали одним из положительных методов руководства находиться до поздней ночи в кабинете, вызывать, кого вздумается, давать нагоняи. Ксендзовский мог, например, старшего прораба, прораба, а то и мастера, не говоря уже о работниках аппарата управления, вызвать в 22-23 часа ночи, заставить полчаса, а то и больше сидеть в приёмной, ожидая вызова, и, наверняка, нагоняя. А потом оказывалось, что дело выеденного яйца не стоит, а вечер испорчен.

Кончится, бывало, рабочий день, а никто с работы не уходит - все ждут, а вдруг вызовет. Но самым главным недостатком Ксендзовского было то, что он делил работников «на своих» и «не своих». Эту линию открыто поддерживало и его ближайшее окружение.

Партийную и профсоюзную организации Ксендзовский считал отделами треста, которым постоянно пытался навязывать свою волю. Единственное, что спасало коллектив, сила характера и авторитет секретаря партбюро (тогда парткома ещё не было) Арсентия Алексеевича Овчинникова. Он после Ковдора более двадцати лет проработал в тресте «Апатитстрой».

Вот в таких-то условиях и пришлось работать коллективу. Ну, а кто из подчинённых не попытается отомстить своему начальнику, если тот каждый день понукает, унижает тебя, лишает возможности нормально трудиться и нормально отдыхать. Таким начальникам и мстят. Мстят больно, тонко, исподволь.

Но, ещё раз хочу сказать, что жизнь в коллективе состояла не только из одного плохого. При всём своём неуравновешенном характере, при всех его недостатках, Ксендзовский сделал много и хорошего, а кое-что, казалось, для руководителя с другим характером и невозможное. Но об этом позднее.

А коллектив тем временем набирал силу и уже круглые сутки шли большие работы на всех объектах комбината, и с каждым днём темп их нарастал.

Как известно, любая стройка начинается с ям, траншей, котлованов. Без земляных работ не сможешь построить ничего, даже простого сарайчика. Трудная это и самая тяжёлая работа, если землю рыть вручную, лопатами. Ещё труднее ломом или киркой, особенно у нас на Кольском полуострове. Смерзшуюся, с галькой, малыми и большими валунами землю. Ох, какой это тяжкий труд! И больно становится на душе, когда видишь человека зимой в траншее или котловане с лопатой и ломом в руках. Ещё становится больнее, когда видишь там женщину.

Много за 25 лет строительства Ковдора вырыто земли вручную, хотя к общему объёму выполненных земляных работ ручные работы и составляют малую толику. Больше - экскаваторы и бульдозеры. Но и труд машинистов ненамного легче труда землекопа. Машинист экскаватора просыпается, когда ещё весь город спит, когда редко встретишь на улице прохожего. Нужно добраться до машины за несколько километров от дома, попрыгать по траншее или карьеру.

Машина застыла, рукой не дотронуться - пальцы прилипают. И нужно эту холодную махину оживить, чтоб двигатель заработал, а потом и вся машина пришла в движение. К восьми часам утра экскаватор должен быть на ходу и целый день, буквально, грызть землю.

Из-под ковша снопом летят искры, душераздирающий скрежет. Машина напрягается, гремит, подпрыгивает и такое состояние, будто ты на гусеничном вездеходе несёшься по траншеям, кочкам, пням, а тебя ещё без конца вправо и влево мотает. И так целый день. В конце смены голова как чугунная, шум и звон в ушах, к ногам, как будто кто по двухпудовой гире подвесил, руки вдоль туловища висят, как плети. Так однажды рассказывал мне о своём зимнем трудовом дне машинист экскаватора.

У нас немало хороших квалифицированных машинистов экскаваторов. И ещё молодых, но уже опытных специалистов. И ветеранов - тех, кто на своих плечах вынес тяжесть трудностей и невзгод первых лет строительства Ковдора, и до сих пор не выпускающих из своих крепких рук рычагов управления машиной. Они учат молодёжь, показывают, как нужно трудиться. Это уважаемые в коллективе машинисты Николай Николаевич Фёдоров, Григорий Антонович Ломакин, Николай Николаевич Лысаков, Ананий Абросимович Афанасьев и другие. О двух из них и пойдёт рассказ.

Николай Николаевич Фёдоров сначала трудился в геологической партии, с 1949 по 1951 год. Часть партии перебросили в Костомукшу Карельской АССР, на железорудное месторождение, где сейчас в содружестве с финскими строителями сооружается горно-обоганительный комбинат. К середине 1953 года работы были закончены, и Фёдоров возвращался в свою Ковдорскую геологоразведочную партию. В поезде от Пинозера ехал с первыми строителями Ковдора. Ехал 1 июня 1953 года, в день, который считается днём начала строительства нашего города. В дороге строители много рассказывали о нужности, важности своей профессии, о больших возможностях профессионального роста на стройке. И Николай не устоял перед искушением, решил стать строителем. На следующий день поехал в Кировск, забрал в экспедиции документы и вернулся в Ковдор. С тех пор и трудится здесь. Вначале рубил лес, заготавливал дрова, бутовый камень, камень для известковых печей. Не гнушался другой работой и мечтал стать машинистом бульдозера или экскаватора. И, как оказалось, мечты были верные, реальные.

В феврале 1954 года на стройку прибыл полукубовый экскаватор. Машинистом на нём был Саша Кургозов, а помощника нужно было подобрать из рабочих-строителей. Выбор пал на Николая Фёдорова, тягу которого к механизации давно приметили. А парню казалось, что всё это не наяву, что это сон. Ухаживал он за машиной, как говорится, лучше, чем за невестой. Осваивал экскаватор быстро и вскоре уже садился за рычаги управления. В марте месяце 1955 года Сашу Кургозова призвали в армию и Николая назначили машинистом.

Невозможно перечислить объекты, на которых бы Николай Николаевич не работал. И ещё труднее подсчитать объёмы выполненных земляных работ

за эти более чем двадцать лет. Всегда было так: где объект важнее и труднее, туда направляли работать Николая Фёдорова. Проверять за ним не нужно: где Фёдоров, там всегда перевыполнение норм выработок и работа качественная, на совесть. Передавали его из «Ковдорстроя» и «Союзэкскавации», оттуда в трест «Спецстроймеханизация», снова в трест «Ковдорстрой», но всё это была одна, Ковдорская стройка. Николай Николаевич Фёдоров стал одним из первых рабочих Ковдора, награждённых в 1963 году орденом Ленина за самоотверженный и добросовестный труд на строительстве Ковдорского ГОКа.

Более 20 лет Николай Николаевич проработал машинистом экскаватора. Но время и нелёгкий труд делают своё дело - начало сдавать здоровье. Уже второй год Николай Николаевич оставил рычаги машины, но не оставил механизацию, продолжает трудиться.

Когда стройка набирает темпы, а строители не успевают обеспечить выполнение заданных объёмов работ к установленному сроку, к ним на помощь едут строители и монтажники с других строек страны и, навалившись, общими силами, обеспечивают ввод в эксплуатацию объекта. Помогут, и опять в дорогу.

Григорий Антонович Ломакин работал во всесоюзном тресте «Трансводстрой» помощником, а затем машинистом экскаватора. Трудился в Подмосковье, затем в Надвоицах Карельской АССР. Стройка там переходила в стадию монтажа оборудования и часть строителей понемногу высвобождалась. Григорий Ломакин со своим экскаватором был командирован на стройку в Ковдор. Приехал. Поработал. Понравилось. И когда срок командировки заканчивался, заявил, что желает продолжать работать здесь в Ковдоре, и не временно, а до конца стройки. Понравился посёлок, окружённый зеленью, а, главное, люди, простые, дружелюбные. Теперь трудно вспомнить и перечислить те объекты, на которых ему пришлось работать. Это и первый водопровод, и другие коммуникации посёлка, насосная станция производственного водопровода, пульпонасосная, ТЭЦ, теплотрассы, кабельные каналы, котлованы под промышленные объекты, жилые дома, дороги. Если даже приблизительно подсчитать выполненные Григорием Антоновичем объёмы земляных работ за 23 года работы в Ковдоре, то получится где-то за два миллиона кубометров. А работал-то он, в основном, на небольшом экскаваторе с объёмом ковша 0,65 кубометра. И не в карьере, где грунт, разрыхлённый и вали его да вали с утра до вечера, а на траншеях под теплотрассу, водопровод, небольшие котлованы и другие объекты с малыми объёмами, в стеснённых условиях, среди валунов, где за целый день ни одного полного ковша не почерпнёшь, всё полупустой по траншее или котловану его таскаешь.

Тридцать лет работает машинистом экскаватора Григорий Антонович, из них 23 года - в Ковдоре. А сменил за эти годы только два экскаватора. За время работы на нашей стройке подготовил одиннадцать квалифицированных машинистов, восемь человек из них работают в тресте и других организациях города. Это не просто машинисты средней квалификации, сегодня они специалисты самого высокого - шестого - разряда, мастера своего дела. Среди них

Николай Шевцов, Михаил Шерафутдинов, Владислав Юмин, Владимир Астахов, Владимир Скрипник (трест «Ковдорстрой»), Валентин Сологубенко, Павел Целиков, Алексей Вахлямин (Ковдорский ГОК), Владимир Трефилов (ГОК «Ковдорслюда»). Только с бывшим своим учеником, а потом уже машинистом-сменщиком М. Шерафутдиновым Григорий Антонович проработал более 10 лет. А с нынешним своим сменщиком, также бывшим учеником Н. Григорьевым, работает семь лет.

Систематически, из года в год экипаж экскаватора Григория Ломакина не знает выполнения норм ниже 140 процентов. Вспоминая о своих учениках, он говорит:

- Возьмите любого из них, они не только специалисты высокой квалификации, но и замечательные люди. Уверен и знаю, что теперь и их ученики будут такими же, как они.

Когда учишь человека, важно не только учить его, как владеть машиной, знать её устройство и управление. А самое главное, самое важное - любить и бережно относиться к механизму, на котором работать и который, образно выражаясь, будет кормить тебя. Если за машиной будешь ухаживать, вовремя делать профилактические ремонты, она тебя никогда не подведёт, а, значит, сможешь выполнять и перевыполнять задания и нормы выработки.

- В ученике, - говорит Григорий Антонович, - нужно воспитывать не только специалиста, но, в первую очередь человека, человека доброго, чуткого, тогда его будут уважать в коллективе.

Как-то мы с Григорием Ломакиным вспомнили один из эпизодов. На берегу озера строилась насосная станция производственного водоснабжения для обогатительной фабрики. Нужно было выполнить земляные работы для водозаборных сооружений в самом озере, под водой, в пльвунах, у круто уходящего дна в глубину озера. Такого экскаватора, чтобы стоял на берегу и длинной стрелой мог достать ковшом до места выемки грунта, тогда не было. Долго думали, советовались, как же выполнить эту работу, и решили поручить Ломакину. Подрыв пологий берег, решили спускать экскаватор в озеро, придерживая его двумя бульдозерами. Стоя в воде до поворотной платформы, опоясанный тросами, экскаватор грозил каждую минуту опрокинуться. Работали непрерывно, круглые сутки, несколько дней. Останавливаться было нельзя. И выполнили эту важную работу, хотя и рискованным методом.

Бульдозеристами тогда были Михаил Конюгин, о котором я уже писал, и Виктор Слиньков, ныне работающий в Ковдорской геологоразведочной партии. От них тоже требовалось определённое искусство не глушить двигателей, быть всё время начеку, с руками на рычагах и не выпускать из поля зрения экскаватор. И так круглые сутки.

Работы на строительстве насосной тогда вёл молодой мастер, прибывший после окончания Кировоградского строительного техникума Ю. М. Зелинский. Впоследствии он вырос в своём коллективе до управляющего трестом.

ВНЕЗАПНОСТЬ

редгорьях Альп. Эта высота, по замыслу фашистского командования, должна была служить своеобразным щитом на подступах к Вейе. Гора цетинилась дотами, дзотами, пушками, минометами.

Командование решило применить суворовский прием — обойти противника и атаковать его с тыла. Для этого из числа желающих отобрали самых крепких и выносливых. Взвод под на-

чалом старшего сержанта Мелешкина ночью бесшумно перешел линию фронта, залег в 50 метрах от позиций врага.

Кто-то шепнул:

— Пора.

Командир взвода дал знак — продвинуться еще ближе. Фашисты спокойно ужинали.

По команде Мелешкина на врага обрушился шквал огня. Застигнутые врасплох фашисты, кто смог, бросили

позиции и пустились наутек. С нашей стороны потерь не было. Лишь потом мы оценили, какой «орешек» разбили: в скале были вырублены подземные ходы, склады лантана и боеприпасов, огневые точки одеты в бетон. Враг рассчитывал продержаться здесь долго.

За эту операцию командование наградило меня орденом Славы III степени.

Г. ЛОМАКИН,

рядовой, машинист экскаватора управления механизации строительства.

Лето 1944 года. Австрия. Фашистская группировка засела на высоте 136, в

Лично причастен

Григорий Антонович Ломакин работает машинистом экскаватора в управлении механизации строительства 19 лет. Это вторая запись в его трудовой книжке. Первая появилась в 1949 году, когда он поступил работать на Ленинградский трест «Трансводстрой», демобилизовавшись из рядов Советской Армии. В Ковдор приехал в командировку. Места эти Лома-

кину так полюбились, что он остался здесь жить.

Вот основные вехи трудовой биографии Григория Антоновича: строительство города Ковдора, железнодорожной обогатительной фаб-

рики и АБОФ, флогопитовой и вермикулитовой фабрик.

19 лет назад в Ковдоре были заложены два первых каменных жилых дома, да школа № 16. С тех пор ни один промышленный объект, ни один жилой дом не возводится без участия Григория Антоновича: ведь строительство каждого объекта начинается с нулевых работ.

Коммунист Ломакин активно участвует в общественной жизни коллектива.

Он член партийного бюро управления механизации строительства, член товарищеского суда. За безупречный труд удостоен двух правительственных наград: ордена Ленина и Юбилейной ленинской медали.

С. ХАРИТОНОВ,

член парткома треста «Ковдорстрой».

«РУДНЫЙ КОВДОР»
8 августа 1975 года
3 стр.

За успешный ввод в эксплуатацию первой очереди Ковдорского горнообогатительного комбината большая группа строителей, монтажников, проектировщиков и эксплуатационников была в 1963 году награждена орденами и медалями. Среди них самой высокой правительственной награды - ордена Ленина - был удостоен и машинист экскаватора Григорий Антонович Ломакин. До сих пор экипаж экскаватора, возглавляемый Григорием Ломакиным, лучший в тресте.

В апреле 1959 года трест получил распоряжение Управления строительства Мурманского совнархоза:

«Согласно Постановления Совета Министров РСФСР тресту «Ковдорстрой» выпустить 400 тонн вермикулита. Полученную продукцию реализовать:

— Ленинградскому совнархозу — 250 тонн; Хабаровскому совнархозу — 150 тонн.

Начальник Управления строительства Г. Глихман».

Распоряжения вышестоящих организаций, как известно, нужно выполнять, хотя вроде бы и не наше дело; мы ведь строители, а не промышленное предприятие. Но Постановление Совета Министров федерации - почётный заказ.

Это была первая в истории ковдорского месторождения партия добытого и реализованного вермикулита для промышленных целей. В связи с этим у чита-

телей «Рудного Ковдора» естественно, возникает вопрос: какова же история освоения ковдорского вермикулита?

Постараюсь, как говорится, со своей «строительной колокольни» рассказать, что смогу.

Практически с первых дней прихода строителей на ковдорскую землю нашими соседями были геологи. Одна партия, отряд - приезжали, выполняли свои работы и уезжали. Затем приезжала другая партия, с другим заданием, и, тоже выполнив своё дело, уезжала. Чаще это происходило, когда начались поисково-разведочные работы по ковдорским слюдам. Потом здесь осела постоянно нынешняя Ковдорская геологическая партия, став, если можно так сказать, геологом-хозяином.

Естественно, что, приезжая, геологи в первую очередь обращались к нам, строителям. А когда появилось Ковдорское рудоуправление - застройщик и будущий хозяин железорудного месторождения - то обращались уже к нему. Но связь со строителями у геологов была постоянной.

Сосед есть сосед, а тем более такой великий труженик - геолог. Нужна была помощь. И помогали всем, чем могли: и транспортом, и материалами, и механизмами, если где-то нужно было прорыть разведочную траншею, или вытащить из шурфа большой валун.

Геологу грешно не помочь...

Появление у озера Ковдор строителей было важно для геологов со всех точек зрения. Где строитель, там хоть какой, да быт. И магазин, и столовая. Чего у геолога, да ещё тех времён, почти никогда не было. Но важно для них было ещё и то, что мы все свои работы начинали с земли: с ям, траншей, котлованов. А это для геологов было сущим кладом; они как аисты на болоте ходили изо дня в день, заглядывали в каждую ямку и, торопясь, чтобы мы её обратно не зарыли, что-то отбирали и уносили к себе.

Иногда просили подождать зарывать до завтра, возможно ещё потребуется. И строители ждали. Ворчали, что вынуждены задерживать работы, но ждали. Знали: это нужно, это важно. А если же нужно было поставить столб или ещё что и обратно засыпать, то сами отбирали характерные образцы, и отдавали геологам. Делали это и по своей охоте, и такая команда была.

При производстве земляных работ мы везде наталкивались на слюду, обращались к геологам с вопросами и те отвечали, что да, выходы слюд встречаются здесь повсеместно, в том числе и там, где железная руда. Слюд, вероятно, в районе Ковдора много, но пока не можем сказать ничего, ни о её запасах, ни, окончательно, что это за слюда. Вот поработаем, обобщим материал и тогда всё скажем.

В 1954 году рыли траншею для прокладки труб хозпитьевого водопровода от реки Верхняя Ковдора к возвышенности северо-западнее посёлка. На этой горке сейчас расположены железобетонные ёмкости, в которых отстаивается, а затем самотёком поступает в город вода. И вот, при рытье траншеи наткнулись на сплошные выходы слюды. Разработка её оказалась настолько трудоёмким делом, что ни лом, ни экскаватор и даже взрыв не давали должного эффекта: поро-

да мнётся, отщипывается мелкими кусками. И всё. От взрыва только небольшое гнездо в слюде вырывается. Намучились с разработкой этого участка намного больше, чем с любой самой высокой категории прочности скалой или самой плотной и вязкой глиной.

Но зато геологи находке несказанно обрадовались. Отобрали они пробы в большом количестве и отправили на исследование в Ленинград. А через некоторое время сказали: «Спасибо вам, товарищи строители, за помощь! А знаете, что слюда, которая вам принесла столько хлопот и огорчений на водопроводной траншее, называется вермикулитом. У нас в стране запасов его пока ещё очень мало. Теперь уже мы можем сказать, что в районе Ковдора есть два вида слюд: флогопит и вермикулит. А вот каковы запасы - поработаем, узнаем».

В 1955 году начались интенсивные поисково-разведочные работы на вермикулит и флогопит.

Я уже писал, что молодёжь на воскресниках и вечерами построила первый в Ковдоре стадион. А на гаревую дорожку решили использовать диатомит, которого много в нашем озере. И вот кто-то обратил внимание, что на дорожке что-то ярко поблескивает золотым оттенком. Собрались, посмотрели, пощупали, пообсуждали и на радостях во весь голос закричали:

- Ура-а-а-а! В Ковдоре золото нашли! И побежали к геологам. Вот посмотрите, братцы, у нас оказывается, и золото есть!

Те посмотрели, положили на ладонь, растёрли и улыбнулись:

- Дорогие наши добровольные помощники, это не золото. Это мелкие кристаллы вермикулита. В тёмной диатомитовой массе они действительно производят впечатление ярко блестящих, золотого оттенка, мелких частиц. И добавили: не исключено, что, с течением времени, возможно, в этих краях и золото найдём. Уже есть железная руда, слюда двух видов. Судя по всему, что ещё не конец. Поживём, увидим.

Начальником строительного управления был тогда Борис Лукич Капорский. О нём я уже раньше говорил. Строитель он был опытный, энергичный, грамотный. И человек любознательный. Когда геологи рассказали ему о свойствах вермикулита, о том, что этот минерал при определённой температуре обожжения вспучивается, увеличиваясь в объёме в 6-8 раз, и тем самым превращается в пористый, исключительно лёгкий, с низкой шаровидностью строительный материал, у Бориса Лукича загорелись глаза, и он начал думать над тем, как же применить вермикулит здесь, в Ковдоре.

Мы получали комплекты сборных, каркасных, деревянных домов, стены которых утеплялись шлаковатой. А она поступала из Минска, Киева и с большими перебоями. Дом соберём, а стены не утеплены. Так он и стоит, пока не придёт шлаковата. Словом, планов у Капорского было много, но литературы по вермикулиту не было никакой, одни слова геологов.

После долгих раздумий Борис Лукич «учредил» исследовательскую лабораторию по вермикулиту.

Помещение для этой цели было выделено в подвале ещё недостроенного здания рудоуправления. Возглавлял лабораторию он сам, а его помощниками-исследователями были квалифицированные печники А. Г. Тупов и В. И. Сысов.

Два раза в день Борис Лукич спускался в лабораторию, подолгу беседовал с помощниками, колдовал, давал им задания и опять уходил заниматься стройкой. Вермикулит измельчали (чему тот никак не хотел поддаваться), просеивали, обжигали и лепили из него кубики и различного рода лепёшки. Добавляли цемент, известь, битум, столярный и другой клей, какой был. А потом пытались испытывать в различных условиях на строительную пригодность. Надлежащего эффекта с образцами-изделиями не получалось, но в сухом виде, чувствовалось, что можно ожидать успеха.

Вскоре Капорский стал побаливать, меньше уделять внимания вермикулиту, а потом вынужден был по состоянию здоровья уволиться и уехал в Москву. Энтузиастов заниматься вермикулитом больше не оказалось, «лаборатория» закрылась, а печники пошли своим печным делом заниматься. Но вермикулит строителями не был забыт.

При строительстве бетонного завода нужно было так же, как и на домах, утеплять стены, а шлаковаты, как назло, не было. Тогда и решили заменить её обожжённым сыпучим вермикулитом. Но оказалось, что через некоторый промежуток времени (как и любой сыпучий материал) вермикулит уплотнялся, и сверху, под крышей, образовывались незаполненные пустоты. А на высоте двадцать метров - их уже не засыплешь. И вновь пришлось отказаться от вермикулита.

Позднее, в 1958-59 годах, мы довольно эффективно в таком же сыпучем виде применили вермикулит для утепления стен сборных двухэтажных домов. Пришлось придумывать дополнительные устройства на чердаках для создания запаса вермикулита над наружными стенами и пополнения его в пазухах самоподсышкой. Домов, утеплённых вермикулитом, немало в городе.

Обжигали его на обыкновенных передвижных асфальтосмесителях. Но создать здесь высокую температуру не удавалось, и вермикулит выходил недостаточно обожжённым, а точнее не той вспученности (увеличения в объёме), какой можно было добиться при более высокой температуре. Сколько ни старались, но на передвижном асфальтосмесителе лучших результатов обжига добиться не удавалось. И всё равно заниматься с вермикулитом не переставали.

После некоторых экспериментов в строительной лаборатории треста удалось на основе битума получить вермикулитовый утеплитель для бесчердачных кровель, который так просто и называли «вермибит». Но при той степени вспучивания вермикулита, которую мы получали на асфальтосмесителе, и солидной добавке битума сам «вермибит» получался тяжёлым, и не подходил под расчётные нагрузки железобетонных перекрытий. А строители требовали этот утеплитель, так как он был дешевле привозного - фондового, и можно было его производить, сколько требовалось. Я тогда уже был директором комбината производственных предприятий, и претензии по вермикулиту шли ко мне. Мне говорили: «Ничего не знаем, давай тот вермикулит, который обеспечивает производство утеплителя нужного качества».

Думали мы, думали, и тогдашний главный механик КПП (ныне работник управления Ковдорского ГОКа) Анатолий Петрович Сазонов взялся за конструирование вращающейся металлической обжиговой печи. Вскоре печь была

изготовлена в механических мастерских треста. Конструкция её была аналогична асфальтосмесителю, но сама печь длиннее его и с большим количеством спиралей и перегородок, что позволяло выпускать вермикулит требуемого объёмного веса. «Вермибитом» были утеплены перекрытия не одного здания промышленного назначения.

Я много говорил о нашем соседстве и контактах с геологами, но до сих пор не назвал ни одной фамилии. Мне и моим товарищам строителям, через столько лет это не так просто сделать. Но не забылись ещё, и могу назвать тех товарищей, которые в определённые периоды времени, и, особенно, в самый интенсивный период поисково-разведочных работ по вермикулиту и флогопиту, в 1957-1966 годах, возглавляли в Ковдоре эти работы. Это Владимир Иванович Терновой - ныне ректор Ленинградского горного института, Почётный гражданин города Ковдора; Борис Иванович Афанасьев - ныне главный геолог одной из партий на Кольском полуострове; Сергей Серафимович Осипов - бывший начальник Ковдорской партии, теперь пенсионер; Борис Иванович Сулимов - нынешний главный геолог этой партии.

*Геологи Б. В. Афанасьев, В. И. Терновой, К. П. Мартынова.
Конец 1950-х - начало 1960-х гг.*

В 1962 году была продолжена уже детальная разведка флогопитового месторождения с закладкой разведочной шахты, которую выполнял Ковдорский горно-обогатительный комбинат. С этой шахты, впоследствии, и началось освоение флогопитового месторождения.

Когда определились запасы вермикулитового месторождения, и стало ясно, что они уникальные, превосходящие все другие в нашей стране, было принято решение строить опытную фабрику по обогащению вермикулита.

С завершением проходки и началом эксплуатации разведочной шахты и со строительством опытной фабрики - подводился итог многолетнего труда геологов по открытию Ковдорского флогопитового и вермикулитового месторождений.

За открытие, разведку и оценку этих месторождений группе товарищей была присвоена Ленинская премия. Ленинской премии был удостоен и директор Ковдорского горно-обогатительного комбината Алексей Иванович Сухачев.

Экспозиция «Геология и разведка Ковдорского (Ёнского) комплексного месторождения в МАУК «Ковдорский краеведческий музей»

Двадцать первого июня 1963 года была введена в эксплуатацию небольшая опытная фабрика по обогащению вермикулита. С этого и началось промышленное освоение Ковдорского вермикулитового месторождения.

Начиналась планомерная, проектная разработка самого вермикулитового карьера. А нас, как «незаконных вермикулитообработчиков», оттуда, мягко говоря, попросили, сказав: «Если хотите и дальше заниматься вермикулитом, пожалуйста, занимайтесь, но уже покупайте обогащённый вермикулит. А в карьере вам больше делать нечего».

Обогащённый вермикулит, естественно, был дороже и себестоимость одного кубометра «вермибита» оказалась выше привозных фондовых утеплителей, на которые трест и перешёл. На том и прекратилось применение вермикулита у нас в Ковдоре.

Осенью 1965 года Ковдорский горно-обогатительный комбинат передал в ведение бывшего Ёнского рудоуправления опытную вермикулитовую фабрику с карьером и первую флогопитовую (бывшую разведочную) шахту со всеми надземными обустройствами. Этим было положено начало рудника «Ковдор».

Потребность в Ковдорском вермикулите постепенно возрастала, да и отработку технологии его обогащения нужно было совершенствовать, что вызвало

необходимость строительства опытно-промышленной фабрики. Построена она была уже в каменном исполнении, рядом с первой деревянной фабрикой и вводилась в эксплуатацию двумя очередями, в 1970 и 1973 годах.

В начале 1973 года бывшее Ёнское рудоуправление было преобразовано в горно-обогатительный комбинат «Ковдорслюда», в октябре того же года управление комбината переехало из посёлка Ёна в Ковдор.

После завершения строительства второй очереди опытно-промышленной фабрики мощность её составляла шесть тысяч тонн обогащённого вермикулита в год. Одновременно началось строительство нынешней промышленной вермикулитовой фабрики и возведён главный корпус. Но дальнейшее строительство фабрики было законсервировано. Возобновились работы лишь в конце 1974 года, а в декабре 1975 года фабрика была введена в эксплуатацию. Её проектная мощность - пятьдесят шесть тысяч тонн обогащённого вермикулита в год.

С образованием рудника «Ковдор» ГОК «Ковдорслюда» начал вести интенсивные работы собственными силами по освоению флогопитового месторождения, заложив неподалеку от разведочной, промышленную шахту. Начало промышленного освоения флогопита было положено в канун годовщины Великого Октября, в 1966 году. Потребность в ковдорском флогопите возрастала. Необходимо было увеличить его добычу, а наращивать мощности собственными силами комбинат уже не мог. Увеличивалось и капиталовложение на освоение флогопита. И тогда был принят следующий порядок наращивания мощностей: все подземные работы комбинат «Ковдорслюда» вёл собственными силами, а на поверхности работали строители. В 1969 году была введена первая, а в 1974 году - вторая очередь флогопитового рудника со всем комплексом необходимых для этого сооружений. Потом почти каждый год вводились и вводятся дополнительные мощности. Общая мощность рудника на 1 января 1979 года составляет четыре тысячи семьсот тонн сырца-флогопита в год.

Флогопитовая фабрика

С каждым годом растёт выпуск и реализация вермикулита. Но, оказывается, что ни одной тонны его не потребляет уже довольно мощная строительная индустрия нашей области. И всё-таки это будет не совсем точно. Утеплители, изготовленные из Ковдорского вермикулита в Ленинграде, поступают к нам в Ковдор на стройку. Интересно? Нет, обидно. «Рудник «Ковдор» был четвёртым по счёту горным подразделением ГОКа «Ковдорслюда». А его первый рудник, ныне рудник «Ёна», в посёлке «Слюда» существует уже более 40 лет.

Из уст в уста передаётся молва, что ещё в петровские времена в этих краях бродили беглые монахи (и чего им здесь нужно было?). И в районе нынешнего рудника увидели выходящую на поверхность слюду. Потом её добывали и бог весть какими путями переправляли в центральные районы России для «слюдяных оконцев».

Достоверность этой молвы сегодня нечем подтвердить. Молва есть молва. Но и категорически отвергать её тоже нет оснований. И вот почему. Известно, что ещё в начале века русский лесопромышленник Беляев засылал «своих рабочих людей» в места Кольского полуострова, заготавливал древесину особого качества и сплавлял по рекам в Белое Море. Заходили его люди и на реку Ёну, вплоть до её верховьев. И сегодня ещё можно найти остатки толстых пней, срубленных топором. Заготовители леса, бывшего Ёнского, а теперь Ковдорского леспромхоза начали вырубку в этих местах только в 1951-52 годах и пни, ровные от пилы, ещё все целы.

Кольская сосна значительно мягче и легче в обработке, меньше подвергается гниению. Имеет она и другие преимущества перед среднерусской сосной. Это, вероятно, и привлекало Беляева посылать сюда людей.

Но русские люди обитали в этих краях ещё раньше.

Когда в конце 1953 года я приехал в Куропту строить посёлок, печи там ложили не на глиняном, а на цементном растворе. А без глины какая печь, через месяц-два потрескается, и начнёт разваливаться. Месторождений глины на Кольском полуострове, как известно, почти нет. Разве Кильдинско-Шонгуйское, около Мурманска, и ещё нескольких мелких. Я начал спрашивать лесозаготовителей, не приходилось ли им обнаружить где-нибудь глину во время лесоразработок. Неожиданно мастер Г. М. Асташёв сказал, что не только знает, где есть глина, но заметил там и следы кирпичного производства.

- Ну, ладно тебе, Глеб Маркович разыгрывать меня, я уже успел узнать тебя и твои шутки.

Километрах в десяти от Куропты, вверх по течению Ёны, в большой излучине реки, на высоком и крутом откосе у самого зеркала воды действительно выходила настоящая глиняная жила, пластом сантиметров семьдесят - восемьдесят. А наверху, метрах в тридцати от откоса, чуть заметный бугорок, поросший травой - явные признаки давнишнего строения.

Извинился я перед Асташёвым, поблагодарил его. Эта глина была как подарок, но всё время не покидала мысль: кто, когда, зачём добывал её здесь? Ведь на многие десятки километров никакого жилья, никаких дорог...

Начали медленно и скрупулезно исследовать тот бугорок. Срезали слоями землю, и вот что выяснилось. Судя по всему, это был либо навес, либо закрытый сарай. Почти в центре прямоугольника - остатки толстого столба. Ближе к нему по периметру некоторое возвышение, а в двух с половиной-трёх метрах - небольшое понижение, также вокруг столба, похожее на заросшую неглубокую канавку. В другом конце бугорок значительно больше и тоже густо поросший травой. Копнули его и извлекли один, другой, а потом и целый десяток настоящих обожжённых, но уже разрушившихся кирпичей.

До нас, как выяснилось, здесь «археологические раскопки» вели лесозаготовители. Убедились, что это остатки кирпичного производства и оставили, не придав этому значения. Им нужен был хороший лес, а не глина.

Вероятно, в давние времена кто-то обнаружил здесь глину. А для того, чтобы легче её транспортировать, организовали на месте производство кирпича. С одной стороны сарая вокруг толстого столба ходила лошадь и месила глину, а с другой - обжигали кирпич. Кругом лес и за дровами ходить никуда не нужно.

Добыли мы глины здесь немало, и в Ковдор возили её. Но пласт начал уменьшаться, круто ушёл в глубину ниже уровня воды, и пришлось прекратить разработки. Но до сих пор не покидает мысль:

- Кто, когда здесь всё это организовал и куда вывозил кирпич?

Можно ли после этого категорически отвергать молву о монахах-слюдодобытчиках? Места эти, в среднем и верхнем течении реки Ёны, как видим, небезынтересные. Здесь и природа красивая. В ясный день летом ли, зимой поднимешься на возвышенность, и в какую сторону не помотришь - необыкновенная красота. На десятки километров простор, с чистым, звенящим воздухом. В шестидесятые годы заготавливали лес, на вырубках уже подрос молодняк. Нередки озёра, много притоков Ёны. Места богатые грибами, ягодами. Есть у нас там, недалеко от урочища «Рубиновое», где теперь строится база отдыха треста, за-

ветное местечко. В некоторые годы мы там с женой берём и настоящие белые грибы-боровики. А когда нет ни грибов, ни ягод - ездим просто отдыхать, посидеть у костра, подышать чистым живительным воздухом, зимой пройтись на лыжах. Неподалёку - единственная в нашем районе пихтовая рощица молодняка, дело рук доброго человека. Тяжело, трудно ей здесь расти, не родные сибирские места. Не климат, а растёт.

Река Ёна

Там мы осенью отремонтировали один из маленьких домиков-хибарушек, оставшихся от геологов, и иногда ночуем в нём. Выезжали из Ковдора, было 17 градусов мороза, в Куропте чуть холоднее, а приехали на базу отдыха - около минус 30 градусов. За уши и за нос хватает. Куда там лыжная прогулка, скорее печку топить. Оказывается, здесь полюс холода всей нашей округи.

В этих обширных местах бывал человек и до нас. Создать себе здесь осёдлую жизнь он не мог, на это не хватало сил. Это были одиночки или небольшие артели.

Сейчас в отдаленные районы сначала прибывают по-современному оснащённые геологи, изучат, подсчитают целесообразность. Затем приезжают строители. Человек с первого дня приходит хозяином, оседает основательно, надолго. А то и на всю жизнь.

Но бывают исключения. Редко, очень редко, но бывают. Нынешнее урочище «Рубиновое» с четырьмя крохотными домиками-временками, оставшимися от геологов, не было таким всегда.

В начале шестидесятых годов там возник рудник «Рубиновый», быстро рос посёлок, в котором начал трудиться горняцкий коллектив.

Но рудник существовал недолго. Условия труда для горняков оказались очень тяжёлыми. А техника тех лет не могла существенно облегчить его. Были и

другие причины. В результате чего рудник закрыли. Люди уехали. Часть строе- ний вывезли в другое место, а что осталось, постепенно разрушалось.

Посёлок был в красивом месте, сосновом бору, на склоне, спускавшемся в южную сторону, защищённом от северных ветров, хорошо прогревался солн- цем. Вблизи речка, шум и плеск которой доносился сюда. Было тут приятно людям жить. Когда летом, и, особенно, ранней осенью, сядешь под сосной, то взгляд невольно натывается на остатки жилищ. Посидеть в погожий день здесь приятно, уютно и вместе с тем как-то грустно. Не верится, что не так уж и давно, всего два с небольшим десятка лет здесь бурлила жизнь, люди пели песни, зве- нели детские голоса. А там, высоко-высоко, почти на самой верхушке горы было то, ради чего пришли сюда люди. Там добывали слюду.

За мостом идёшь по петляющей всё выше и выше дороги, которую и доро- гой-то нельзя назвать, а так, когда-то наезженная тракторами, размытая, в кол- добинах колея. А подъём всё круче и круче. Склон северный, поросший ельни- ком, и сплошь ягодник. Но ягоды здесь бывают в жаркое лето. Тут солнца мало. И вдруг: что за диво! Из земли крона сосны с ветками, а ствола нет. И так одна, другая, третья. Метрах в двадцати.

Скала «Голова воина» в Рубиновом каньоне

Хочется подойти поближе и скорее рассмотреть, что за деревья растут такие чудные? Торопишься, пыхтишь, пот градом. И, о господи! Перед тобой бездна, чуть не сорвался в неё, благо ухватился за ёлочку. Но страх уже отступил, а взору твоему предстал глубокий, поросший лесом каньон. А сосны-то самые обыкновенные. Но растут они в каньоне, прилепившись на крошечную скальную по-

лочки, и только верхушки поднимаются над обрывом. И как они там бедные, смогли вырасти? За что они там держатся? А деревья крупные.

Снова поднимаешься вверх. Вправо дорога к заброшенной штольне, а прямо и налево - туда, на вершину. А сердце колотится всё чаще и чаще, вот-вот вылетит из груди.

Вот и остатки небольших строений, была, вероятно, электростанция. Ещё выше, уже совсем круто - отвал породы. Туда уже и дороги нет, только тропа. А кругом по всей горе шурфы, разведочные траншеи, все в скале. Грунт здесь чуть-чуть сверху. Везде густо расположились скважины с образцами (кернами) пород наверху. Штабелями около каждой из них - ящики. Берёшь в руки один, другой, третий образцы, перебираешь их без конца, а они все такие разноцветные, переливающиеся, с зёрнами и прожилками разных оттенков. Но преобладают ярко-коричневого и зелёного оттенков. Красивые, очень красивые. Если отполировать. Но нужно наверх, туда, где трудились горняки. Идёшь уже до того круто по заросшей тропе, что хватаешься за кустарник. Леса здесь нет.

Вначале мелкая, а потом всё глубже и глубже в гору, открывается горная выработка, а от неё вниз узкоколейка и отвал породы. Здесь-то и добывали слюду.

Расстояние от речки менее двух километров, а высота более двухсот метров. Как же они сюда добирались? Как же доставляли самое необходимое, если выше электростанции и тракторной дороги не было? Во что же обходилась добытая здесь слюда?

Тяжёл труд горняка-слюдодобытчика. И хотя теперь он максимально механизирован, но всё равно остается тяжёлым. А конечный результат его труда измеряется не тоннами, не кубометрами, а килограммами.

Сидишь на камне и ветер свистит. Здесь он не стихает никогда. Как же было здесь зимой горнякам? И невольно возникает раздумье:

- Ушёл отсюда человек, недолго побыв. Ушёл потому что, собираясь сюда, чего-то не додумал, не взвесил, как следует, не рассчитал. И вынужден был уйти. Но вернется сюда человек, непременно вернется! Уже более подготовленным. Что поделаешь, на ошибках учатся.

А пока, как говорится в старинной русской пословице: «свято место пусто не бывает». Ковдорские строители устраивают себе здесь базу отдыха.

- Это не там, где был посёлок, а недалеко за речкой, чуть справа под «Рубиновой горой».

К 1960 году Ковдор уже был вполне оформившимся посёлком городского типа. Левая часть, если смотреть со стороны озера, выглядывала из-за зелени одноэтажными домами-бараками. Отдельными рядами там же стояли сборные деревянные двухэтажные дома. Это был в основном посёлок строителей, занимавший шесть кварталов. По сегодняшним понятиям - целый микрорайон.

Фасады домов окрашены в разные цвета, но преобладал зелёный. Отдельный, так называемый одиннадцатый квартал, в северной части - сплошь из брусчатых двухэтажных домов. Территория его небольшая, прямоугольник между улицами Горняков - Победы - Строителей - Кошица. Этим кварталом завершилось строительство деревянных домов. Нам сказали: хватит! Ни площади

Улица Строителей

под постройку, ни денег больше на деревянное жильё не получите. Стройте постоянные каменные дома.

История застройки последнего деревянного - одиннадцатого - квартала заслуживает того, чтобы коротко о ней рассказать. Около половины домов возводили, как водится строительные бригады, а на остальные рабочих рук не хватало. Они нужны были на строительстве каменного жилфонда, зданий соцкультбыта, а главное - на промышленном строительстве. Но ведь и жилья не хватало. Вот каждому подразделению треста и выделили по одному - два дома, обеспечили материалами, а рабочих не дали. Изыскивайте специалистов в своём коллективе. Провели собрания, разъяснили обстановку и сказали: ваши квартиры в ваших руках, товарищи!

И получилось. Шофёры, машинисты строительных машин, люди, казалось бы, не родственные со строительством специальностей, стали плотниками, печниками, отделочниками, да такими заправскими, что приятно было смотреть на их работу. Каждый знал: это в этом доме двух- или трёхкомнатная квартира - его. Приходили всей семьёй, с детьми, работали до поздней ночи.

Шло настоящее соревнование между организациями. Откуда-то вдруг появились подъёмники, лебёдки и другие приспособления. Таких, вроде, не было на стройке. И, действительно, их брали в Куропте, ещё и ещё бог весть где. Но работу людям облегчили. Строили одновременно двадцать домов, а у меня в помощниках только один Вася Варченко. Хоть круглые сутки со строительной площадки не уходи. Хоть на части разрывайся - каждый тянет к своему дому: у того материалов нет, тому с чертежами разобраться, этому разбивку сделать. А ещё нужно и за качеством работ смотреть. И, конечно же, не во всём мы успевали, и особенно, в контроле за качеством.

Как-то в конце месяца инженер-куратор рудоуправления Анна Алексеевна Полишук походила по дому, посмотрела и, обращаясь к бригадиру, попросила

на время телогрейку. Надела и полезла в подполье. Свободного пространства там всего 50-60 сантиметров. Долго её не было, мы с бригадиром уже начали беспокоиться, не застряла ли в тесноте, да в кромешной тьме. Зима, всё внизу холодное, мороженое. Но вот показалась голова, а потом и вся Анна Алексеевна. Отряхнулась, возвратила телогрейку и сказала мне:

- Работы принимать не буду, там сплошной снег и не ошкурен горбыль, из которого сделаны накаты для тёплого цокольного перекрытия. Ошкурите, уберёте снег, я посмотрю и тогда подпишу.

Шутка, сказать, уберёте, ошкурите. А как это сделать, когда по накатам уже уложен утеплитель и настлан чистый пол? Снимать и всё переделывать сначала? И возникла мысль: а если уговорить куратора оставить всё так, не переделывая, ведь какой объём, да и бесплатная это работа. Но тут же отказался от этого. Наоборот, переделать обязательно, всё переделать руками тех, кто напортил, и никакой оплаты. Пусть знают сами и другим неповадно будет.

- Хорошо, Анна Алексеевна, переделаем и пригласим Вас.

Комиссия по приёмке д/с «Алёнушка» (3-я слева - А. А. Полищук). 1968 г.

Собрал бригаду. Все расселись веером вдоль стен на полу, кто закурил, а кто с досады не стал. Друг на друга не смотрят.

- Вот вам и весёлый разговор. Конец месяца, нужно сдавать заказчику выполненные работы, закрывать наряды. Ни того, ни другого сделать, как видите, не могу. До конца месяца остаются одни сутки, нужно всё переделать (и только

в не рабочее время), ещё раз пригласить куратора, и, если замечаний не будет, тогда и наряды подпишу. Иначе останетесь без зарплаты, тут я помочь ничем не могу. Виновников установить не трудно - брак только под двумя квартирами. Пусть на здоровье трудятся себе, когда люди будут спать.

Правило, что тот, кто допустил брак, получает квартиру только на первом этаже, остаётся в силе. Если виновных не окажется, значит, квартиры на первом этаже получает бригадир и его заместитель. И ушёл на другие объекты. До утра всё было переделано: работали всей бригадой, но бригадиру не позволили остаться. Наутро уставшие, но довольные, заявили, что всё в порядке, можно приглашать куратора. Я сказал, что приглашать её больше не буду.

- Как?! - в один голос закричала бригада. - А как же с нарядами?!

- Подпишу и наряды.

- А куратор? А форма два? Ведь она сказала, что без вторичного осмотра не подпишет?

- Подпишет, ребята, подпишет. Я уже с ней по телефону разговаривал.

- А зачем же мы всю ночь не спали, переделывали, если она не придёт?

- Она поверила вам и мне, что всё будет сделано, как следует. Не могла она нам не поверить. Люди должны верить друг другу. Да и не последний раз она с нами встречается, это тоже нужно помнить.

А виновники брака нашлись, их было четверо. Безропотно получили ордера на квартиры первого этажа. Но взяли слово со своих товарищей и слёзно просили меня никому, в том числе и жёнам, не говорить, за что угодили на первый этаж.

Анна Алексеевна Полищук вскоре перешла на работу в трест и уже много лет работает в нашем коллективе. Она ведь строитель.

Это был рассказ о левой, деревянной части посёлка. Правая же его половина представлялась взору более солидно. Здесь двух- и трёхэтажные каменные дома, просторные улицы, а внутри кварталов и во дворах строители оставляли целые рощи елей и берёзок. И хотя тогда улицы были недостаточно благоустроены, но посёлок, окружённый плотным массивом зелени, смотрелся хорошо. Здесь были уже не только жилые дома, но и каменные детские садики, ясли, магазин, баня с котельной, столовая.

Больница, продовольственный магазин, клуб находились

*Детские ясли «Малыш»
(позже - музыкальная школа, в настоящее время - ДШИ)*

в деревянной части посёлка. Здание бывшего клуба до сих пор по инерции называется клубом «Искра», хотя уже более 10 лет там размещается учебный комбинат треста.

О бывшем клубе строителей стоит немного рассказать. Многие годы, пока не было кинотеатра и Дворца культуры, он был единственным культурным очагом посёлка.

Первый клуб строители оборудовали в части барака ещё в 1953 году, к годовщине Великого Октября. Новый посёлок был уже большой, с целыми улицами каменных домов, а в кино ходили на Старый Ковдор. Потом один из барачков, на том месте, где теперь находится здание учебного комбината, приспособили под клуб с киноустановкой. И тогда одни ходили в кино в этот клуб, а другие всё по привычке на Старый Ковдор.

Но строительное управление выросло в трест. Приехал управляющий Ксендзовский. И как во всём, с чего он начал здесь, круто, не обошёл и клуб.

У столовой по ул. Горняков

С довольно большой свитой руководителей подразделений, отделов треста, общественных организаций Ксендзовский обошёл помещение клуба и выйдя на улицу сказал:

- Это, по-вашему, клуб? Как был барак, так бараком и останется, сколько его не приспособлявай. А коллективу треста, которому расти и расти, нужен настоящий клуб, чтобы жизнь здесь ключом била. Правильно я говорю?

- Да... конечно...

Кажется, главный бухгалтер неуверенно спросил:

- А где деньги будем на это брать?

- Нужно деньги выколачивать из совнархоза. А проект здания на месте разрабатываем. И на всё это не более двух месяцев срока. Начальники отделов треста пусть выполняют, что кому положено. А застройщику за это время добиться права на открытие киноустановки. Два комплекта новейшей аппаратуры найдём.

И закрутилось, завертелось. Вскоре появилась смета на капитальный ремонт клуба. Здание до основания разобрали, снесли бульдозером фундаменты, сравняли площадку до того состояния, какой она была перед началом строительства клуба-барака, и на этом месте очень быстро построили нынешнее здание с залом на 450 мест, фойе площадью около двухсот метров, рядом других помещений. И с киноустановкой действительно на два комплекта новейшей аппаратуры. Построили при клубе кирпичную котельную на два водогрейных котла. И пока всё это делалось, никто в тресте и во всех подразделениях не знал покоя, всем хватало, как говорится, по горло работы.

Мы нередко употребляем термин «цель оправдывает средства». Это в полной мере относилось и к решению вопроса о строительстве клуба. И хотя над его созданием (иначе нельзя сказать) трудился весь коллектив, главное здесь принадлежало напористости В. Г. Ксендзовского.

Объективности ради нужно сказать, что человек этот при всех недостатках его характера оставил добрый след в истории Ковдора. Вот ещё тому пример.

Строился нынешний кинотеатр «Юность». Уже были наполовину проектной высоты возведены стены, как управляющий узнал, что зрительный зал будет только на 300 мест. Он к заказчику в рудоуправление.

- Как же так, Ковдор будет скоро городом, и десятки лет будет расти его население, а кинотеатр на 300 мест и с обыкновенным экраном? Недопустимо это. Здесь нужен широкоэкранный кинотеатр и не менее, чем на 500 мест.

- Ничего не можем поделать, - сказали ему, - на строительство и такого здания с превеликим трудом удалось добиться разрешения и финансирования. Вы же знаете, что запрещено выделение средств на строительство административных зданий вообще. А на здания зрелищных предприятий - только в исключительных случаях. Вот нам дали проект и выделили средства под этот исключительный случай, как новому населённому пункту в Заполярье.

- Я знаю одно, что Ковдору нужен кинотеатр с широким экраном и не менее, чем на 500 мест, - сказал Ксендзовский, - не хочу, чтоб потом люди и меня вместе с вами проклинали. Я строительство прекращаю, и дальнейшие хлопоты по этому объекту беру на себя. Вы-то хоть мешать мне в этом не будете?

- Что вы, Владимир Григорьевич, если вам каким-то чудом удастся решить вопрос о кинотеатре на 500 мест, мы всё сделаем для того, чтобы обеспечить его финансированием.

Ксендзовский со своей идеей побывал в Кировском горкоме партии, горисполкоме, областном комитете партии, облисполкоме, и, конечно же, в совнархозе. Ему везде сказали:

- Мы вас понимаем, согласны с вами, но знаете, как с этим сейчас строго?..

- А какое мне будет наказание? Чтоб я уже заранее был к этому готов.

И тогда в одной из высоких областных инстанций Ксендзовскому «шепнули на ухо»:

- Если всё сделаете, как говорите, а потом через Госстрой добьётесь разрешения на проект с залом на 500 мест, то получите выговор.

- А большего наказания мне не будет? - За что же вас больше наказывать?

Вскоре Ксендзовский вызвал меня и Ю. В. Белякова, того самого Юру Белякова, который был первым в истории Ковдора освобождённым секретарём комитета комсомола, а теперь снова работал прорабом, и сказал: - Будем строить кинотеатр со зрительным залом на 500 мест. Проект удлинения здания разрабатывается, а вам хватит пока этого листа на фундаменты и стены.

И, передавая мне чертежи, сказал:

- Сегодня гоните туда бульдозер, выламывайте переднюю стенку и по этому чертежу удлиняйте здание. Стены вывести на уровень уже существующих, и потом прекратить все работы. И ни с кем никаких разговоров по этому вопросу не вести, в том числе и с заказчиком. Вам ясно?

- Но ... Владимир Григорьевич... - неуверенно сказал я.

- Никаких «но». Приступайте к работе с обеда и максимум полторы недели на всё это. А вам, Беляков, готовиться через две недели ехать в Москву. Поедете в Госстрой с новым проектом кинотеатра и соответствующими ходатайствами совнархоза об утверждении этого проекта. Во всей документации, которую повезёте, будет приказ по совнархозу об объявлении мне выговора за самовольное расширение строительства этого объекта, и когда там будете предъявлять документы - на самый верх положите приказ. По Москве и по кабинетам в Госстрое

вам много бегать не придётся. Константин Иванович Васильев, который до меня работал здесь начальником управления, из Заполярного уехал и снова работает в Госстрое. Он во всём вам поможет, с ним оговорено по телефону. Всё!

Вот так родился в Ковдоре широкоэкранный кинотеатр со зрительным залом на 500 мест. Ввели его в эксплуатацию в 1961 году.

Кинотеатр «Юность»

Но вернёмся к рассказу о Ковдоре 1960 года. Подходило к концу строительство главного корпуса больницы. Были введены в эксплуатацию гараж на 50 автомашин, полигон железобетонных конструкций, первый котёл ТЭЦ, продовольственный и промтоварный склады ОРСа, теплосеть от ТЭЦ до посёлка и другие объекты. Только за 1959-60 годы в посёлке добавилось более 15000 квадратных метров жилплощади. Если учесть, что в те годы о сборности на каменном жилье не было и речи - это совсем не мало. Начало давать продукцию подсобное хозяйство, там был закончен первый птичник.

Но главные усилия, главные заботы заказчика и строителей были направлены на сооружение комплекса объектов железорудной обогатительной фабрики. По первоначальному плану ввод её в эксплуатацию намечался на 1961 год. Но, когда реально взвесили возможности, стало очевидным, что ввести комплекс в эксплуатацию в эти сроки невозможно. Не хватало ни людских, ни материальных ресурсов, не обеспечивалась в полном объёме поставка оборудования и многого другого. Срок ввода в эксплуатацию фабрики и рудника перенесли на конец 1962 года.

Прошло уже двадцать лет, многое стёрлось, забылось, выветрилось из памяти, но никогда не забудется тот боевой дух, тот трудовой накал и энтузиазм, которые царили на стройке. Невольно сегодняшнюю жизнь, сегодняшние условия труда, быта и отдыха сравниваешь с теми, что были тогда.

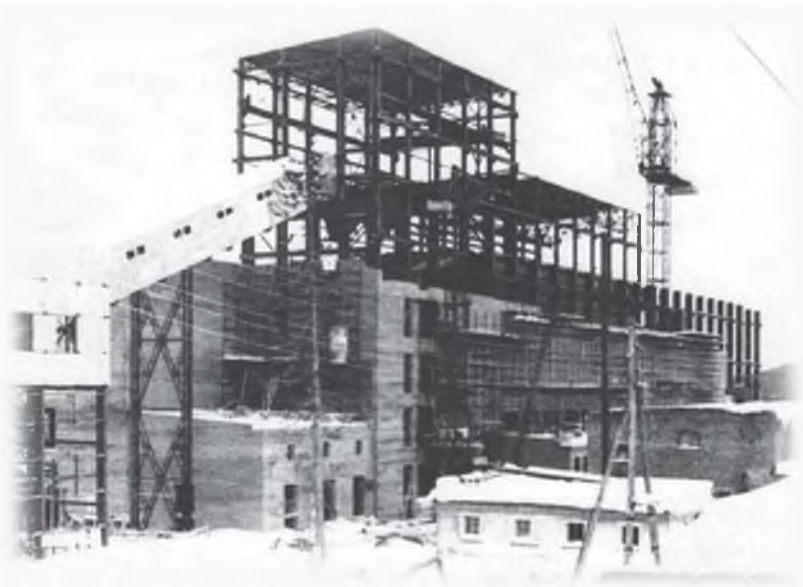
Семья в четыре человека считала для себя нормальным жильём одну комнату 18-20 метров в бараке. На промплощадку автобусы не ходили, не было ни автобусов, ни дороги. Нечего говорить о столовых, бытовых или душевых на объектах. Башенный кран грузоподъёмностью в одну тонну и автомобильный трёхтонный кран - вот основные грузоподъёмные механизмы. Да и они имелись в ограниченном количестве.

Никто не слышал жалоб и нареканий на производственные и бытовые трудности, они оставались на заднем плане и воспринимались как дело естественное.

Много тогда работало на стройке замечательных коллективов, бригад, звеньев, экипажей. Об одних я уже писал, о других речь впереди. А сегодня мой рассказ об одной из лучших бригад тех лет, о коллективе, которым руководил Борис Ефимович Карасюк.

В ноябре 1954 года из Белоруссии в Ковдор приехал молодой, плотный и подвижный парень с цепким взглядом: Борис Карасюк. У них в деревне побывал в гостях родственник, работающий в Ковдоре. Рассказывал о стройке на Севере. И Борис загорелся. Строительной специальности у него не было, но любой деревенский парень тех лет владел и топором, и рубанком. Определили Бориса в бригаду плотников-столяров на строительстве посёлка, которой руководил Иван Васильевич Пчёлкин.

Быстро освоился молодой парень, и вначале 1955 года уже сам бригадирствовал. Доверили ему бригаду плотников из 15 человек. Строили деревянные дома, потом магазин, баню, прачечную, вели плотницкие работы на каменных домах. Бригада стала заметной на стройке и в 1958 году нашли возможным перевести её на наиболее серьёзный объект - на строительство обогатительной фабрики.

Корпус обогащения Ковдорского ГОКа

Вначале поставили на корпус обогащения или, как его называли, главный корпус. К этому времени бригада состояла из 30 человек.

Прорабом на объекте был серьёзный, вдумчивый, несколько медлительный, но грамотный специалист Владислав Алексеевич Фёдоров, ставший потом старшим прорабом, а затем и главным инженером СМУ.

Идёт, бывало, Фёдоров по строительной площадке, о чём-то сосредоточенно думает, остановится, вытащит из кармана линейку, подсчитает, запишет в блокнот и пошёл дальше. Тогда уже велись работы на корпусе среднего и мелкого дробления, на других объектах фабрики, а начало основных работ на корпусе крупного дробления задерживалось. Этот корпус первый в цепочке обогащения. Именно сюда вначале поступает железная руда, здесь проходит первичное дробление. Казалось, что именно с корпуса крупного дробления и должно было начинаться строительство фабрики. Но начало основных работ здесь отставало от других корпусов на целый год.

Причина тому была одна - здесь нужно было вырыть котлован глубиной в сорок метров под весь корпус. Слово «вырыть», пожалуй, здесь не подходит, точнее сказать, нужно было выгрызть котлован в монолитной скале при очень сильном притоке грунтовых вод. Вода очень осложняла работы, и, несмотря на мощные средства водоотлива, мешала и производству взрывных работ, и выемке скалы. Сегодня об этом мы говорим просто: были трудности, в те дни - это был адский непрерывный труд без выходных и праздников, без единого часа передышки.

Этот корпус с некоторого расстояния кажется небольшим. На самом же деле он возвышается над землей на 20 метров, и под землю уходит на сорок.

После котлована предстоял большой и сложный объём арматурных и бетонных работ. Здесь все конструкции испытывают очень большие нагрузки от мощных дро-

билкок. После завершения котлована нужно было поставить сюда такой коллектив, который бы выполнил эти серьёзные работы быстро и качественно. Кому, какой бригаде доверить, чтоб одолеть годичное отставание? И остановились на бригаде Б. Е. Карасюка. Сначала увеличили коллектив до 60-ти, затем до 80. В конце концов, в бригаде стало больше ста человек. Корпус от начала и до конца строил коллектив Карасюка. Это была первая на стройке комплексная бригада, состоящая из арматурщиков, бетонщиков, плотников и рабочих других специальностей.

Всегда было в строительстве, да и теперь имеет место, что на объектах одного мастера, а тем более прораба работают одна, две, а то и более бригад. Здесь же было всё наоборот: одну бригаду обслуживал целый строительный участок с прорабами и мастерами. Руководил работами на объекте прораб Виталий Александрович Мамаев. Здесь прошли хорошую практическую школу промышленного строительства бывшие мастера, прорабы, ставшие впоследствии большими руководителями: Л. С. Иванов, Г. М. Ролев и другие товарищи. А П. И. Фомичёв, которого за небольшой рост все звали просто Петей, строил корпус от начала и до конца, до ввода его в эксплуатацию.

За инженерно-техническими работниками было техническое руководство. Непосредственное же обеспечение выполнения всех объёмов коллективом более ста человек, который работал здесь круглые сутки и практически без выходных дней, ложились на плечи бригадира. Конечно, были у Бориса Ефимовича и хорошие, толковые помощники. Но ведь основной спрос с одного, с бригадира. Не кончал он никаких курсов и школ бригадиров - не до этого тогда было. До всего доходил сам.

Начал, как принято говорить было тогда, с железной дисциплины. В коллективе было чётко поставлено соревнование между сменами, звеньями и отдельными членами бригады. Ритм был задан самой рабочей обстановкой. И всё, что не вписывалось в ритм, отменялось.

Наверху котлована, на огромных красочно оформленных щитах и досках показателей можно было за смену, за сутки, за месяц узнать показатели работы звеньев, смен и бригады в целом.

Шло соревнование не только внутри бригады, но и между бригадой и экипажем мощного крана, оборудованного на базе экскаватора. А экипаж на редкость организованный, под стать бригаде, состоял из династии механизаторов - семьи Васильевых - отца Дмитрия Николаевича, сына Геннадия и зятя Ивана. А вообще, в семье шесть механизаторов. От их дружной и слаженной работы зависел результат работы бригады. И нужно сказать, что экипаж с этим справлялся отлично. Как в бригаде чёткую её работу обеспечивал Борис Ефимович, так чёткая круглосуточная работа крана держалась на Дмитрие Николаевиче. Но все его любовно звали не по имени и отчеству, а просто дедом Димой.

Корпус крупного дробления рос буквально на глазах, и, несмотря на годичное отставание, был закончен в директивный срок одновременно с другими корпусами. Не буду оперировать множеством цифр по объёмам работ, приведу лишь одну. Только подбутка для заполнения пазух, образовавшихся в котловане после возведения стен и вывода на поверхность галереи конвейеров, составила около пятнадцати тысяч кубометров бетона.

Беседа с Борисом Ефимовичем и вспоминая те годы, я спросил его: как он тогда, будучи бригадиром-самоучкой справлялся с такой бригадой по численности с целый строительный участок? Как выполнял такие большие и сложные работы и с непростыми чертежами разбирался? И вот, что он мне сказал:

- Учился на ходу у добрых и грамотных людей, начиная с моего первого бригадира и замечательного человека Ивана Васильевича Пчёлкина. Спал мало, но и в коротком и беспокойном сне в голове всё грезилась бригада и её дела.

Хочется привести ещё один штрих из стиля работы, сложившегося тогда в бригаде. Уже было закончено строительство корпуса крупного дробления, выполнено много других работ, и бригада была переброшена на склад сухого концентрата. Смонтировали и опалубку перекрытия, связали на большой площади арматуру. Вечером, проверяя надёжность выполненных работ под приёмку бетона (а это всегда чётко выполнялось), обнаружили, что по собственному недосмотру поставили две некачественные стойки в очень ответственном месте опалубки. А это грозило деформацией перекрытия. За одну ночь бригада исправила оплошность, переделав на большой площади опалубку и перевязав арматуру. Утром, как и было заявлено, принимали бетон. Только через год узнал об этом главный инженер управления.

Трудно вспомнить всех тех, кто в разное время работал в коллективе, которым руководил Б. Е. Карасюк. Но некоторых из них могу и с удовольствием называть: звеньевой арматурщиков, комсомолец Виктор Прицепко, Иван Бардин, Владимир Хлябич, Владимир Шпилин, Виссарион Застрожный, коммунист Николай Мирошниченко, ныне машинист экскаватора рудника «Железный», Анатолий Шевченко, Сергей Крисанов - теперь бессменный бригадир слесарей-сварщиков в КПП, Николай Ульянов - ныне бульдозерист и многих других.

Много добрых слов будет сказано на торжествах, посвященных 25-летию треста «Ковдорстрой», о ветеранах, людях безупречного труда, беззаветно любящих свой северный край, отдавших ему большую часть

Ветераны

своей жизни. На снимке: ветераны треста «Ковдорстрой» (слева направо в первом ряду)

стройки

С. Г. КРИСАНОВ, К. И. ХОДАНЕНКО, М. И. ДАШКЕВИЧ, А. В. ЯННИКОВ, В. Н. СКЛЯРУК, В. В.

ДОРОШКЕВИЧ; (во втором ряду) А. Г. ФЕДЯНИН, Л. В. МОРОЗОВА, С. А. ТОЛКАЧЕВА, В. А. КУЗНЕЦОВА, Т. Ф. ЯРУЛИНА, В. Н. ШУБИНА.

Фото Н. Бедной.

За активное участие в строительстве первой очереди Ковдорского горно-обогатительного комбината Борис Ефимович Карасюк Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июня 1963 года награждён орденом Трудового Красного Знамени.

После ввода в эксплуатацию комбината Б. Е. Карасюк сначала работал на руднике «Железный» - машинистом насосов, затем помощником машиниста бурового станка и уже много лет - машинистом станка.

Он по-прежнему такой же энергичный и неутомимый труженик, каким был на стройке, награждён знаком «Победитель соревнования» 1974, 1975, 1976, 1977 годов.

На больших стройках предпусковые годы всегда напряжённые, беспокойные, нервные. Всегда что-то всплывает. То заказчик забыл своевременно заявить что-то из оборудования или из остродефицитных разновидностей кабельной продукции, а монтажники, как назло, пристают: давай им и именно то, чего сегодня нет, хотя вокруг целые горы не смонтированного оборудования ждут своей очереди. И на складах ещё полно. Но всё это не в счёт! Подавай именно то, чего сегодня нет (и откуда они узнают, чего именно на этот момент нет на складе?).

А строители на оперативках возмущаются: почему заказчик завалил оборудованием все подходы к объектам, что негде ни материал сложить, ни механизму подъехать, ни машине развернуться. А монтажники твердят: и давай заказчик и то, что нужно сегодня, и то, что нужно будет завтра и послезавтра. Дескать, и так графики монтажа срываются.

Попробуй, разберись, кто тут прав. И везёт заказчик, и разбрасывает вокруг объектов дорогостоящее оборудование, лишь бы поменьше жалоб да крику было. Но вновь чего-то не хватает, вот было же, а куда-то исчезло. И летят во все концы слёзные и требовательные телеграммы. Дескать, было своевременно заявлено, да поставщики подводят, а сроки монтажа срываются.

Вслед за телеграммами едут и нарочные, где «выколачивать», а где «пустить слезу». А снабженцы, свободные от командировок, бегают, ищут, переключиваются, и где-то что-то там под низом на складе находят. И несказанно этому радуются. Если что ещё раз выпросят, уже пойдёт в про запас на чёрный день.

А начальство по несколько раз в сутки вызывает и тоже с нервной дрожью в голосе всё допрашивает да нахлобучки даёт: почему всё завалили, почему вовремя не разобрали, не разложили! Вот ведь многое и находится, а мы телеграммы да гонцов в разные концы шлём, жди теперь упрёков «сверху». А склады-то где? Две сараюшки, да площадка под открытым небом, кое-как огороженная забором.

Итак, чем ближе к пуску, тем нервнее и напряжённее обстановка. И кланут судьбу снабженцы, и не радуется их жизнь на ближайший год. Уже не только отпуска не видать, как своих ушей, не только про рыбалку забыть, но и ни одного выходного дня с семьёй не побудешь. А там тоже и упрёки, и слёзы ... О, бедные снабженцы! То он мчится, вскинув голову, как олень, то бредёт по коридору, плечи опущены, нога за ногу заплетается и кажется, что рухнет на пол и больше уже не поднимется. Но через час-два он решил, придумал и снова будет и настроение, и работоспособность. И так изо дня в день.

Это только одна сторона предпусковых хлопот заказчика. А их целая уйма и все срочные, все нужно решать в темпе.

У строителей предпусковые хлопоты и того беспокойнее и тяжелее. Тоже куча всяких проблем, которые и перечислить-то трудно. И у них тоже что-то

не успели к сроку, что-то забыли, пропустили, просмотрели. Построили, возвели, да ошибка вкралась. Не оставили, к примеру, отверстий или целых проёмов в стенах или перекрытиях, где должны проходить технологические трубопроводы, вентиляционные короба. Да мало ли что, тут всяких переплетений много. И на них шумят и почём свет клянут монтажники. Дескать, кругом держите, не даёте в полную силу развернуться. А строители ведь - Генеральный подрядчик. И трещат то в одной, то в другой стороне корпуса передвижные компрессоры, стучат отбойные молотки. И уже бьют, колотят, только что возведённые стены и перекрытия: пробивают отверстия для монтажников.

Или перед самыми воротами на въезде в корпус просмотрели в чертежах бетонный фундамент под оборудование. И снова разрыт котлован. В корпус ничего не затащить, оттуда не выехать. И снова ругань и упрёки. Монтажники на строителей, а те (чтобы как-то получше выглядеть) - на заказчика, мол, это он несколько дней тому назад внёс изменения в чертежи, вот и всплыл этот злосчастный фундамент. Бывает и так. Всё бывает.

Но бывает, что изменения в чертежи внесены ещё полгода тому назад, но в суматохе строители о них забыли. А уже по ходу дела само всплыло - технологическая цепочка не завязывается. Но кто в такой горячий момент признается, что это он забыл, что он виноват и теперь держит всех. Вот и показывает пальцем на заказчика. А тот на этот раз чист, и только улыбается.

Но у работающих на стройке коллективов строителей, заказчика, около двух десятков субподрядных организаций - общий план, общие цели, общие задачи. Спорят иногда, ругаются, но друг другу помогают, ориентируясь на одну, красную, заветную дату - срок ввода объекта в эксплуатацию.

Но вот начальство в верхах приходит к выводу, что нынешнее руководство - не того. Работает не так, как требует обстановка, не обеспечивает надлежащий ход работ. И что его нужно заменять другими, более квалифицированными и энергичными работниками. Словом, те же благие намерения, что и два-три года назад.

Старые руководители сдают дела, и горько улыбаясь, собирают чемоданы. Новые тоже не радуются, зная заранее, что им предстоит. А стройку ещё больше лихорадит. Как-никак вначале надо самому вписаться в коллектив, ритм работы, ознакомиться, на ходу ломать, перестраивая на свой лад. Но что значит ломать, перестраивать работу большого коллектива? Что ни человек, то характер, к нему индивидуальный подход. Одни привыкли к старым порядкам и гнут своё. Другие, вроде бы готовы идти в ногу с новым начальством, но и оглядываются, как бы не сделать промашку, не оказаться в приспособленцах. А третьи (и такие бывают) уже столько наговорили новому начальству, что попробуй тут разберись, на кого опереться, а кого в шею. Да немедленно!

Нужно время, и немалое, а его нет. И месяц, а то и больше, свет в кабинете у «нового», когда все люди уже спят. А что остаётся делать? В «верхах», когда назначали, обещали помочь и поддержать, но работать за тебя никто не обещал и не будет. Ответственность теперь и за прошлые огрехи, и за все, что впереди - на тебе. Тяни, молчи и никому не жалуйся, никто тебя не поймёт, да и понимать

не пожелает. Так нередко бывало (да и бывает?) на крупных стройках. В апреле 1961 года Романову в Совнархозе, как бы невзначай сказали:

- Вам, Андрей Яковлевич, при вашем возрасте трудновато тянуть такую горячую стройку, как Ковдор ...

И ничего больше не предложили. Тот пожал плечам, дескать, а зачем же два года тому назад сюда силой меня тянули? Но ничего не сказал, только показал жестом, и тут же написал заявление об уходе па пенсию с выездом из области.

На освободившееся место главного инженера треста приехал Лабодин Иван Григорьевич. Молодой, здоровый, голос грубоватый, волосы волна на волне, по обеим сторонам лба кручёные, как бараньи рога. И целая сажень в плечах, хоть сегодня запрягай и паши. Но опыта-то для такого большого и серьезного дела оказалось маловато. И это почувствовалось сразу.

В начале мая «ушёл по болезни» и уехал в Москву В. Г. Ксендзовский. Чуть раньше его, на таких же началах, «ушёл» и тоже укатил в Москву его заместитель Л. В. Коленов. В общем, полностью сменилось руководство трестом. Казалось, что очередная смена начальства снова растянется, снова перестройка коллектива, снова одни работники (за «новой метлой») приедут, а другим собираться на все четыре стороны. А ведь предпусковой год, времени и так уже не хватало. И всё же нам тогда повезло.

Из Оленегорска, из треста «Рудстрой», перевели в Ковдор управляющего трестом. В тот момент в Оленегорске было полегче, комбинат уже работал, шло плановое наращивание мощностей. А в Ковдоре со сроками ввода в эксплуатацию первой очереди ГОКа нужно было торопиться. Потому что опережающими темпами шло наращивание мощностей Череповецкого металлургического завода, и ему нужен был именно ковдорский железный концентрат. Оленегорский и ковдорский концентраты давали ту оптимальную сырьевую смесь, которая позволяла наилучшим образом строить технологию доменного производства.

И на ковдорский аврал приехал новым управляющий трестом Анатолий Петрович Коноплёв. Я уже достаточно говорил о Ксендзовском и только добавлю чуть-чуть, делая некоторое сравнение между ушедшим и прибывшим руководителями коллектива. Если Ксендзовский был человеком чрезвычайно резким, строгим, всегда серьёзным, не допускавшим никаких там поправок, то Коноплёв оказался совершенной противоположностью ему. Уравновешенный, с мягким характером, простой в обращении с подчинёнными. Вначале даже казалось, что где там ему справиться с таким большим и серьёзным делом. Но Анатолий Петрович при его действительно довольно мягком и покладистом характере оказался не только грамотным, опытным строителем с немалой эрудицией, но и человеком, который, быстро сориентировавшись в сложной и тяжёлой обстановке, сумел буквально на ходу войти в коллектив и повести его так умело, что вначале этому и верить-то не хотелось. Он почти сразу сумел завоевать доверие и уважение к себе. И тем же отвечал подчинённым. Когда надо, он и жёстким становился, и требовательным. И вместе с тем оставался человечным. Было у него и ещё одно очень важное качество - он обладал чувством юмора, и в меру, именно там, где это нужно, проявлял его. Что и позволяло ему работать с людьми легко и свободно.

Эти и другие качества А. П. Коноплёва позволили направить работу коллектива по тому руслу, который тогда был необходим. В общем, дело пошло, хотя ни одна голова «не полетела» с плеч. Изменились к лучшему отношения с заказчиком и субподрядными организациями. Основа успеха на любой стройке. О Коноплёве можно рассказывать много, и думаю, что к этому мы ещё вернёмся, и вернёмся непременно, потому что его качества можно, пожалуй, принять за эталон современного руководителя.

Ещё при Ксендзовском, в январе 1961 года, вышло постановление Совнархоза о некотором изменении структуры треста. До того времени подразделениями треста были строительные участки. Теперь они преобразовывались в четыре строительных управления: «Промстрой», «Рудстрой», «Жилстрой» и управление механизации. Их, соответственно, возглавляли И. В. Угаров, М. Д. Кичаев, А. А. Стецюра и С. Е. Петров. При резко возраставшем объёме работ эти структурные изменения в руководстве стройкой были нужны.

В марте того же года прямо из прорабов я был назначен директором комбината производственных предприятий (КПП). Долго упирался, боясь неведомого доселе и определённо трудного дела, объяснял, что мне и в прорабах неплохо, и что за прошлое своё понижение в должности ни на кого не в обиде. Вначале уговаривали, объясняли обстановку, обещали как всегда в таких случаях, помощь и поддержку, а потом сказали: хватит! Вспомни, что писал в заявлении, когда вступал в партию, вот и настал этот момент. Нужно, дело того требует.

ПАРТИИНЫЙ БИЛЕТ
№ 11021666

Фамилия: Косарчук
Имя: Александр
Отчество: Васильевич
Год рождения: 1914
Время вступления в партию: Октябрь 1958
Наименование партийного органа, выдавшего билет: Кировский горком КПСС Мурманской области

Секретарь: Степанов
Дата выдачи: 12 апреля 1974

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ 19...74 год			
Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			/
Февраль			
Март			
Апрель	<u>631</u>	<u>18-93</u>	
Май	<u>568</u>	<u>17-04</u>	<u>Степанов</u>
Июнь	<u>4110</u>	<u>12-33</u>	<u>Степанов</u>
Июль	<u>507</u>	<u>15-21</u>	<u>Степанов</u>
Август	<u>297</u>	<u>7-43</u>	<u>Степанов</u>
Сентябрь	<u>518</u>	<u>15-54</u>	<u>Степанов</u>
Октябрь	<u>418</u>	<u>12-54</u>	<u>Степанов</u>
Ноябрь	<u>636</u>	<u>19-08</u>	<u>Степанов</u>
Декабрь	<u>418</u>	<u>12-54</u>	<u>Степанов</u>

Я был уже двенадцатым директором этого предприятия за шесть лет его существования. Если сегодня, через двадцать лет, мы нередко говорим, что производственная база КПП ещё слаба и не соответствует требованиям стройки, то какой же она была тогда, накануне ввода в эксплуатацию первой очереди Ковдорского ГОКа! В середине 1961 года Ковдорское рудоуправление было не просто управлением строящегося предприятия, оно стало уже в какой-то степени действующим предприятием. Коллектив рудоуправления вёл собственными силами работы по подготовке к эксплуатации рудника. Уже частично добывал железную руду и отправлял на действующие обогатительные фабрики. Занимался вермикулитом, флогопитом. Словом, рудоуправление преобразовали в горнообогатительный комбинат. Директором комбината был назначен бывший директор рудоуправления Константин Константинович Сараханов, а главным инженером - нынешний директор комбината Алексей Иванович Сухачев. Как видим, принимались все меры к тому, чтобы первая очередь предприятия была введена в эксплуатацию в установленный срок, в 1962 году.

Для того чтобы держать под постоянным контролем ход строительства и оказывать постоянную помощь строителям и заказчику, с 1961 года периодически проводились выездные заседания Совнархоза в Ковдоре. Проходили они в здании бывшего клуба строителей, и, как правило, очень бурно. На заседание съезжалось почти всё хозяйственное руководство областного центра, представители монтажных организаций, проектных институтов, вышестоящих партийных и профсоюзных органов.

В том, предпусковом, 1961-м году, ввели широкоэкранный кинотеатр на 500 мест, прачечную, коровник в подсобном хозяйстве, хлебопекарню (до этого была временная на Старом Ковдоре), овощехранилище, ЛЭП (Ёна-Риколатва и Ковдор-Куропта, 12 500 квадратных метров жилой площади, больничный комплекс. И конечно, главные дела, главные заботы и работы всех были на промышленном строительстве.

Хлебопекарня

Рассказывая о завершении строительства и вводе в эксплуатацию больничного комплекса, что тоже было определённым достижением, думаю, что читателям «Рудного Ковдора» небезынтересно будет узнать, хоть коротко, историю организации здравоохранения в Ковдоре и его пригородной зоне.

До 1956 года в посёлке Слюда существовала в небольшом, неприглядном, барачного вида помещении, маленькая больничка, в которой работал всего один врач. В Ковдоре и Куропте имелись медпункты. А трест «Кольстрой» решил для своего леспромхоза построить в Куропте больницу. Подобрали проект сельской больницы и срубили добротное деревянное здание, окружённое лесом. Больница уже была подготовлена к приёму в эксплуатацию. Но развитие Ковдора шло быстро, и облздравотдел в последний момент передумал, решил сконцентрировать весь узел здравоохранения в Ковдоре. И это было правильно.

Один из жилых барачков, где теперь детский садик «Колокольчик», в марте 1956 года переоборудовали, и в нём открылась первая ковдорская больница на 25 коек. Главный корпус нынешнего больничного комплекса, как уже говорилось, был введён в эксплуатацию в 1960-м, а весь больничный комплекс в 1961 году. Здание роддома было построено позже.

Ковдорская больница

Когда строилась нынешняя больница, здание отапливалось от небольшого передвижного паровичка - локомобиля, установленного рядом с корпусом прямо под открытым небом. Использовали опыт строительства первой ковдорской школы, которая и во время отделочных работ, и первый учебный год отапливалась, и если мне память не изменяет, тем же самым локобилем. Вспоминается по этому случаю и ещё один любопытный момент.

1960 год был настолько засушливым, что реки и озёра сильно обмелели. На каскаде Нивских ГЭС летом воды было настолько мало, что большинство турбин простаивало. В области ввели строгое ограничение на потребление электроэнергии. На некоторые второстепенные предприятия и стройки её совсем

не давали. Даже остановили производство в большинстве цехов Кандалакшского алюминиевого завода, а рабочих временно направили на стройки области. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Как всегда, а тем более в предпусковые годы, на стройке не хватает рабочих. К нам прибыла большая группа - около 200 человек - рабочих с алюминиевого завода.

Именно с их помощью смогли сделать многое, в том числе и своевременно внести в эксплуатацию больницу. Люди, как на подбор здоровые, добросовестные, только подавай им работу. На больнице, как и на строительстве фабрики, работали в три смены - круглые сутки. Прибежишь домой, наскоро перекусишь, полчаса отдохнёшь, и опять бежишь на больницу. А там и днём, и вечером, то своё, то приезжее начальство, то медики, всех рангов. Идут, интересуются, задают вопросы, вмешиваются. Что-то по их разумению делается не так, где-то нужно внести какие-то изменения. Это уже устарело, нужно по современным требованиям. И т.д., и т.п. Хоть закрывай глаза и беги отсюда. А куда убежишь? Объект - «горячий», первостепенный. Ближайшая настоящая больница в Кировске, три дня нужно потерять на поездку туда.

Одолели мы всё же этот объект, если применить нашу строительную терминологию, - в срок. Заработали «спасибо» и от вышестоящих инстанций, и от медиков. У них наконец-то появилась возможность работать в нормальных условиях. Главным врачом Ковдорской больницы стал Алексей Георгиевич Труфанов.

За «свои мучения» я тоже был достойно вознаграждён - талоном на приобретение пианино через посолторг. А это тогда был не простой жест.

Теперь на территории промышленной зоны Ковдора всё сплошь застроено. Продолжается расширение мощностей комбината. Внутри действующих цехов уже идёт реконструкция. И всё равно обогатительному комплексу не хватает места. В нижней части зоны сносится старая строительная база треста. В 1961 году она только создавалась.

Вокруг строительных площадок стоял сплошной лес. Берёзки и ёлочки заглядывали в котлованы, тёрлись веточками о только что возведённые стены. Давно ли это было? Вроде бы и совсем недавно. Вот только тех, кто тогда был ещё совсем юный и резвый, теперь с трудом узнаёшь на улице. Дедушками да бабушками стали.

В преддверии двадцатипятилетия Ковдора, как-то мы встретились и разговорились с ветераном треста Владимиром Григорьевичем Азарёнком. Высококвалифицированным столяром, большим любителем природы. Я, говорит, когда в 1956 году приехал в Ковдор, в свободное от работы время всё ходил на промплощадку, смотрел, как быстро там шло строительство. И сверху было очень красиво: небольшой посёлок, окружённый плотным кольцом зелени. Бродил по лесу, любовался своеобразной северной природой, особенно когда круглые сутки солнце не заходит.

Как-то иду между ночной и утренней сменами по территории строившейся фабрики (люблю, когда тихо). Вдруг невдалеке что-то щёлк да щёлк, потом зашипит, застрекочет, точь-в-точь, как глухарь начинает токовать. Что это думаю, никого нет, а какие-то непонятные звуки. И тут фр-р-р-р - поднялась крупная

птица и улетела в чащобу. Как же думаю так, такая осторожная птица и вдруг там, где люди, где шум? Потом мне сказали, что здесь до прихода строителей были глухариные тока. И эта чуткая и осторожная птица на короткое время, когда не бывает людей, прилетает. Видно, никак не может смириться с тем, что человек пришёл сюда навсегда, а ей нужно улететь от этого теперь беспокойного места.

- Так вот, - я себе сказал: отсюда никуда, здесь буду трудиться. Потом помолчал, посмотрел в окно, о чём-то своём думая, и возвратился к прерванному разговору.

- Вот уже сам постарел, а до сих пор не пойму тех, кто, приехав на Север, говорит: «А мне здесь долго не жить, я заработаю и опять уеду». И так у него, у этого «временного человека» год за годом. Смотришь он здесь пять, десять, пятнадцать лет, а всё считает себя временным. Не задумавшись и не моргнув глазом, такой смахнёт топором и пяток, и десяток молодых деревьев хоть в лесу, хоть около дома. Ему всё равно, он их не сажал, он здесь человек временный.

Смотришь, он уже пенсионер, и не работает, где-нибудь в охране или ещё где, а всё сидит на лавочке, да лясы-балясы разводит так, ни о чем. С чем же такой человек к старости пришёл? Ему нечего вспомнить, он ничего не создал, никого не любил, был временным.

Интересный человек Владимир Григорьевич Азарёнок. Нужно, очень нужно, о таком человеке рассказать. Вот смогу ли я это сделать? В 1944 году в свои неполных восемнадцать лет Володя Азарёнок был призван в армию. Кончилась война, многие демобилизовались, а он дослуживал, что положено. По сроку службы и его черед уходить домой, но демобилизовали «стариков» - тех, кто воевал, когда он ещё был дома, а молодёжь, такая, как он, продолжала служить.

Был у нас такой период, когда воевавших постепенно демобилизовали, а призывной молодёжи не хватало, вот и служили ребята больше положенного, и свой законный срок, и добавку, и не один год. Пока призывники мирного времени подрастали.

В 1951 году Володя демобилизовался и уехал по оргнабору в Кандалакшу, на строительство алюминиевого завода. Там столярничал, специальность такую имел ещё до армии. Хвалили за добротню выполняемую работу, ставили другим в пример, поощряли. А тут пригласили добровольцев на стройку в Ковдор. Много говорили о красивой природе, о перспективе строительства на многие годы. Красивая природа. Как же можно устоять. Приехал в августе, когда шла подготовка к сдаче первой Ковдорской школы.

С напарником Петром Звиром работали запоем, устанавливали и подгоняли окна и двери. Потом детский сад, ясли, магазин, столовая, жилые дома. В 1959 году нужно было налаживать столярное производство в КПП, перевели Азарёнка туда. Там работал, как и на стройке, не наблюдая за солнцем. Заказов было много и все срочные: окна, двери, многое другое. А нужно было ещё учить, а точнее доучивать, молодых столяров- выпускников ГПТУ. И не одного-двух, а целую бригаду - 13 человек. Много молодёжи выучил за годы работы в Ковдоре Владимир Григорьевич, да выучил так, что не стыдно за них и сегодня. Это квалифицированные столяры Владимир Вантрусов, Анатолий Быков, Александр Чумаченко и другие.

Знаменосец В. Г. Азарёнок

А. Тухвенов и В. Зеур

С 1970 года Азарёнок снова на стройке, уже в «Отделстрое». Он высококвалифицированный столяр. Если делает какую-то работу, то не спешит, не торопится, лишь бы поскорее и с плеч долой, а сделает добротнo, отойдёт, критически со стороны посмотрит, и, вернётся, доделает и только тогда переходит на другое место. Он долго не сидит, «не курит», как другие, а чуть отдохнёт и дальше за дело. Проверять за ним никогда не нужно. Если Азарёнок что-то делает, то один раз и наверняка. Слово «качество» он никогда не говорит, не любит употреблять, а вместо него говорит: «Сделать хорошо, как нужно».

Но ещё ни разу за все годы его работы никто не смог сказать, что Азарёнок сделал что-то некачественно. Он просто не умеет, неспособен работать плохо. Раньше иногда бригадир или мастер прикрикнет на него:

- Володя, ну что ты копаешься, смотри, другие уже по двери подогнали, а ты всё с одной возишься! Он долго отмалчивается, а когда его всерьёз допекут, и в сердцах скажет:

- Им нужны только проценты и рубли, вот они и убежали вперёд. Завтра же ты сам вернёшь их доделывать и переделывать. А когда исправить будет невозможно, меня туда поставишь. Нет уж, я буду делать один раз, но как полагается. И на весь день замолчит. А если видит чужую, плохо выполненную работу, то остановится, посмотрит со всех сторон, покрутит головой и, обращаясь к тому, кто ближе других, скажет:

- Вот бы руки отрубил за такую работу! И время зря потратил, и материал загубил. Хоть доделывай, переделывай, а так как нужно уже не получится. И куда, на тот свет, что ли спешил?

Вредная это штука сухие проценты, губят они недобросовестных людей.

Владимиру Григорьевичу уже за пятьдесят. Высокий, слегка угрюмый, уже с лысиной через всю голову, неторопливый в движениях, с открытым и прямым взглядом. Человек он очень скромный и даже застенчивый. Не любит бывать у начальства на виду. Незаметен он в повседневной жизни, возможно, поэтому у него больших наград нет. Несмотря на его уже солидный возраст, большинство, кто его близко по работе знает, по-прежнему обращается к нему не по имени и отчеству, а просто - Володя. Если мастер или кто другой начнет выводить: «Владимир Гри...», - то на полуслове споткнётся и снова, но уже, как и прежде скажет: «Володя». И там уже, что нужно по делу. Человеку, постоянно обращающемуся с Азаренком по работе, назвав его Владимиром Григорьевичем, кажется, что он с ним поступил как-то не искренне, не уважительно, не так как нужно. Вот и обращаются к нему большинство товарищей просто по имени - Володя. Он пользуется глубоким уважением в коллективе. И не только теперь, а с первых лет работы в Ковдоре. Было, например, так. Собирается собрание. Вот уже много народу, пора начинать, но начальник управления К. И. Васильев смотрит поверх голов и спрашивает:

- Азарёнок здесь?

Если нет, то говорит:

- Без Азарёнка начинать не будем, подождём немного. Значит, работу заканчивает, что-то не доделал ещё. Скоро придёт.

Но вот Володя в зале. Его сразу заметили, потому что выше всех на голову, и собрание началось.

Замечательный труженик, высококвалифицированный столяр, ревнивый любитель природы, наставник молодёжи Владимир Григорьевич Азарёнок трижды избирался народным заседателем, дважды депутатом Кировского горсовета (когда еще Апатитского не было), дважды членом Обкома профсоюза, членом Облсовпрофа. Награждён значком «Отличник соревнования Минтяжстроя СССР», знаками «Победитель социалистического соревнования».

В. Г. Азарёнок

СЧАСТЬЕ НЕ ДАЁТСЯ БЕЗ ТРУДА

Прошло с тех пор немало - двадцать лет.
Сюда пришли строители Ковдора.
И расступился древний дикий лес,
Ладонями обняв красивый город.
Мы помним, как всё это началось:
Ютились мы в бараках и вагонах,
И чёрствый хлеб нам есть тогда пришлось,
Что на попутных поступал из Ёны.
Мы брали воду прямо из ручья -
Для бани ли, обеда, для пелёнок.
А в десять вечера давала свет свеча,
Движок захлёбывался - не было силёнок.
Нас радовало всё, что открывалось:
И школа первая, детсад и гастроном.
Мы каждым новым домом любовались:
Какое счастье поселиться в нём!
Деткомбинат, кинотеатр, Дом быта...
Как будто буднично, и всё же чудеса!
Ну, а железа столько тут добыто -
Что не стихи, поэмы бы писать!
Взгляните вечером на фабрику и рудник,
Прислушайтесь, что говорит руда...
Чего скрывать, подчас бывало трудно,
Но счастье не даётся без труда!

*Е. Грибова,
работник треста «Ковдорстрой», житель и
строитель г. Ковдора с марта 1954 года*

ЧАСТЬ 6

Тод пуска

Когда на крупной стройке наступает кульминация, а попросту - пусковой год, тогда в вышестоящей организации, как правило, много разговоров и беспокойства. Примерно в начале января руководство этой инстанции, подытожив ушедший год, даёт задание аппарату подготовить в короткий срок проект постановления или приказа - так сказать, программный документ на весь период до ввода объекта или комплекса объектов в эксплуатацию.

Как правило, в документе сначала подводятся неутешительные итоги, высказываются упреки в адрес руководителей стройки и их смежников, затем подробно расписывается, что и к какому сроку надлежит выполнить, кто и за что отвечает и т. д. Большинство положений этого документа, а он почти всегда длинный, с несколькими десятками пунктов и подпунктов, ложатся в основу организационно-технических мероприятий на весь пусковой год.

Но подготовить такой документ, продумать, подсчитать, обсудить, изложить на бумаге - это ещё начало дела. Предстоит ещё самая трудная процедура - согласование проекта, этого документа и получение виз (подписей) целого десятка, а то и более ответственных работников разных служб. Штука не простая, кто же, прежде чем поставить подпись, не постарается до предела урезать, сократить запись в свой адрес и не переложить на соседа? Идут жаркие дебаты, споры вокруг проекта документа с его составителем.

Наконец, после нескольких недель, а то и месяца, документ подписан и полетел по назначению. На стройке он воспринимается остро. Не выполнишь, головы не сносить. Ну, а болельщики из аппарата вышестоящей организации собираются где-нибудь в глухом конце коридора, долго курят, смакуют содержание документа, гадают и предвкушают. И до того это их захватывает, что несколько дней по такому случаю работа не идёт на ум.

В середине февраля 1962 года вышел в свет документ по строительству первой очереди Ковдорского горно-обогатительного комбината. Это было постановление Мурманского Совнархоза. Состояло оно из 17 пунктов, более двадцати подпунктов, шести приложений. Всего на 12 листах. Привожу выдержки из этого постановления:

«В 1961 году не выполнено задание по вводу в эксплуатацию первой очереди Ковдорского ГОКа на 1200 тысяч тонн железного концентрата. План капиталовложений в целом по комбинату за 1961 год выполнен на 84,2 процента, в том числе по объектам черной металлургии — на 58,3 процента. Выполнение плана строительно-монтажных работ составило 64,2 процента, в том числе по черной металлургии — 56,7 процента. Не выполнен план ввода жилой площади (89,0 процента).

Наряду с неудовлетворительной работой треста «Ковдорстрой» (управляющий т. Коноплев) плохо вели работы строительно-монтажные организации Министерства Строительства РСФСР.

Трест «Ковдорстрой» (т. Коноплев) и Ковдорский ГОК (т. Сараханов) не сосредоточили материальные и людские ресурсы на пусковых объектах, в результате чего был сорван ввод в эксплуатацию первой очереди ТЭЦ, мехмастерской, бытовых помещений и других объектов.

План января 1962 года по строймонтажным работам выполнен только на 54,3 процента, в том числе по объектам черной металлургии — на 52 процента. Особенно неудовлетворительно работали в январе 1962 года управления «Металлургия прокат-монтаж», «Стальмонтаж», «Сантехмонтаж».

В результате неудовлетворительной работы руководства Ковдорского комбината по защите и реализации фондов до сих пор объекты обогатительной фабрики не укомплектованы оборудованием.

СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать управление строительства и промышленности стройматериалов (т.т. Колпакова, Жарницкого), управление горно-металлургической промышленности (т.т. Ильичева, Ефимова), трест «Ковдорстрой» (т.т. Коноплева, Лободина), Ковдорский горно-обогатительный комбинат (т.т. Сараханова, Сухачева) обеспечить безусловный ввод в эксплуатацию в июне 1962 года первой очереди Ковдорского горно-обогатительного комбината на 1200 тыс. тонн железного концентрата.

Управлениям и отделам Совнархоза в первом полугодии 1962 года обеспечить трест «Ковдорстрой» и Ковдорский горно-обогатительный комбинат рабочими, а также материалами, оборудованием, транспортом впереди других предприятий и строек Совнархоза.

11. Установить срок опробования под нагрузкой цитки дробления, включая перегрузочный узел № 1 — май 1962 года.

13. Обязать трест «Ковдорстрой» (т. Коноплева) и Ковдорский ГОК (т. Сараханова) обеспечить ввод в эксплуатацию первой очереди ТЭЦ комбината (котел № 1 и турбина № 1) — в марте 1962 года, второй очереди ТЭЦ (котел № 2 и турбины № 2) — в июне 1962 года.

14. Обязать управление рабочего снабжения (т. Редько), ОРС Ковдорского ГОКа (т. Уздина) в течение февраля 1962 года значительно улучшить торговлю и общественное питание населения поселка Ковдор и обеспечить бесперебойное снабжение вновь прибывающих работников и членов их семей.

16. Возложить персональную ответственность за своевременный ввод в эксплуатацию первой очереди Ковдорского ГОКа на

Председатель Совета народного хозяйства В. ШЛЫКОВА,
директора комбината т. Сараханова и управляющего трестом «Ковдорстрой» т. Коноплева.

К началу 1962 года были уже на выходе новые мощности Череповецкого металлургического завода, рассчитанные на ковдорский железный концентрат. Всё, что предстояло, всё, что нужно было сделать и строителям, и заказчику, было в основном сформулировано в вышеуказанном постановлении Мурманского Совнархоза.

Кроме самих ковдорских строителей на площадке работало ещё четырнадцать субподрядных организаций. Этим же постановлением предписывалось направить в Ковдор с разных строек и монтажных организаций области более тысячи рабочих. А с промышленных предприятий - обучить и направить для пополнения коллектива комбината 200 рабочих и специалистов из числа инженерно-технических работников. Куроптскому леспромхозу поручалось произвести вырубку леса и очистку площади под хвостохранилище отходов обогащения железной руды. Но нужно же было куда-то принимать и расселять прибывающих рабочих и специалистов. И в одном из приложений к постановлению Совнархоза устанавливались жёсткие сроки ввода в эксплуатацию целого ряда объектов для поселения в них прибывших рабочих. В частности, кроме жилых домов предписывалось заселить помещение аптеки, зданий центрального бытового корпуса фабрики, раскомандировочной рудника, детсады, два деревянных дома в подсобном хозяйстве и так далее. А потом прибыл целый состав пассажирских вагонов, в них размещались командированные монтажники.

Уже в мае предстояло опробовать под нагрузкой нитку дробления. Иными словами, предстояло смонтировать, наладить и пустить в действие оборудование корпусов крупного, среднего и мелкого дробления, частично корпуса обогащения, конвейера между этими корпусами и перегрузочный узел № 1. Это был огромный объём строительно-монтажных работ и тяжелейшая задача заказчика по обеспечению оборудованием, кабельной продукцией и многим другим.

В Ковдоре к тому времени трудилось около 2500 рабочих, а нужно было в короткий срок довести их численность до 4000. И всех прибывших надо принять, обеспечить всем необходимым, создать относительные человеческие условия для нормальной жизни. Это было немыслимо без большой организационно-партийной и воспитательной работы в непрерывно пополнявшемся составе коллективов строителей, субподрядных организаций, заказчика.

И нужно сказать, что, несмотря на все сложности и трудности, дело было поставлено неплохо.

С предельной нагрузкой работали партийная, профсоюзная, комсомольская организации стройки. Мы постоянно ощущали большую помощь Кировского горкома КПСС и областных организаций. Секретари горкома, а нередко и обкома партии, не говоря уже о рабочих других рангов, по несколько недель находились в Ковдоре, проводили много времени на строительных площадках, в бригадах, общежитиях, выступали с лекциями, докладами, помогали и в пропагандистской работе.

Это была подчас незаметная, невидимая, но очень важная работа с людьми, где закладывались и формировались основы производственных успехов. Много времени прошло. Но и сегодня можно было бы назвать многих и многих из тех, кто находился тогда на переднем крае - организовывал, направлял и непосредственно выполнял огромную и многотрудную работу.

Все, кто были тогда заняты на стройке, на солнышко не поглядывали, времени не считали. Каждый от рядового рабочего до управляющего трестом знал, что ковдорский железный концентрат ждут, очень ждут в Череповце. Вот-вот будет задута новая домна. И если не ввести вовремя в эксплуатацию обогатительную фабрику, то эти мощности, на которые затрачены миллионы государственных средств, будут простаивать. И страна не получит машины, тракторы и многое другое. Каждый ощущал свой гражданский, партийный долг перед Родиной, которая ещё продолжала залечивать раны, нанесённые войной.

Я здесь говорил о той важной организаторской, идеологической и воспитательной работе, которая проводилась на стройке в 1962 году - пусковом году, без чего немыслимы были никакие производственные успехи и конечный результат - ввод в эксплуатацию первой очереди Ковдорского горно-обогатительного комбината. Но это происходило, как говорится, в апогее, в период наибольшего напряжения, когда шла со всех сторон помощь и поддержка.

Но куда сложнее, куда труднее было закладывать основы этой работы во время формирования коллективов треста - в начале шестидесятых годов. И здесь мне хочется сказать о человеке, на плечи которого и легла основная тяжесть в организации этой работы. О человеке необыкновенной энергии, волевым, но чутким и внимательным к людям, о коммунисте Арсении Алексеевиче Овчин-

никове. Приехал он к нам по рекомендации Кировского горкома партии в 1959 году. Вскоре был избран секретарём партийного бюро треста. Тогда ещё парткома не было.

Посёлок Ковдор. 1957-1958 гг.

Рабочий день Овчинникова начинался не в кабинете, а на строительной площадке. Сегодня в одной бригаде на «Жилстрое», завтра в другой. Потом на другом участке. И так постоянно во всех подразделениях треста. В этом он видел свою главную партийную работу.

Приходил на объект к началу дня в бригаде, не вмешивался в организацию труда коллектива, не отрывал бригадира и мастера. Но в течение 30-40 минут незаметно успевал переговорить с кем нужно, выслушать просьбы и претензии рабочих, успевал сделать, как он говорил, «свою фотографию организации труда в бригаде». В тресте коротко, как бы на ходу, говорил диспетчеру, где, что плохого подметил: отсутствие материалов, несвоевременный выход механизмов, неподготовленность фронта работ и т. д., и шёл заниматься своими партийными делами.

До 11 часов к нему никто не звонил, никто не заходил, все знали: Овчинников на стройке. Он был досконально в курсе, где, что делается, каково настроение в бригаде, какой руководитель болеет за дело, за людей, а какой любит долго спать, только путается под ногами. Когда кто-нибудь, не сведущий в его стиле, говорил: как это так, что до обеда днём с огнем не найдешь секретаря партбюро в управлении треста, он на это отвечал так:

- А скажите, пожалуйста, что делать утром в управлении парторгу или председателю стройкома? За телефонные трубки хвататься? А кто из подразделений звонит в такую рань, когда в эти часы всё руководители тоже на объектах. Значит, - продолжал он, - и руководителям общественных организаций с утра место там, среди людей.

Когда начиналось очередное заседание партийного бюро, то прежде, чем перейти к обсуждению повестки дня, Овчинников делал краткий, но очень содержательный обзор состояния дел на стройке и называл фамилии тех руководителей, которые плохо относятся к порученному им делу и не заботятся о рабочем человеке. Впечатление это производило сильное. Перепадало и руководителям треста, не исключая и управляющего. Возражать Овчинникову было невозможно.

Такой стиль работы секретаря партийной организации вынуждал каждого руководителя от бригадира до управляющего быть подтянутым, исполнительным, дисциплинированным, заботиться о людях. И это приносило плоды.

В пусковом 1962 году Арсений Алексеевич в тресте уже не работал. Но по черк его чувствовался во многом. О напряжении, о трудовом накале, о темпах работ, царивших в том году на строительстве комбината, можно было бы рассказать много, но я остановлюсь только на одном характерном штрихе, который, думаю, будет интересен не только как исторический факт.

На корпусе среднего и мелкого дробления, где работы велись одновременно на всех перекрытиях, отставали с бетонированием мощной железобетонной плиты. А сроки подпирали. На этой плите надлежало монтировать тяжёлое и сложное оборудование, монтажники справедливо требовали фронта работ.

Когда, наконец, смежники закончили земляные работы, нужно было ещё связать сложную и мощную арматуру, где применялись 40-миллиметровые стержни. На это тоже ушло много времени. Собственно, для бетонных работ оставалось всего три дня, точнее, трое суток. Никто ни одного лишнего часа не давал, настолько был плотный график совмещённых строительных и монтажных работ. И надлежало за три дня на небольшой площади уложить 1200 кубометров бетона, в довольно стеснённых условиях. Строители с этим справились, и справились блестяще.

Организовал и руководил, и вообще отвечал за этот объект, мастер Василий Григорьевич Марченко, ныне заместитель главного инженера ОКСа ГОКа «Ковдорслюда». А непосредственным исполнителем была бригада Василия Ивановича Горшкова, бессменного бригадира на строительстве объектов Ковдорского ГОКа уже 20 лет. О нём, о его коллективе речь впереди.

В июле 1962 года были закончены монтаж корпуса крупного, среднего и мелкого дробления, галерей №№ 1, 2, 3, 4, перегрузочного узла № 1 и значительной части помольного оборудования в главном корпусе. Таким образом, нитка дробления практически была подготовлена к эксплуатации, и можно уже было давать дроблёную руду - для обогащения. А в летнее время можно отгружать железный концентрат в Череповец, минуя стадию сушки.

Но в корпусе обогащения ещё не всё было сделано. А постановлением Совнархоза подписывалось в июне ввести весь комплекс первой очереди в эксплуатацию. И строители, монтажники и заказчики делали всё для того, чтобы ввести комплекс в этот срок. Но не только от них это зависело. Не хватало рабочих, механизмов, материалов и, особенно, нужных профилей арматурной стали. Не хватало и части оборудования. Но Череповец не мог ждать. Там нужен был ковдорский концентрат. Заменить его было нечем.

После обсуждения обстановки на всех уровнях было принято, как говорится, соломоново решение: отгружать в Череповец дробленую железную руду. А срок ввода комплекса перенести на конец года.

5 сентября 1962 года Ковдорский ГОК отгрузил первый эшелон дроблёной железной руды Череповецкому металлургическому заводу. С этого момента в Череповец постоянно шли эшелоны с рудой.

НАЧАЛАСЬ ПРОБНАЯ ПОГРУЗКА ЖЕЛЕЗНОГО КОНЦЕНТРАТА

На обогатительной фабрике горнообогатительного комбината продолжалась наладка технологии производства, в ходе которой был решен вопрос обезвоживания концентрата.

5 сентября 1962 года началась пробная погрузка концентрата, и погружены его первые 300 тонн.

На днях будет отправлен первый эшелон железного концентрата Череповецкому металлургическому заводу.

Заметка из г. «Рудный Ковдор» от 8 сентября 1962 г. № 8

В августе были закончены строительные и монтажные работы на галереях №№ 10-14, перегрузочном узле № 2, многие этапы в корпусе обогащения, на насосной хвостового хозяйства, производственного водоснабжения, футеровались два котла ТЭЦ, без которых немислима была работа комплекса с наступлением зимы.

Важный строительный объект - обогатительный комплекс КГОКа

К декабрю уже вырисовывалась готовность к эксплуатации всего комплекса. Но корпус сушки в проектном исполнении невозможно было закончить. А сырой концентрат зимой не отгрузишь. Он смерзается, и его потом перфоратором не возьмёшь. Отдельные такие случаи на переходе с осени позднее иногда случались, и это приводило к огромным простоям вагонов в Череповце. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Значит, нужно было отправлять только сухой концентрат. И снова пошли на отступление, на паллиативное решение: вместо кирпичных стен, предусмотренных проектом - решили установить щиты усиленного профиля волнистого шифера.

Все, конечно, знали, что в таком помещении тепло не удержать, что это только защита от ветра да снега. Но выхода другого не было. В невыносимо тяжёлых условиях пришлось зимой работать людям. Строители в корпус сушки боялись заходить, пока не заменили шифер проектными стеновыми материалами.

На исходе декабря 1962 года Государственная комиссия приняла обогатительную фабрику и рудник в эксплуатацию с годовой производительностью три миллиона железной руды и один миллион двести тысяч тонн железного концентрата.

В этом же году были введены в эксплуатацию два котла по 35 тонн пара в час каждый, две турбины по 4 тысячи киловатт - на ТЭЦ, Гирвасский (Ковдорский) лесопункт и 6000 квадратных метров жилплощади.

Это была очень трудная, очень сложная и самая важная, самая дорогая трудовая победа всех, кто тогда трудился в Ковдоре. И не только в Ковдоре.

И снова приходят на память отдельные эпизоды и случаи напряжённого труда и жизни тех лет, когда приходилось сутками не бывать дома, хотя и работали совсем рядом - по ту сторону озера. А эпизодов и случаев всяких было много. Но прежде хочется сказать об организаторской деятельности штаба стройки.

В 1962 году директором Ковдорского ГОКа был Георгий Александрович Голованов, ныне Герой Социалистического труда, доктор технических наук, директор производственного объединения «Апатит». Прибыл он в Ковдор из Оленегорска, где работал главным инженером комбината. В Ковдоре он был назначен начальником пускового комплекса, а его заместителем - управляющий трестом А. П. Коноплёв.

Я тогда работал директором комбината производственных предприятий треста (КПП) и мне приходилось постоянно общаться не только со всем руководством, но и с начальником пускового комплекса. Постоянно, раз в неделю, присутствовал на оперативных совещаниях. Народу собиралось много, человек за тридцать, а то и больше. Здесь и строители, и монтажники, работники разных служб, заказчики, представители областных проектных организаций. И кого там только не было. Совещания эти проводил Голованов, справа от него сидел Коноплёв.

Строительная оперативка, как правило, многочисленная, шумная, длинная, где нередко курят, дымят, переговариваются. Вести такую оперативку в деловом темпе не так просто. Председательствующий должен обладать целым рядом качеств и, обязательно, юмором. Без этого он и сам измучается и присутствующие устанут. Да и делового разговора не получится. Думаю, что о строительной оперативке как-нибудь следует рассказать особо.

Когда Голованов заходил в большой просторный кабинет управляющего трестом, то всегда и все уже сидели на местах. Опоздание прощалось только один раз. Голованов проходил от дверей до стола всегда чисто до синевы выбритый (что за многими тогда не водилось, не до этого было), подтянутый. Улыбался очень редко. В кабинете никто не перешептывался, не сидел развалясь, каждый держал на коленях блокнот или тетрадь.

О куреве никто и не помышлял, и лишь кое-где слышалось негромкое... похрапывание. Ведь люди приходили на оперативку после двух, а то и трёх рабочих смен. Но такие вольности прощались. Чуть что, сосед легонько локтём толкнёт, товарищ вскинет голову, ошалело оглянется. Приходится повторить вопрос, и сосед обязательно подскажет. Нередко ответы были невпопад. Тут Голованов еле заметно улыбнётся, ещё раз терпеливо повторит вопрос, и оперативка продолжается. Особенно часто засыпал на оперативках начальник отдела снабжения А. Л. Пеганов. Оно и понятно, ему доставалось.

Вопросы на оперативках решались быстро, лаконично, по-деловому. Если кто вдруг начинал разглагольствовать, валить вину на соседа, ему корректно предлагали выйти за дверь. В лучшем случае - сесть и подумать. И в следующий раз докладывать кратко и отвечать только за себя. Словом, оперативки проходили быстро и по-деловому.

В эти и многие последующие годы, заместителем директора комбината по капитальному строительству был В. М. Новиков. Строитель многоопытный, деловой, справедливый. Пожилой, степенный. Работать рядом с ним было одно удовольствие.

Я много лет был начальником строительного участка, постоянно общался с Василием Михайловичем и не помню случая, чтобы хоть раз ушёл от него неудовлетворённым решением. Не любил он страшно тех, кто пытался получить деньги за невыполненную работу. Разоблачал задумки хапунов сразу и уже никогда этого не прощал. Так и говорил: паразиты. Нередко он этот термин употреблял и с другой интонацией: «Ох, и работает же, паразит, хорошо!». Все строители глубоко уважали Василия Михайловича.

Шла очередная оперативка. Один из новых начальников монтажного участка заявляет Голованову: «Трубы на таком-то участке укладывать не буду, мне за предыдущий участок Новиков не заплатил». Голованов пытливо посмотрел на этого молодого человека, сделал паузу и, обращаясь к Новикову, сказал:

- Василий Михайлович, оплатите за уложенные трубы. Новиков возмутился, вскочил.

- Георгий Александрович, трубы он только разбросал, и то не полностью, я ему уже 25 процентов стоимости оплатил. И то знаю, что лишнего.

- Василий Михайлович, оплатите за весь участок, - повторил Голованов.

- Георгий Александрович, это наглость с его стороны, ни копейки ему больше не уплачу, пока их не уложит.

- Василий Михайлович, либо вы оплатите за весь участок, либо мы больше с вами работать не будем!

Новиков медленно сел, сник. И так стало жаль этого уважаемого и справедливого человека. А петух-победитель сидел гоголем и горделиво улыбался. Дес-

коть, во, как я его, этого старого, посадил. Голованов знал, что молодой наглец решил получить незаработанные деньги, но это был очень ответственный и отстающий участок, и если согласиться со справедливым мнением В. М. Новикова - значит дать повод тянуть укладку труб и дальше. А так руководитель монтажников вынужден был назвать срок выполнения этой работы в установленное графиком время. Недолго он пробыл в Ковдоре, вскоре вынужден был уехать. Такие здесь не приживались.

Я уже говорил, что жилья не хватало. Временно приспособили под гостиницу целый состав пассажирских вагонов. Там жили командированные монтажники и инженерно-технические работники. На праздники, кажется, майские, почти все разъехались по домам. Вагоны стояли около ТЭЦ.

И вот ватага мальчишек решила поупражняться. Стёкла, как известно, дело звонкое, эффектное. Прошлись они коллективно камнями по всем вагонам, не оставив целым ни одного стекла.

Когда об этом узнала и прибежала на место начальник ЖКК Е. А. Фацино, у неё случился сердечный приступ. Еле отходили. Уже утром у вагонов появились родители малолетних весельчаков. Не умели воспитывать - пришлось переквалифицироваться в стекольщиков. Екатерина Алексеевна являлась основоположником жилищно-коммунальной службы в Ковдоре. Достойный и уважаемый человек.

Хочу остановиться ещё на одном эпизоде. Комбинат начал выдавать продукцию, но не всё оборудование к моменту ввода его в эксплуатацию было поставлено, не всё смонтировано, многое ещё требовало соответствующей доводки.

Не были смонтированы фильтроуловители гари и концентрата от сушильных барабанов корпуса сушилки. Страшная, чёрная копоть с мелкими частицами сухого железного концентрата осаждалась кругом, и вскоре вся территория вокруг фабрики и далеко за ней почернела.

ЧАСТЬ 7

Первые годы после пущка

И в посёлке ни за что нельзя было взяться руками. Силикатный кирпич и тот чернел. Бывало, около фабрики встретятся два человека, останутся, глянут друг на друга и хохочут. Или идёт молодая женщина с подведёнными бровями, губы накрашенные, а по лицу во всех направлениях - чёрные полосы. И смех, и грех. Сажа проникала во все поры. Достаточно лёгкого прикосновения пальцем, и вот уже широкая чёрная полоса через всё лицо. Вот и смеются встречающиеся.

Весной в радиусе полутора километров от фабрики, в том числе и в парковой зоне вокруг посёлка, нельзя было присесть на траву. Года три потом ещё снег и дождь смывали грязь. Специалисты говорили, что в ту зиму 1962-1963 годов каждые сутки улетало в трубу около семи тонн железного концентрата. Мощности осваивались, набирал силу комбинат, креп его коллектив, в том числе и за счёт строителей, многие из которых пожелали перейти работать в комбинат. И пошёл в Череповец эшелон за эшелонами уже не с железной рудой, а с высококачественным сухим ковдорским концентратом.

Партия и правительство высоко оценили труд строителей, монтажников, проектировщиков и эксплуатационников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июня 1963 года 5 человек были награждены орденом Ленина, 11 - орденом Трудового Красного Знамени, 19 - орденом «Знак Почёта» и 55 - медалями «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие». Символично, что этот Указ был подписан Леонидом Ильичём Брежневым.

И ещё один документ. Думаю, его стоит привести полностью.

Партия и правительство высоко оценили труд строителей, монтажников, проектировщиков и эксплуатационников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июня 1963 года 5 человек были награждены орденом Ленина, 11 — орденом Трудового Красного Знамени, 19 — орденом «Знак Почета» и 55 — медалями «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие». Символично, что этот Указ был подписан Леонидом Ильичем Брежневым.

И еще один документ. Думаю, его стоит привести полностью.

«Распоряжение от 30 декабря 1962 г.

1. Акт государственной комиссии от 29 декабря 1962 года по приемке в эксплуатацию законченных строительством в 1962 году объектов пускового комплекса Ковдорского горно-обогатительного комбината, утвердить с вводом в действие:

рудника и обогатительной фабрики мощностью по добыче и переработке 3000 тысяч тонн сырой руды в год;

ТЭЦ в составе 2-х котлов общей мощностью 70 тонн пара в час в турбины установленной мощности 4000 кВт.

2. Управлению строительства и промышленной материальной (т.т. Колпакову, Коноплеву) и Управлению горно-металлургической промышленности (т.т. Саямонову, Голоданову) устранить недоделки по вводимым в эксплуатацию объектам в объемах и сроки, указанные в акте государственной комиссии.

3. Фактические затраты по состоянию на 1 января 1963 года по объектам ТЭЦ передать с баланса Ковдорского горно-обогатительного комбината Управлению горно-металлургической промышленности на баланс РУ «Колэнерго».

Председатель совета народного хозяйства

В. ШЛЫКОВ».

Наступил 1963 год. Прежнее рудоуправление уже превратилось в действующий горно-обогатительный комбинат. Добывали железную руду, перерабатывали её на только что введённой в эксплуатацию обогатительной фабрике, выпускали хорошего качества сухой железный концентрат, который всё нарастающим потоком шёл на Череповецкий металлургический завод.

Трудно было на первых порах коллективу комбината, ох как трудно. Ведь не всё ещё было сделано строителями для нормальной работы фабрики. Многое тут же, около действующего оборудования, доделывалось и, чего греха таить, - переделывалось. Многое и переделывали, и совершенствовали службы комбината. В общем, дела в коллективе постепенно налаживались.

Совсем иное положение складывалось у строителей. Ещё нужно было за 1963 и 1964 годы ввести в эксплуатацию вторую очередь комбината такой же мощности, как и первая, а в основном предстоял монтаж оборудования в уже построенных корпусах. Из новых же крупных объектов оставалось построить только склад дроблёной руды, троллейвозное депо и ряд небольших помещений. Становилось ясно, что коллектив треста на этих объектах не занять.

Понимали это все, в том числе и рабочие. И многие начали подыскивать себе работу в комбинате. То есть, коллектив комбината пополнялся уже проверенными, надёжными людьми, которые к тому же имели жилплощадь и обросли хозяйством для нормальной жизни, труда. Это в значительной степени содействовало становлению нового коллектива.

И всё-таки как-то было обидно, что уходили из треста обученные, можно сказать, лучшие кадры. И не по одному-два, а по несколько человек из бригады. Уходили не только рядовые рабочие, но и бригадиры, такие, как Б. Е. Карасюк и другие. Некоторые инженерно-технические работники и служащие - тоже. Люди понимали, что в новом коллективе они будут обеспечены заработком, перспективой на улучшение жилплощади, детским садом, школой. А что мы могли им обещать?

Программа треста резко снижалась, численность рабочих и служащих сокращалась. Пока, как говорится, суд да дело, пока прояснится перспектива увеличения объёмов работ, предстоят бесконечные командировки на другие стройки области, а то и переезд на постоянную работу. А там всё начинай сначала. Вот и шли люди в комбинат, и не только туда.

Уже на протяжении многих лет дела со строительством в нашей области складываются так, что, если, к примеру, в Ковдоре идёт интенсивное наращивание мощностей, то на Оленегорском ГОКе в это время объёмы строительно-монтажных работ снижаются. Да и вот, на глазах нынешних читателей газеты, в три раза за последние несколько лет возросла программа треста «Кольстрой» на Мончегорском комбинате «Североникель». А ещё недавно там было относительно затишье. В Ковдоре же три последних года программа треста сохраняется на одном уровне, хотя и здесь, конечно, работ хватает, каждый год ввод новых мощностей. Тем не менее, приходится помогать соседу - тресту «Кольстрой» - и людьми, и механизмами, и даже самим выполнять там на два миллиона рублей строительно-монтажных работ. В масштабе области так легче оперировать и людскими, и материальными ресурсами.

Так было и тогда, почти двадцать лет тому назад, когда мы, как принято говорить у строителей, «штурмовали в Ковдоре». А в это же время в городе Заполярном, в тресте «Печенганикельстрой» и других строительных организациях области было относительно затишье, и они помогали нам, когда же в 1963 году начался спад программы в Ковдоре, возросло напряжение на строительстве Ждановского ГОКа в Заполярном. Начали всем миром помогать тресту «Печенганикельстрой».

В январе 1963 года уехал в Заполярный начальник строительного-монтажного управления И. В. Угаров, возглавлявший в Ковдоре строительство обогатительной фабрики. На место Угарова начальником участка «Промстрой» была назначена М. П. Романова. Мария Петровна, которая до сих пор работает в нашем коллективе, теперь возглавляет отдел труда и заработной платы треста.

Поехали в Заполярный в командировку две бригады рабочих. Но все знали, что это только начало, так как программа строительного-монтажных работ в 1964 году в Ковдоре ещё снизится.

Единственный заказчик - Ковдорский ГОК - осваивал мощности, введённые в 1962 году, предстояло ещё осваивать мощности 1963 и 1964 годов. Дальнейшее расширение комбината оставалось в перспективе, не было подкреплено ни технической документацией, ни капиталовложениями. И всё равно не за горами была третья очередь расширения ГОКа, и нужно было во что бы то ни стало сохранить коллектив треста. Уж если невозможно сохранить его численно, то хотя бы трест как единицу. Нарращивать коллектив легче, чем создавать его вновь. Понимали ситуацию и в областных инстанциях, думали над этим.

С января 1963 года тресту были приданы Кандалакшское строительное-монтажное управление (до этого подчинявшееся непосредственно управлению строительства Мурманского совнархоза), Князегубский хозрасчётный строительный участок этого СМУ (находившийся в посёлке Зеленоборский, вскоре преобразованный в Князегубский СМУ). Программа треста значительно возросла. Трест-площадка, занятый работами только в Ковдоре, преобразовался в территориальный трест, чьи подразделения и строящиеся объекты отстояли более чем на 200 километров от Ковдора, почти на границе области с Карельской АССР.

До 1963 года тогдашнее Ёнское рудоуправление строительные работы на своих рудниках вело собственными силами. До ввода в эксплуатацию первой очереди Ковдорского ГОКа трест отказывался принимать на себя строительные работы для слюдодобытчиков. Теперь же жизнь заставила нас выполнять и их заказы.

Организовали Ёнский строительный участок. Первым его руководителем стал Иван Павлович Спиринов. На его долю достались все организационные трудности и невзгоды на новом месте. Таким образом, с 1963 года трест вёл работы в Ковдоре, Ёне, Кандалакше, в посёлке Зеленоборский (Нотозерский леспромхоз), строил объекты ретранслятора радиорелейной линии на самом юге области (станция Ковда), а позднее приступил к строительству крупной нефтебазы на станции Белое Море, в 20 километрах южнее Кандалакши.

Передача Кандалакшского СМУ произошла в основном для того, чтобы за счёт объектов, планировавшихся этому СМУ, несколько лет поддержать про-

грамму треста на определённом уровне и сохранить трест как единицу. Но были и другие причины.

В тот период в стране происходило изменение структуры руководства народным хозяйством. Прекращал свою деятельность Мурманский совнархоз и входившее в его состав управление строительства. Строительные организации области передавались в подчинение Главного управления по строительству в Ленинградской (без Ленинграда), Псковской, Новгородской, Вологодской областях - «Главзапстрой». По той же причине нужно было к какому-то тресту приписать Кандалакшское СМУ (до этого самостоятельное), вот и передали его нам.

Так как «Главзапстрой» осуществлял строительство в пяти областях, и самая отдалённая от Ленинграда была Мурманская, руководить которой на таком расстоянии было сложно, то в июле 1963 года было образовано так называемое Мурманское управление строительства «Главзапстрой». Коллектив небольшой, решать он мог только чисто оперативные вопросы, для чего и предназначался. В основном занимался только мурманскими городскими трестами. Возглавлял его опытный строитель Константин Васильевич Челбин, впоследствии ставший управляющим нашим трестом.

За полгода изменились установки по развитию базы рыбной промышленности, других отраслей областного центра и самого города Мурманска. Стало ясно, что при существовавшей на тот момент структуре строительства в области эти задачи не выполнить. И в начале 1964 года приказом министра строительства РСФСР было образовано отдельное Главное управление по строительству в городе Мурманске - «Главмурманстрой». Мурманские строительные организации перешли в подчинение этого Главка, а территориальные тресты области оставались в составе «Главзапстрой».

Я так пространно рассказываю для того, чтобы читатель мог себе представить все те сложности и трудности, с которыми пришлось тогда столкнуться коллективу треста. Бесперывно менялась структура в самом тресте и вышестоящих инстанциях.

К тому же, по Ковдору сокращались объёмы строительно-монтажных работ, строительные управления преобразовывались в строительные участки, с прямым подчинением тресту. Высвобождались инженерно-технические работники и служащие.

Часть из них можно было бы перевести в Кандалакшское и новое Князегубское СМУ. Но, во-первых, там было трудно с жильём, а во-вторых, там ниже поясной коэффициент и размеры полярных надбавок. Да и после окончания строительства нефтебазы и четырёх жилых домов на станции Белое Море строительное управление подлежало расформированию. Как видим, тоже кадровая проблема. Представлялась возможность часть высвободившихся работников направлять в трест «Печенганикельстрой», где росли объёмы работ. Но опять «чужой» коллектив. Как ещё там найдёшь себя?

Словом, большинство стремилось и дальше оставаться в Ковдоре. А сокращать людей надо. И думать о них, об их семьях тоже нужно. Искали им работу, договаривались, давали характеристики, помогали перевозить имущество. Но это была только одна сторона трудностей.

В тресте стало два строительного-монтажных управления - Кандалакшское и Княжегубское, четыре ковдорских строительных участка, подчинявшихся непосредственно тресту, один из них за 50 километров от Ковдора, в Ёне, два комбината производственных предприятий (КПП) в Ковдоре и Кандалакше, три жилищно-коммунальных конторы и автотранспортная контора с тремя автоколлоннами в разных пунктах.

Обстоятельства требовали объединить ковдорские строительные участки в одно СМУ; это значительно облегчило бы работу треста на Ковдорской строительной площадке и дало возможность больше уделять внимания дальним управлениям. Но кто при спаде программы и при сокращении численности административно-технического персонала даст лимиты на образование нового СМУ? Никто, конечно, и слышать о преобразовании не хотел. Хоть проси, хоть плачь. И вот, при разбросанности объектов на 200 километров, со штабом в одном конце - тупике - этой территории, без автомобильных дорог, практически без телефонной связи, нужно было обеспечивать надлежащее руководство работой множества подразделений треста.

В довершение ко всему нельзя было создать единые общественные организации треста - партком, стройком, комитет комсомола, поскольку подразделения треста располагались на территории двух административных районов - Кировского и Кандалакшского. Так и было: два парткома, два стройкома, два комитета ВЛКСМ. И возникали вопросы, доходившие подчас до курьёза: то руководителям Кандалакши покажется, что трест уделяет больше внимания Ковдору. То, наоборот, кировские товарищи говорят, что, когда бы в трест ни позвонил, когда бы в Ковдор ни приехал, никогда там никого нет, все в Кандалакше, в Белом Море. И вот, то в Кандалакшу, то в Кировск вызывают управляющего, руководителей общественных организаций треста и соответственно «воспитывают» их.

Так и разъезжал управляющий трестом то в Ленинград, то в Кировск, то в Кандалакшу, то в Мурманск. А нужно же было ему ещё присутствовать на заседаниях бюро своих ковдорской и кандалакшской партийных организаций, на заседаниях стройкомов. Потому и был он не частым гостем в управлении треста и в семье. Облегчало в некоторой степени работу треста только то, что коллектив Кандалакшского СМУ был стабильный, работоспособный, с закрепившимися кадрами и стал своеобразной базой треста в его южных подразделениях. В своё время этот коллектив был создан на базе бывшего треста «Кандалакшстрой», возводившего алюминиевый завод.

Трудности трудностями, а новая структура и организация коллектива постепенно отлаживалась, дела улучшались. По меньшей мере, половина аппарата треста находилась в своих южных подразделениях. В Кандалакше оборудовали собственную гостиницу, жили там месяцами все от руководителя до рядовых работников. Бывало, зайдешь в какой-нибудь отдел управления треста, а там ни души: кто в Ёне, кто в Кандалакше, кто в Белом Море. Так и работали.

А история, между прочим, повторяется. Сегодня уже почти официально известно, что Кандалакшское СМУ с 1 января 1981 года снова переходит в подчинение нашего треста.

В IV квартале 1963 года были введены в эксплуатацию новые мощности на Ковдорском ГОКе - на один миллион тонн железной руды и 400 тысяч тонн железного концентрата. Это была первая часть второй очереди комбината, остальное надлежало ввести в 1964 году. Были построены также детсад-ясли комбината, мощности на Гирвасском лесопункте Куроптского леспромхоза, мощности на Кандалакшском авторемонтном заводе, школа в Кандалакше и 21107 квадратных метров жилплощади.

Когда пишут, говорят о строителях, то имеют в виду в первую очередь тех, чей труд на виду. Удобнее показывать их по телевидению на фоне растущих этажей зданий, сотен метров трубопроводов, мачт опор электропередач и так далее. Это выглядит более впечатляюще. Пожалуй, так и должно быть. Однако подчас обидно бывает за работников, как принято говорить, тыла. Они как бы в тени. Мимо них проходят, мало замечают. Да и то - подсобники, опять же не на переднем крае.

Вот мне и хочется рассказать о целом коллективе так называемых тылови-ков, без труда которых строитель и на копейку ничего не сделает. Речь пойдет о коллективе комбината производственных предприятий (КПП), о тех, кто производит и поставляет на стройку раствор, бетон, конструкции, окна, двери и многое другое, без чего стройке не быть.

А. В. Косарчук

Послесловие

За большой личный вклад в развитие города Ковдора, активную общественную работу, участие в коммунистическом воспитании молодёжи и в честь 25-летия Ковдора решением исполнительного комитета Ковдорского городского Совета народных депутатов Мурманской области от 9 июня 1978 года А. В. Косарчуку было присвоено звание «Почётный гражданин города Ковдора».

Между 1978 и 2023 гг. - ровно 45 лет. А Ковдору в этом году исполнилось 70.

И эта книга - подарок городу на юбилей от библиотекарей, музейных работников, краеведов, учащихся. Популярная когда-то рубрика «Рассказ - газета» из многотиражки «Рудный Ковдор» наконец стала печатным изданием!!

Нашли чем удивить, скажете! Всё это давно можно прочитать в интернете, на персональном сайте В. П. Петина «Ковдор - открытый город». Да, так. И не совсем так. Изначально газетные материалы полностью оцифровала и систематизировала библиотекарь Т. Ю. Чистякова. Планировалось, что мемуары станут первой частью историко-краеведческого издания «Ковдор. Большая история маленького города», что вышло в свет в 2018 году. По факту же в книгу вошла только треть «исходника». Всего 38 страниц.

А краевед Петин опубликовал воспоминания целиком. Плюс добавил фото и документы из собрания Ковдорского краеведческого музея и архива своего сайта. Однако кардинальной «чистки» текста, необходимой после перевода машинописи в текстовый формат, не было. Отсюда опечатки, пропуски букв и т. д.

Идём дальше. На протяжении 52 недель, с сентября 2021 г. по октябрь 2022 г., авторское сообщество «МАЛЕНЬКИЙ МУК» в социальной сети «ВКонтакте» знакомило читателей с историей Ковдора, так захватывающе описанной Александром Васильевичем. Прежние огрехи отредактировали. Появились дополнительные фотоматериалы. За это отдельное спасибо дочери летописца нашего «вчера», Ирине Александровне Косарчук, что вместе с сыновьями Дмитрием и Антоном проживает сейчас во Владимире. Весной 2023 года она передала в дар музею материалы об отце из семейного архива.

Итак, все части мемуаров теперь под одной обложкой. Ура-ура! Пора ставить точку. Но, думаю, здесь уместно будет привести отрывки из эссе Я. М. Махлина «Многотиражка за Полярным кругом, или Гиц ин паровоз»:

«У меня в подкорке отложилась мысль, что люди, так или иначе причастные к возникновению населённого пункта у озера Ковдор, порадуются каждому слову, зафиксировавшему события минувших лет. К сожалению, свидетелей прибытия первого поезда, а его собирались торжественно отметить 22 июня 1941 года, найти не удалось. Не получилось пообщаться с людьми, разбивавшими для нужд фронта свежеложенные рельсы.

С первостроителями повезло больше. Отряд заключённых, строивших вдоль берега полуострова железную дорогу, привезли весной 1953-го в Пинозеро. Расконвоированные составили первый слой ковдорской интеллигенции. Среди них - историограф строителей Александр Васильевич Косарчук, один из немногих

первопроходцев, кого получилось убедить засесть за воспоминания. «Рудный Ковдор» публиковал их из номера в номер несколько лет подряд. Ещё для «Ковдорчанина» осталось.

А факты привёл он, какие факты! Перед глазами танцы в первом капитальном здании посёлка - Доме культуры. Вижу аккуратные трубочки обоев на полу жилого дома, их накануне наклеили на стены. Или скандал в профкоме строителей? Вечером наиболее отличившимся вручили ордера на квартиры в доме со всеми удобствами. Утром пришли толпой их жёны. Наотрез отказались от подарка:

- Что это такое! Не дом, а плацкартный вагон. И вода, и туалет, и тепло - всегда пожалуйста! Если мужику не надо дров наколоть, печи натопить и воды принести, он от безделья сопьётся!».

Сейчас Якову Михайловичу 87 лет, живёт на Украине (или в Украине?). В августе 2023 года прислал мне письмо по электронной почте. Рассказал, как редактировали-печатали воспоминания А. В. Косарчука:

«Елена Санна! Вряд ли Вас чем обрадую. Контингент, прокладывавший ж/д от Пинозера, вскоре после 22 июня 41-го оказался в песчаном карьере под Ёной. Охранники переквалифицировались в партизан и диверсантов по финским тылам. Помнится, одного-двух удалось разговорить. А в тресте к увлечению начальника учебного пункта Косарчука относились подозрительно. И администрация, и партком считали, что он таким образом увиливает от обязанности ковать смену для бригадира Дробота. Да и Кировский горком смотрел косо, обвинял в разбазаривании газетной площади. Почти также, как за садоводов. И если бы не защита в лице зав. сектором печати обкома К. В. Полтева, я в «Рудном» вряд ли долго продержался. Поскольку и дирекция, и партком ГОКа не считали многотиражку важной для отчёта номенклатурой.

Вся грязная и неблагодарная работа по причёсыванию текстов легла на плечи Г. А. Котельниковой, машинистки. Поначалу я предварительно читал в рукописи. Потом перестал. А ведь Косарчук учился в украинской школе, неподалёку от тех мест, где я сейчас обитаю. Он так и не научился глаголы типа «жуёшь» или «даёшь» писать с мягким знаком на конце. На украинском мягкий знак не ставится. Что же касается ошибок в газете, которые Вам довелось исправлять, то будьте снисходительны к тогдашним техническим возможностям. Текст набирали на линотипах жительницы Кандалакши. Роскошь возить корректора с собой я не мог себе позволить. Вычитывая, обращал внимание не на «блохи», нет у меня корректорского зрения, а на смысл. Потому, например, деятельница ДК, впоследствии - орденосная сотрудница профкома, раз за разом появлялась в газете под псевдонимом КаМра, хотя по паспорту была КаИрой.

Так что некого, кроме Котельниковой, поощрять за Косарчука».

P.S. Остаётся добавить, что 30 мая 2023 года Галине Афанасьевне было вручено Благодарственное письмо Мурманской областной Думы. За существенный вклад в развитие журналистики в Ковдорском районе и в связи с 70-летием со дня основания города Ковдора.

Е. А. Бисаева

Библиография

1. Махлин, Я. Страница, не вошедшая в летопись / Я. Махлин // Рудный Ковдор. – 1989. – 20 янв. (№ 5-6). – С. 2.

2. Косарчук, А. В. Дата рождения: 1 июня 1953 года / А. В. Косарчук // Рудный Ковдор. – 1978. – 13 янв. (№ 3-4). – С. 1.

3. Косарчук, А. В. Первый год / А. В. Косарчук // Рудный Ковдор. – 1978. – 24 февр. (№ 15-16). – С. 3; 3 марта (№ 17-18). – С. 2; 10 марта (№ 19-20). – С. 3; 17 марта (№ 21-22). – С. 3; 24 марта (№ 23-24). – С. 3; 31 марта (№ 25-26). – С. 3; 7 апр. (№ 27-28). – С. 3; 14 апр. (№ 29-30). – С. 3; 21 апр. (№ 31-32). – С. 3; 28 апр. (№ 33-34). – С. 3; 5 мая (№ 35-36). – С. 3; 5 мая (№ 35-36). – С. 4.

4. Косарчук, А. В. Продолжение следует / А. В. Косарчук // Рудный Ковдор. – 1978. – 19 мая (№ 39-40). – С. 2; 26 мая (№ 41-42). – С. 3; 2 июня (№ 43-44). – С. 3; 9 июня (№ 45-46). – С. 3; 16 июня (№ 47-48). – С. 3; 23 июня (№ 49-50). – С. 2; 7 июля (№ 53-54). – С. 2; 14 июля (№ 55-56). – С. 3; 28 июля (№ 59-60). – С. 3.

5. Косарчук, А. В. Год за годом / А. В. Косарчук // Рудный Ковдор. – 1979. – 5 янв. (№ 1-2). – С. 3; 12 янв. (№ 3-4). – С. 3; 19 янв. (№ 5-6). – С. 3; 9 февр. (№ 11-12). – С. 3; 16 февр. (№ 13-14). – С. 3; 23 февр. (№ 15-16). – С. 3; 2 марта (№ 17-18). – С. 3; 7 марта (№ 19-20). – С. 3; 16 марта (№ 21-22). – С. 3; 23 марта (№ 23-24). – С. 3; 6 апр. (№ 27-28). – С. 3; 13 апр. (№ 29-30). – С. 3; 20 апр. (№ 31-32). – С. 3; 27 апр. (№ 33-34). – С. 6; 4 мая (№ 35-36). – С. 3; 4 мая (№ 35-36). – С. 4; 11 мая (№ 37-38). – С. 3; 18 мая (№ 39-40). – С. 3; 18 мая (№ 39-40). – С. 4; 1 июня (№ 43-44). – С. 3; 15 июня (№ 47-48). – С. 3; 6 июля (№ 52-53). – С. 3; 13 июля (№ 54-55). – С. 3; 3 авг. (№ 60-61). – С. 3; 10 авг. (№ 62-63). – С. 3; 24 авг. (№ 65-66). – С. 3.

6. Косарчук, А. В. Год пуска / А. В. Косарчук // Рудный Ковдор. – 1980. – 27 июня (№ 48). – С. 2; 4 июля (№ 49). – С. 2; 18 июля (№ 51-52). – С. 5; 15 авг. (№ 56). – С. 2.

7. Косарчук, А. В. Первые годы после пуска / А. В. Косарчук // Рудный Ковдор. – 1980. – 12 сент. (№ 63-64). – С. 3; 19 сент. (№ 65-66). – С. 3; 3 окт. (№ 69-70). – С. 4.

Список сокращений

КГОК - Ковдорский горно-обогатительный комбинат
КЗЖБИ - Ковдорский завод железобетонных изделий
КПП - комбинат производственных предприятий
КСУ - Ковдорский строительный участок
АТК - автотранспортная контора
ЖКК - жилищно-коммунальная контора
СУЭР - строительный участок экскаваторных работ
УПТК - управление производственно-технологической комплектации
УМС - управление механизации строительства
СУ - строительный участок
ССО - студенческий строительный отряд
КСК - культурно-спортивный комплекс
УМИТ - управление производственно-технологической комплектации;
УММ - участок малой механизации
ПРО - производственный отдел
ПКБ - проектно-конструкторское бюро
ППО - плано-производственный отдел
ХПТУ - хозрасчетное проектно-техническое управление
СМУ - 1, 2, 3 - строительно-монтажное управление
ХИСУ - хозрасчетный инженерно-строительный участок
ДДУ - детские дошкольные учреждения
УЗР - участок земляных работ

Логотип треста «Ковдорстрой»

Содержание

Часть 1. СТРАНИЦА, НЕ ВОШЕДШАЯ В ЛЕТОПИСЬ.....	3
Часть 2. ДАТА РОЖДЕНИЯ: 1 ИЮНЯ 1953 ГОДА.....	19
Часть 3. ПЕРВЫЙ ГОД	23
Часть 4. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ	51
Часть 5. ГОД ЗА ГОДОМ	81
Часть 6. ГОД ПУСКА.....	149
Часть 7. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ПУСКА	159
Послесловие	166
Библиография	168
Список сокращений	169

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
КОВДОРСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА»
МУНИЦИПАЛЬНОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«КОВДОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

А. В. КОСАРЧУК

В Ковдоре - от первого колтышка

*Воспоминания Почётного гражданина
города Ковдора, ветерана труда
треста «Ковдорстрой»*

978-5-94422-168-1

Издательство

«Центр современной литературы и книги на Васильевском»

Адрес: г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 10/1

Тел. (921) 934-79-05

www.litcenterspb.com www.artlitmix.com

В книге представлены фотографии из личных архивов
И. А. Косарчук, Г. И. Карвасовского, Г. В. Азарёнок, В. Н. Звира, Н. Ганиевой

Отпечатано в типографии «Бионт».

Адрес: СПб., В.О., Средний пр., д. 86. Тел. (812) 322-68-43.

Подписано в печать 22.11.2023 г. Бумага офсетная.

Печать офсетная. 10,75 печ.л.

Тираж 500 экз. Заказ №80.

«В итоге — твердое сознание, что честно я тянул свой воз»

Записки первостроителя

Серьезная и очень важная тема — охрана природы. Как правило, строители приходят для того, чтобы строить дома, промышленные и другие объекты. Строителей нередко и обобщенно ругают за то, что они уничтожают не только те деревья, которые попадали под застройку, но и те, что должны быть оставлены, сохранны. Думаю, что примером для этого больше чем достаточно, и приходится их здесь нет необходимости. Слажу только, что там, где нужно пройти узкую просеку и можно это сделать бульдозером с таким же узким ножом, полчас беретса лобор механизмом и уничтожается все подряд. Теперь редко увидишь на строительной площадке ограждение деревьев. Да что говорить, немалым укором нам, строителям, стояла под окнами треста красавица сына. Но это уже бывшая красавица, теперь это засохшее дерево — памятник всем тем деревьям, которые уничтожили строители Ковдора. На стволе этой сосны-меличани по нашим теплым условиям оставлены следы варварских издевательств над ней, отчего это дерево и засохло. Задушила его удавка из стального троса.

Мне пришлось работать на крупной стройке в Сибири, который руководил известным в стране строителем тридцатых—пятидесятых годов Михаил Михайлович Даренский. Когда он присматривал на новую стройку, то сначала назначал инженера по охране природы. Без согласования с должностным лицом не выручишь одно дерево, ни один и...

Еще сегодня в нашем первом 20—25-летней должно уходить неча дельно и долым стберезок, оставле...

О том, чтобы в годом хороше Но теперь строите дся ма

з. ит зы. ты бе, волокой погнбнут, площадн, и натяная, сколько угодне

1957 год закончили Ковдора. Это тать переломным этапа в строите: и развитии Ков пункта. В апреле ны из барака теперь стоит сивой столк красный ф. возмештив ые обр власти Совет Ноль оди ны

Вот и все порк. Достаточно легкой прикосновле в том числе и в парковой зоне вокруг поселе. Мощности осваивались в коллектив, в том которых пожег шел в Ч

новые интересы, новая и большая ра...

боте ани нах реу дор что и в кан стае Кар пер ков вст. Бас им рин пер селл реал перт что в э шим титт уид ден ны 103 пост атай шик ду

Лентина ковордорских строителей и монтажников Зашейковского участка «Спецстрой» и Ковдорского участка Мончегорского управления «Севзапэлектромонтаж». А всю эту работу направлял, финансировал и вместе с ними трудился коллектив ковордорского рудоуправления, ныне АО «Ковдорский ГОК». Почти все рабочие и инженерно-технические работники нашего ГОКУ работали по несколько месяцев на ЛЭП практически без ждыя, полугодыме, на ко марак, а мороз и стужу, по пояс в снегу, без возможности обсушитса, кроме как у костра. А ведь и земляные работы, и разработка скалы под котлованы опор, и лесорубочные на трасе с трелевкой древесины работы — все выполнялось вручную. Ни о какой технике не могло быть и речи, так как не было и самой техники, а

готовых бетонных фундаментов обирать дома и все вручную. Работали две бригады плотников-бетонщиков (затем их объединили в одну) во главе с опытным специалистом Александром Алексеевичем Смирновым. Из рабочих мужко называли А. Царева, А. Мисалева, В. Калугина, И. Ичелина, И. Мошнякова, Ю. Пашинчева, И. Меркушева, М. Друдникова, В. Гусева, А. Симанова, старший Ю. Ланцова, А. Векшина, А. Барасова. Отделочным участком руководил С. П. Приципи. Участок подчинялся Мончегорскому управлению «Оздестрой». Отделочные работы вели тоже одна большая бригада, которой руководила Татьяна Гивновна Нечелова. Бригаде были молодые, энергичные Желушки но приехал по органибору, кто из ФЗО. С удовольствием

РАССКАЗ-ГАЗЕТА СТР. 7

А. КОСАРЧУК

ГОД ЗА ГОДОМ

В детском саду, как назло, на самом видном месте, перед спуском в подвал деревянный лирик, а в нем перед четверть кубометров замороженного...

Кто мастер? тоже не в... чтобы обить

рту, п... Эп... так

А. КОСАРЧУК

Рассказ-газета. Стр. 2

И. Д. Пусна

Рассказ-газета. Стр. 6

Первые годы после пуска

ода были уже на выходе новые мощней металлургического завода, рассчитанного на железный концентрат. Все, что нужно было сделать и строителям в Мурманском Союзверкозе, — это сформировать на площадке стройотряды и субподразделения напором и предвзвешенно организованные с а с промышленными и специалистами, чтобы выработать и сместить эти задачи для

Первого июня 1953 года небольшая группа строителей во главе с Петром Васильевичем Голубевым, только что назначенным начальником нового строительного управления, прибыла в район строительства будущего Ковдора. Новое подразделение тогда единственного территориального треста на Кольском полуострове в приказе именовалось так: «Ковдорское строительное управление «Спецстрой» треста «Кольский». Руководство коллективом доверили опытному организатору, в свое время начинавшему строительство Оленегорского горно-обогатительного комбината, зачительной фабрики с рудительной фабрики с Ковдорском, а теперь вот Ковдорского железного рудника с обогатительной фабрикой и поселком на 5 тысяч человек. Так тогда было написано в приказе.

И строительное управление, и будущий поселок стали именоваться Ковдорскими от названия нашего озера Ковдора.

Таким образом, первое июня 1953 года и принято считать началом существования Ковдора как населенного пункта. А следовательно, в нынешнем, 1988 году нашему городу исполняется 35 лет. И хотя эта дата не юбилейная, однако в жизни города она имеет круглого

из строителей. жу вам по сов. полненной раб. Хорошее ср. поощряйте его. потеряться ост. найте, если чел. Делайте

ДАЛ

Публикуя города с пр. лет Ковдор старше. Он отделать о продолжан люди. Дагтей, выра ствует ра нашем кр полях, ф очерки, ф Достин КПСС М примере Севера

А. КОСАРЧУК

Уже в мае предстг дробления и пу... в них размещат... в них размещат

Дата рождения: 1 июня 1953 года

С сегодняшнего номера газета приступает к публикации материалов, посвященных 26-летию Ковдора. Пользуясь случаем, мы благодарим директора учебного комбината греста «Ковдорстрой» Александра Васильевича Косарчука за любезное согласие открыть рубрику и поделиться с читателями своими воспоминаниями о первых днях поселка Ковдор.

Да, ученики школы номер семнадцать задумали большое дело — создать музей города, в котором они родились. Но разве только так отмечаются значимые веки нашей жизни?

Третий год десятой пятилетки ознаменовал для ковдорчан юбилеем их родного города. А это значит, что вся производственная, вся культурная жизнь Ковдора будет проходить под знаком предстоящего двадцатипятилетия. А это значит, что девиз «Приветник Ковдор в город образцово-показательный и порядка!» должен быть воплощен в жизнь уже в этом году.

Редакция обращается к читателям с просьбой поделиться своими предложениями, как лучше отметить 26-летие Ковдора, как и когда организовать юбилейные торжества.

В ноябре прошлого года мне позвонила учительница математики из семнадцатой школы Альбина Николаевна Каверина и сказала, что при школе создается музей истории Ковдора.

Альбина Николаевна ребята старших классов документов, относящихся к приходу первых строителей в Ковдор, что потом и сделать.

После звонка Альбины Николаевны я вдруг вспомнил, в ведь 1 июня 1953 года.

«Спецстрой». Параграф первый: сего числа вступила в обязанности и. о. начальника специализированного управления «Спецстрой». Оси... по тресту... года

гужевой дорогой от поселка Ела до Ковдора.

Но и геологи, и железнодорожные строители были здесь временные. А наши строители 1 июня 1953 года пришли в Ковдор строить комбинат в поселок, образован сразу постоянный рабочий пункт. Вот тогда и в других документах Ковдора кто-то записал...

Первый год

Вспоминая сегодня время становления коллектива, можно сказать, что успешная коллективная работа могла быть только при необходимой дисциплине и коллективе, жесткой требовательности к аппарату и определению производственного риска. Это Голубев хорошо понимал и твердо придерживался не только в работе, но и в жизни. В Завеске и не обещания надежды, а всякая кассира в августе 1953 года. А жизнь брата свое. И вот уже ставится вопрос о развитии рационализации и прогрессивных методов труда (приказ № 36 от 27 января 1953 года). И 120 от 17 ноября 1953 года. Проверкой работавших в августе 1953 года. И 120 от 17 ноября 1953 года. Проверкой работавших в августе 1953 года. И 120 от 17 ноября 1953 года. Проверкой работавших в августе 1953 года.

ЕКОЕ И БЛИЗКО

К 35-летию Ковдора

выступление А. В. Косарчука, редакция как населенному пункту. Но история и сегодешнему. За каждым делом — есть рассказы о тех, кто строил и батывает промышленную и сельскую авитию здравоохранения и прас, о людях, прославивших и пражений. Для этого нужны свидотоснимки и рисунки, стихи и гичное нами понимание историческая А. С. Горбачев, будет углубить местной истории, конкретны в нашем крае.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Приказом по тресту «Колыстрой» от 18 июля наше строительное управление «Колыстрой» переименовано в строительное управление «Ковдорстрой». Все как говорится, ставилось на свои места. В том же месяце начальником строительства был назначен прибывший из Ленинграда Тимашев, сменивший на этой должности П. Голубева. Голубев стал заместителем начальника управления. Не знаю, удалось ли мне описать Голубева в этих главах, но встретиться с таким человеком было для любого производственника большим событием.

ГОД ЗА ГОДОМ

И закрылось, завертелось. Вскоре цокилась смета на капитальный ремонт клуба. Здание до основания разобрали, снесли бульдозером фундаменты, сравняли площадку до того состояния, какой она была перед началом строительства клуба-барака, и на этом месте начался новый этап строительства. В августе 1953 года...

*Помнят скалы,
Как парни сказали:
- Здесь будет город,
Здесь будет радость,
Руда большая,
Большое счастье
И много-много
Тепла и света!*

*А. Кузнецов, «Заполярный город»
(из цикла стихов «Руда»)*

978-5-94422-168-1

9 785944 221681